

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

научный и общественно-политический журнал

том 83 № 6 2013 Июнь

Основан в 1931 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN: 0869-5873

*Журнал издаётся под руководством
Президиума РАН*

Главный редактор
Ю.С. Осипов

Редакционная коллегия

Ж.И. Алфёров, А.Ф. Андреев, В.Н. Большаков, А.А. Боярчук,
В.И. Васильев, Г.С. Голицын, А.И. Григорьев,
А.П. Деревянко, Ю.М. Каган, А.И. Коновалов,
В.В. Костюк (заместитель главного редактора),
Н.П. Лавёров, Г.А. Месяц, Ю.В. Наточин,
А.Д. Некипелов, О.М. Нефёдов, В.И. Осипов, Р.В. Петров,
В.В. Пирожков (ответственный секретарь),
Д.В. Рундквист, Ф.Г. Рутберг, А.С. Спирин, В.С. Стёпин,
Л.Д. Фаддеев, Е.П. Челышев, А.О. Чубарьян,
Н.П. Шмелёв, В.Л. Янин

Заместитель главного редактора
Г.А. Заикина

Заведующая редакцией
В.В. Володарская

Адрес редакции: 119049 Москва, Крымский вал, Мароновский пер., 26
Тел./факс 8(499) 238-21-44, 8(499) 238-21-23; тел. 8(499) 238-25-10
E-mail: vestnik@naukaran.ru

Подписка на “Вестник РАН” по Москве
через Интернет WWW.GAZETY.ru

Москва
Издательство “Наука”

СОДЕРЖАНИЕ

Том 83, номер 6, 2013

Научная сессия Общего собрания Российской академии наук

Вступительное слово президента РАН академика Ю.С. Осипова	483
Выступление председателя Государственной думы ФС РФ, председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина	486
Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования <i>Homo Sapiens</i> . <i>Доклад академика А.П. Деревянко и доктора исторических наук М.В. Шунькова</i>	488
Начало Руси глазами современной археологии. <i>Доклад академика Н.А. Макарова, члена-корреспондента РАН Е.Н. Носова и академика В.Л. Янина</i>	496
Древняя Русь и Причерноморье в XIII–XV вв. <i>Результаты новых архивных изысканий</i> . <i>Доклад академика С.П. Карпова</i>	508
Россия в мировом историческом процессе. <i>Доклад академика А.О. Чубарьяна</i>	512
Судьба великих русских иконостасов XV века. <i>Доклад члена-корреспондента РАН Г.И. Вздорнова</i>	515
Война 1812 года и русская культура. <i>Доклад члена-корреспондента РАН В.Е. Багно</i>	520
Отечественная общественная мысль и политическая система России в историческом измерении. <i>Доклад академика Ю.С. Пивоварова</i>	525
1917 год в истории России. <i>Доклад доктора исторических наук В.А. Никонова</i>	533
Великая победа и народная память. <i>Доклад академика Г.А. Куманёва и доктора исторических и юридических наук В.А. Золотарёва</i>	542
Выступления участников Научной сессии Общего собрания РАН: академик <i>Е.П. Чельшева</i> , <i>В.А. Черешнева</i> , академика НАН Украины <i>П.П. Толочко</i> , академик <i>Р.И. Нигматулина</i> , <i>Ю.В. Цветкова</i> , <i>С.С. Григоряна</i> , <i>Л.В. Розентрауха</i> , <i>Ю.А. Израэля</i> , <i>А.Д. Некипелова</i>	548
Резолюция Научной сессии Общего собрания Российской академии наук “История России: актуальные проблемы и новые решения”	556

Точка зрения

О.В. Михайлов

Российский индекс научного цитирования. <i>Взгляд заинтересованного пользователя</i>	557
--	-----

Этюды об учёных

Р.Н. Щербаков

Стремление и любовь к научной истине. <i>К 150-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Г.В. Вульфа</i>	562
---	-----

Официальный отдел

Президиум РАН решил. — Юбилей	570
О конкурсах на соискание золотых медалей и премий имени выдающихся учёных, проводимых Российской академией наук в 2014 году	574

CONTENTS

Vol. 83, No. 6, 2013

Simultaneous English language translation of the journal is available from Pleiades Publishing, Ltd.
Distributed worldwide by Springer. *Herald of the Russian Academy of Sciences* ISSN 1019-3316

A Scientific Session of General Meeting of the Russian Academy of Sciences

Opening Address of RAS President Academician Yu.S. Osipov	483
Speech of the Chairman of the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of the Russian Historical Society S.E. Naryshkin	486
New Archaeological Discoveries in the Altai and the Problem of Formation of <i>Homo Sapiens</i> . <i>Report by Academician A.P. Derevyanko and Doctor of Historical Sciences M.V. Shun'kov</i>	488
The Beginning of Russia from point of view of Modern Archaeology. <i>Report by academician N.A. Makarov, Corresponding Member of the RAS E.N. Nosov and Academician V.L. Yanin</i>	496
Ancient Russ and the Black Sea Region in the XIII–XV Centuries. <i>The New Archival Results</i> . <i>Report by Academician S.P. Karpov</i>	508
Russia in the World Historical Process. <i>Report by Academician A.O. Chubar'yan</i>	512
The Fate of the Great Russian Iconostasis of the XV Century. <i>The Report by Corresponding Member of the RAS G.I. Vzdornov</i>	515
The War of 1812 and Russian Culture. <i>The Report by Corresponding Member of the RAS V.E. Bagno</i>	520
Russian Public Thought and the Political System of the state in Historical Dimension. <i>Report by Academician Yu.S. Pivovarov</i>	525
The Year 1917 in the Russian History. <i>The Report by Doctor of Historical Sciences V.A. Nikonov</i>	533
The Great Victory and the People's Memory. <i>Report by Academician G.A. Kuman'ev and Doctor of Historical and Legal Sciences V.A. Zolotar'ev</i>	542
Adresses of the participants of the General meeting of the RAS: Academician E.P. Chelyshev, Academician V.A. Chereshev, Academician P.P. Tolochko, Academician R.I. Nigmatulin, Academician Yu.V. Tsvetkov, Academician S.S. Grigoryan, Academician L.V. Rozenshtaukh, Academician Yu.A. Izrael, Academician A.D. Nekipelov	548
Resolution of the Scientific Session of the General Meeting of the Russian Academy of Sciences “The History of Russia: Current Problems and New Solutions”	556

Point of View

O.V. Mikhailov

The Russian Index of Scientific Citation. <i>Opinion of the Interested User</i>	557
---	-----

Profile

R.N. Scherbakov

The Desire and Love for the Scientific Truth. <i>On the 150th Anniversary of the Birth of Corresponding Member of the RAS G.V. Wolf</i>	562
--	-----

Official Section

Decisions of the RAS Presidium. Anniversaries	570
On Contests for Gold Medals and Prizes Named after Outstanding Scientists, Conducted by the Russian Academy of Sciences in 2014	574

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

DOI: 10.7868/S0869587313060182

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ПРЕЗИДЕНТА РАН АКАДЕМИКА Ю.С. ОСИПОВА

Указом Президента Российской Федерации 2012 год был объявлен Годом российской истории. Внимание высшего руководства страны к ключевым вехам пути, пройденного Россией за 1150 лет, свидетельствует о важности политической и воспитательной функций исторической науки.

Празднование в рамках Года российской истории целого ряда знаменательных юбилейных дат — от 1150-летия российской государственности до 70-летия Сталинградской битвы — дало нам повод ещё раз соприкоснуться с нашим прошлым. Как писал один из первых античных историков Полибий, “уроки, почерпнутые из истории, наиболее верно ведут к просвещению и подготавливают к занятию общественными делами, повесть об испытаниях других людей есть вразумительнейшая или единственная наставница, научающая нас мужественно переносить превратности судьбы”.

С первых десятилетий своего существования Академия наук уделяла внимание историко-культурному наследию России, изданию исторических источников и трудов историков. В 1764 г. М.В. Ломоносов по поручению Екатерины II отобрал для воплощения на живописных полотнах ряд самых знаменательных сюжетов и великих деятелей российской истории. Накануне Отечественной войны 1812 г. возник проект установки памятника руководителям Второго земского ополчения, освободившего Москву в Смутное время — Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому. Осенью 1812 г., когда ещё не завершилось изгнание Наполеона за пределы России, М.И. Кутузов в одном из писем призывал сберечь для потомков русские укрепления у Тарутина. С XIX столетия стали традиционными торжественные мероприятия на Бородинском поле. Возникли исторические и археологические общества, в России приступили к раскопкам и реставрации памятников старины.

Казалось бы, совсем недавно, при жизни наших прапрадедов, Россия торжественно отмечала 1000-летие своей государственности. Тогда, 8 сентября 1863 г., император Александр II, годом ранее освободивший крестьян от крепостной зависи-

мости, открыл в Новгороде памятник “Тысячелетие России” работы М. Микешина и И. Шервуда. С ещё большим размахом праздновались в начале XX в. 200-летие Полтавского сражения — в 1909 г., 50-летие отмены крепостного права — в 1911 г., 100-летие Отечественной войны 1812 г. — в 1912 г., 400-летие освобождение Москвы от иноземных интервентов — в 1912 г. и 300-летие дома Романовых — в 1913 г. Эти события запечатлены не только в опубликованных материалах, но в кино- и фотодокументах. После 1917 г. хранительницей многих дореволюционных традиций стала российская эмиграция.

Старшее поколение помнит празднование в 1962 г. 150-летия окончания Отечественной войны 1812 г. Именно тогда в Москве были восстановлены Триумфальные ворота, появился музей-панорама “Бородинская битва”.

В 2012 году российской государственности исполнилось 1150 лет. Сознвая условность летописной даты — 862 г. — и признавая, что государственные начала стали формироваться у восточных славян ещё до прихода Рюрика с варяжской дружиной, учёные России не могли не отозваться на этот знаменательный, пусть и условный, юбилей новыми трудами.

Празднование юбилеев, памятных исторических дат способствует формированию чувства гордости за наши подлинные свершения, позволяет осознать истинные причины неудач. В Год российской истории в разных городах России, а также за её пределами на высоком научном уровне прошли юбилейные конференции и встречи учёных, открылись познавательные архивные и музейные выставки.

В мае 2012 г. создано Российское историческое общество, деятельность которого направлена на объединение историков, повышение интереса к истории в стране, популяризацию исторических знаний. В газетах и журналах опубликованы интересные подборки юбилейных материалов, состоялись теле- и радиопередачи с участием авторитетных специалистов, вышла в свет серия книг, альбомов и музейных каталогов, посвящённых

памятным событиям в истории российской государственности и культуры.

В юбилейном году институты Отделения историко-филологических наук Российской академии наук по грантам Российского гуманитарного научного фонда подготовили 10 трудов, в которых освещаются вопросы формирования российской государственности, 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г.

Учёными-историками Российской академии наук ведётся масштабная работа по выпуску фундаментального 6-томного издания “Всемирная история”, завершению многотомной научной серии “Народы и культуры”, по подготовке 20-томной академической “Истории России”. Буквально на днях в этом зале успешно прошёл Всероссийский съезд учителей истории.

Не могу не сказать о месте и роли Российской академии наук в истории российской государственности. Мы должны помнить, что Пётр Великий, основывая Академию наук, исходил прежде всего из интересов России, Российского государства. Как гласило проработанное им лично “Положение об учреждении Академии наук и художеств” 1724 г., “надлежит смотреть на состояние здешнего государства”.

Пётр I придал Академии наук уникальный статус, отличный от европейских аналогов. Академия задумывалась как государственное учреждение, сочетающее самоорганизующееся научное сообщество с государственным управлением и финансированием. “Чтоб сие здание непременно и полезно было”, предусматривалось, что академия должна быть “токмо под ведением императора, яко протектора своего”. Так обеспечивалась прямая связь Академии наук с высшим государственным управлением.

Можно удивляться прозорливости идей императора, заложенных им в основание академии: спустя 300 лет они остаются актуальными. В петровском “Положении” говорилось и о значении академии для славы государства, и “для размножения наук”, для обучения “младых людей”, для “пользы в народе”. Так, с самого начала были определены основы серьёзных научных исследований, образования и просвещения, практического применения научных знаний.

Не все властные структуры в России на протяжении последующих столетий оказались на высоте замыслов Петра Великого. С распространением университетов в стране в начале XIX столетия стало забываться, что именно Академия наук положила начало университетскому образованию. И в прошлом, и теперь находятся люди, пытающиеся противопоставить академическую и университетскую науку.

Если посмотреть непредвзято, станет очевидно, что во все эпохи многие выдающиеся профессора и педагоги высших учебных заведений были одновременно членами или сотрудниками Академии наук. Историки не без основания утверждают, что когда связь академии и государства ослабевала, это наносило вред и науке, и обществу, и государству.

Академия трудилась на благо России в самые трагические периоды её истории. Попытки упрекнуть академию в недостаточной связи с современностью, с практической жизнью предпринимались не единожды: и когда большевики хотели заменить “старую” академию новой, коммунистической академией, и когда в 1920–1930-е годы многие выдающиеся учёные, в особенности представители гуманитарных наук, попали в жернова политических репрессий, и когда в 1964 г. Н.С. Хрущёв хотел разогнать академию “к чёртовой матери” или, по крайней мере, выделить из неё гуманитарные науки.

Напомню, что изучение истории входило в замысел Петра Великого. По петровскому “Положению” предусматривалось создание трёх отделений, в которые должны были входить не только естественные, но и гуманитарные науки, в том числе “гистория”.

С момента её создания Академия наук остаётся главным научным учреждением страны не только в области естественных, но и гуманитарных наук. В XVIII — начале XIX вв. историческую тематику разрабатывали академик Г.Ф. Миллер и российский гений академик М.В. Ломоносов. Почётными членами академии были князь М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин. Последний назвал свой фундаментальный труд “Историей государства Российского”. Это отвечало духу всей деятельности академии — на благо России, на благо государства.

С XVIII столетия одним из направлений деятельности Академии наук в области познания прошлого стало издание документальных источников. Это чрезвычайно важная область исследований. В XX в. выходили фундаментальные публикации летописей, актов, памятников древнерусской литературы. Можно сказать, что учёными академии был опубликован весь основной корпус памятников Отечества — источник нашего исторического самосознания.

Следует упомянуть, что фактически все крупнейшие историки России были действительными членами академии, а Сергей Михайлович Соловьёв и Василий Осипович Ключевский создали широко известные фундаментальные труды по истории России, и они остаются непревзойдёнными классиками исторической науки.

Академик А.С. Лаппо-Данилевский был автором трудов по методологии истории, издавал “Письма и бумаги Петра Великого”, “Памятники русского законодательства”. Академик А.А. Шахматов посвятил свои труды изучению древнерусских летописей. История древних славян, Киевского государства, отношения Золотой Орды и Руси раскрыты в трудах академиков Б.Д. Грекова и Б.А. Рыбакова.

В Год российской истории и 200-летия Отечественной войны 1812 г. уместно вспомнить, что книга академика Е.В. Тарле “Наполеон” была переведена на десятки языков, она переиздается до сих пор. Академик М.Н. Тихомиров раскрыл значение памятников древнерусского права, культуры, международных связей Руси. Образование русского централизованного государства исследовал академик Л.В. Черепнин. Академик

Д.С. Лихачёв внёс огромный вклад в изучение древнерусской литературы, культуры, в публикацию памятников. Член-корреспондент А.В. Арциховский прославился открытием берестяных грамот во время археологических раскопок в Новгороде, перевернувших научные представления о грамотности населения, письменности, культуре Древнерусского государства. Его труды были продолжены археологической экспедицией академика В.Л. Янина. Большой вклад в развитие исторической науки внесли академики В.П. Алексеев, Г.М. Бонгард-Левин, С.Л. Тихвинский, А.А. Фурсенко и многие другие наши коллеги. Академические традиции в области изучения истории успешно продолжают. История остаётся “учительницей жизни”, как говорили древние мудрецы.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

DOI: 10.7868/S0869587313060133

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФС РФ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
С.Е. НАРЫШКИНА**

Я считаю важным и необходимым для законодательной власти тесное взаимодействие с научным, экспертным сообществом по самым разным направлениям, и, конечно, по вопросам развития исторической науки, тем более, что программа нынешней Научной сессии посвящена истории, в том числе истории Отечества.

Именно по инициативе учёных было воссоздано Российское историческое общество, а 2012 год объявлен Годом российской истории. Подводя его итоги, мы можем смело сказать, что с окончанием года работа не заканчивается, она только разворачивается.

Одним из главных факторов здесь стал рост общественного интереса к истории Отечества, истории богатой и разнообразной, истории побед и неудач, истории великой и трудной. Только глубокое знание прошлого и стремление его понять способны формировать историческое сознание и укреплять связь поколений.

Хочу ещё раз поблагодарить Российскую академию наук и всех тех, кто принимал непосредственное участие в возрождении Российского исторического общества — академиков Юрия Сергеевича Осипова, Александра Огановича Чубарьяна, Виктора Антоновича Садовниченко, Анатолия Васильевича Торкунова, Анатолия Пантелеевича Деревянко, Валерия Александровича Тишкова, Сергея Павловича Карпова и других учёных, а также деятелей культуры, образования, издателей и представителей средств массовой информации.

Как это бывало уже не раз, отечественная история объединила представителей многих гуманитарных дисциплин. Отмечу, что современное Российское историческое общество уже успело зарекомендовать себя в целом ряде научных и просветительских проектов, выступило в числе организаторов многих мероприятий, включая посвящённые юбилеям крупных исторических событий. Таких на нынешний год выпало немало, не буду их здесь перечислять, скажу лишь, что впереди новые даты, а значит, и новая общая работа. Это, в частности, 400-летие Земского собора, 200-летие Освободительного похода русской армии. Пора, кстати, уже начинать подготовку и к

полуторавековому юбилею судебной реформы 1864 г., которая явилась важнейшим этапом становления российской правовой системы и одной из самых смелых и плодотворных реформ Александра II.

Приближается и 100-летие начала Первой мировой войны. Встречаясь этой осенью с зарубежными историками, я предложил готовиться к этому событию совместно в рамках межгосударственного проекта и был поддержан. Надеюсь, что представители РАН, включая тех, кто является членами иностранных академий, примут деятельное участие в реализации этого начинания. Со своей стороны планирую обсудить эту тему в начале 2013 г. при посещении Французской академии. В этой связи есть уже и законодательные инициативы. Предлагается включить день 1 августа в календарь памятных дат как День памяти русских солдат, погибших в Первой мировой войне.

Уже сейчас пора думать о 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В рамках Российского исторического общества мы такую задачу ставим, исходя из того, что историческая память о победе над фашизмом объединяет многие народы. Уверен, что это может стать дополнительным фактором углубления интеграции с нашими ближайшими партнёрами по СНГ. Здесь вновь будут востребованы тесные научные связи, которые удалось сохранить во многом благодаря усилиям Российской академии наук.

Хотел бы уделить особое внимание такому направлению исследований, как история становления отечественного парламентаризма. Она, как известно, не столь долгая. К примеру, Российская академия наук старше Государственной думы почти на два столетия. Однако хроника парламентаризма также включает множество интереснейших фактов, имён и событий, достойных глубокого изучения. Это касается не только дореволюционной и советской эпох, но и нынешнего времени. Причём здесь есть простор для многих гуманитарных наук — и собственно истории, и политологии, и социологии, и правоведения.

Уроки развития отечественных институтов народовластия важны прежде всего для современных парламентариев. Но их необходимо усвоить и

всему обществу, чтобы лучше понимать ценности демократии и правового государства, ответственно относиться к востребованным задачам модернизации нашей жизни, наконец, чтобы уважение к закону стало нормой для каждого, кто хочет быть гражданином России не только по паспорту. Мы должны научиться не повторять ошибок, допущенных нашими предшественниками, и уметь избегать уже, к сожалению, не раз “опробованных” ловушек. Василий Ключевский не зря говорил: “Прошлое нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий”.

Как спикер парламента и председатель Российского исторического общества я, конечно же, стараюсь следить за состоянием научного знания в области права, истории народного представительства и парламентаризма. Надеюсь, что предстоящие в 2013 г. юбилеи — 20-летие Конституции и Федерального Собрания — станут поводом для активизации как исследовательской, так и издательской работы. Подобное, кстати, происходило и в рамках дореволюционного императорского Русского исторического общества. Это позволит ввести в научный оборот новые, малоизвестные доселе материалы. И пусть здесь вновь возникнут непростые вопросы и научного, и политического свойства — при профессионально честном отношении к делу все проблемы разрешимы.

Совместно с историками мы уже подготовили к печати сборник избранных выступлений депутатов Государственной думы, начиная с первого созыва (1906) до наших дней. При отборе материала составители руководствовались четкой методикой, в основе которой — историческая значимость обсуждаемых вопросов. Такой подход позволил добиться согласия всех фракций Государственной думы, рекомендовавших сборник к публикации. Планируется издать его ко Дню российского парламентаризма, который впервые будет отмечаться 27 апреля 2013 г. Напомню, что именно 27 апреля 1906 г. начала работать первая Государственная дума. Говорю об этом как о возможном примере достижения согласия по историческим вопросам, которого нам не хватало очень долгое время. Надеюсь, что именно такой подход будет преобладать и в дальнейшем. Ведь и в современном двадцатилетнем развитии новой, демократической России пора осмысления опыта уже наступила.

Эксперты давно говорят, что нам необходима новая академическая история России. Со времени последнего обобщающего труда по отече-

ственной истории прошло более 30 лет. Сейчас завершается очень трудная, но важная работа над многотомником по всеобщей истории. Убежден, что в работе над такими крупными проектами нельзя замыкаться в рамках даже самых уважаемых академических институтов. Необходимо привлекать представителей вузовской науки, изучать свидетельства современников, шире использовать исследовательский потенциал музеев и архивов, не говоря уже о внедрении в научных целях современных технологий сбора и обработки информации.

Вы знаете, что в деле оцифровки архивов мы уже отстали от некоторых других государств, пока эта работа ведётся хаотично, сталкиваясь с целым рядом практических трудностей, вплоть до принципов отбора фондов. Хочу сообщить вам, что Российское историческое общество обратилось в Правительство России с просьбой сосредоточить внимание на этих проблемах и готово само участвовать в этой работе, привлекая заинтересованных специалистов. Ещё более важной задачей является обеспечение сохранности архивных, музейных, библиотечных фондов, археологических и архитектурных памятников. Здесь требуется совершенствование законодательной базы, и такая работа в Государственной думе уже идёт. Она охватывает правовое обеспечение научной деятельности, создание современных юридических механизмов и стимулов, повышающих качество исследований и способствующих появлению инноваций.

Со своей стороны рассчитываем на ваше активное участие в экспертной работе над законопроектами и в мониторинге правоприменения. Кстати, недавно на заседании Совета законодателей, где широко представлены руководители региональных парламентов, говорилось о важности повышения качества нормотворческой работы. Президент России обратил на это особое внимание. Надеюсь, что сотрудничество Государственной думы с Российской академией наук и со всем научным сообществом будет только крепнуть, в том числе и в рамках работы различных экспертных советов, созданных в Думе.

Хотел бы также призвать вас и ваших коллег к работе по популяризации науки, к более активному и доступному изложению истории. Лекции и семинары, понятные новому, молодому поколению, сегодня крайне важны. Именно поэтому я стараюсь и сам читать такие лекции и призываю своих коллег шире освещать историю парламентаризма.

DOI: 10.7868/S0869587313060066

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА АЛТАЕ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ *HOMO SAPIENS*

ДОКЛАД АКАДЕМИКА А.П. ДЕРЕВЯНКО
И ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК М.В. ШУНЬКОВА

В настоящее время на Алтае, расположенном на границе Северной и Центральной Азии, сосредоточены наиболее информативные археологические комплексы, характеризующие древнейшую историю огромного пространства от Урала до Тихого океана и от Монголии до Северного Ледовитого океана. Особенно интересные результаты в области первобытной истории получены в северо-западной части Алтая в ходе междисциплинарного изучения многослойных палеолитических памятников в долине верхнего течения реки Ануй. В отложениях Денисовой пещеры, стоянок Карама, Усть-Каракол и других археологических объектов вместе с многочисленными артефактами зафиксированы массовые палеонтологические материалы, позволяющие проследить процесс развития палеолитической культуры и реконструировать условия обитания первобытного человека на различных палеогеографических этапах плейстоцена. Кроме того, новейшие антропологические открытия в этом районе связаны с основными проблемами происхождения и формирования человека современного физического облика.

Археологические и палеоэкологические данные. Самый древний этап проникновения палеолитического человека на территорию Алтая представляют архаичные галечные орудия, обнаруженные в отложениях нижнего неоплейстоцена на стоянке Карама. В толще пролювиально-аллювиальных осадков, вскрытых на участке пологого склона долины Ануйа с отметками 50–60 м над урезом реки, зафиксирована культурная последовательность из четырёх горизонтов обитания раннепалеолитического человека.

Верхний уровень находок связан с толщей красноцветных осадков, представленных грубоокатанным валунно-глыбовым материалом с плохо сортированным суглинисто-песчаным заполнителем, обильно насыщенным гравием и дресвой. Среди крупнообломочного материала преобладают крупнозернистые гранитоиды и эффузивы с включениями глыб светло-серого гранита. Часть из них подверглась интенсивному вы-

ветриванию, а некоторые глыбы разложились до дресвы. Особенности гранулометрического состава указывают на пролювиальный генезис отложений, хотя в подошве толщи отмечены включения сильновыветрелого мелкогалечного и гравийного материала, прошедшего стадию аллювиального транзита.

Нижняя часть разреза, вмещающая три уровня раннепалеолитических находок, представлена толщей переслаивающихся субаквальных супесчаных и глинистых осадков с линзами и прослоями выветрелого галечного и гравийного материала и с хорошо выраженным педокомплексом из двух горизонтов почв типа слитозёмов. Почвы подобного типа формируются в условиях тёплого климата со среднегодовой температурой 8–12°C. Для плейстоценовых отложений Сибири ископаемые почвы семейства слитозёмов не характерны, что косвенно подтверждает относительную древность этого педокомплекса.

Археологические материалы Карама представлены раннепалеолитическими индустриями галечного типа (рис. 1). В техническом отношении для них характерны приёмы бессистемного и параллельного скалывания заготовок. Среди продуктов первичного расщепления представлены обколотые гальки в виде нуклеусов с гладкими или грубо подправленными ударными площадками, а также сколы с субпараллельно огранённым дорсалом и подготовленной площадкой. Самой представительной категорией инвентаря являются скрёбла на уплощённых гальках с естественным обушком и приострённым лезвием. К другой ведущей группе изделий относятся массивные гальки, оббитые поперёк длинной оси как рубящие орудия — чоперы. Следующую по значению группу образуют зубчатые, выемчатые и клювовидные орудия, оформленные главным образом глубокими и широкими выемками. Остальную часть инвентаря составляют галечные изделия с выделенным шиповидным выступом в виде носика, массивные острия с широкоугольным рабочим элементом, ножи на долечных сколах с обуш-

ком-гранью, нуклеидные скребки, сколы с локальной ретушью.

По результатам палинологического исследования установлено, что пыльцевые спектры из красноцветов и нижней части разреза Карамы содержат значительное число экзотических элементов дендрофлоры [1]. В их числе неморальные европейские и дальневосточные таксоны — граб сердцелистный *Carpinus cordata*, грабинник *C. orientalis*, хмелеграб *Ostrya sp.*, дуб черешчатый *Quercus robur*, липа сердцелистная *Tilia cordata*, липа амурская *T. amurensis* и липа маньчжурская *T. mandshurica*, вяз мелколистный *Ulmus pumila* и шелковица *Morus sp.* Наличие пыльцы этих растений и экологоценотические особенности обнаруженных экзотических таксонов позволяют определить возраст вмещающих отложений не моложе раннего неоплейстоцена.

Согласно данным палеоботанических исследований, процесс первоначального заселения человеком Алтая проходил в благоприятных климатических условиях. В это время в окрестностях Карамы произрастали берёзовые и сосновые леса с участием темнохвойных пород и неморальных европейских и дальневосточных таксонов. Основой существования древнейших обитателей стоянки являлись охота и собирательство. Охотились главным образом на мелких и средних млекопитающих, таких как барсук, сурок, суслик, заяц. Кроме того, раннепалеолитический человек постоянно промыслил сбором остатков добычи хищных животных — волка, гиены, медведя.

Результаты климатостратиграфического расчленения разреза и полученные палеоклиматические реконструкции свидетельствуют о формировании этих отложений во время четырёх палеогеографических этапов раннего неоплейстоцена, отвечающих сменам двух тёплых и двух холодных эпох межледникового и ледникового рангов [2]. В совокупности материалы палинологического анализа и другие аналитические данные позволяют предположить, что накопление этих отложений соответствует стадиям 16–19 изотопно-кислородной шкалы, то есть их возраст можно определить в диапазоне 600–800 тыс. лет. В настоящее время это наиболее древние культуросодержащие слои с надёжным литологическим и биостратиграфическим обоснованием, выявленные на территории Северной Азии.

Раннепалеолитическая галечная индустрия Карамы свидетельствует о заселении территории Алтая популяциями *Homo erectus*, пришедшими, скорее всего, с первой миграционной волной из Африки [3]. Эта волна древнейших мигрантов двигалась в двух основных направлениях (рис. 2): во-первых, через Ближний Восток на юг Европы — на Кавказ и в районы Средиземноморья, во-вторых, через западные районы Азии на восток. Предполагается, что на восток гоминиды распро-

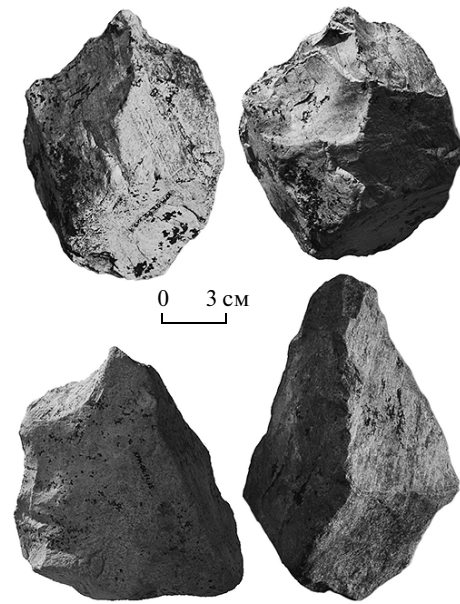

Рис. 1. Галечные орудия со стоянки Карамы

странялись двумя путями. Один из них, видимо, пролегал южнее Гималаев и Тибетского нагорья через Индостан в Восточную и Юго-Восточную Азию. Другой, северный миграционный путь, возможно проходил, через Переднеазиатские нагорья в Центральную и Северную Азию.

Хроностратиграфическая колонка Карамы свидетельствует, что представители первой миграционной волны обитали на Алтае на протяжении почти всей первой половины раннего неоплейстоцена. После холодного максимума, соответствующего изотопной стадии 16, в связи с общим ухудшением природной обстановки ранние гоминиды, по-видимому, ушли в районы с более умеренным климатом. Как представляется, оставшаяся часть популяции не смогла адаптироваться к изменившимся ландшафтно-климатическим условиям и прекратила своё существование.

Следующий документированный период древнейшей истории Алтая представлен археологическими и палеонтологическими материалами из базальных отложений Денисовой пещеры, а также из аллювиальных осадков, составляющих основание разреза палеолитической стоянки Усть-Каракол. Физическими методами датирования возраст этих отложений определён в пределах 133–282 тыс. лет, что соответствует второй половине среднего плейстоцена.

В начальный период заселения пещеры в окружающих ландшафтах были широко представлены разнотравно-злаковые степи, служившие пастбищем для многочисленных копытных — бизонов, сайгаков, благородных оленей, лошадей. Стада этих животных являлись главным объектом охоты палеолитического человека. Нижнюю часть

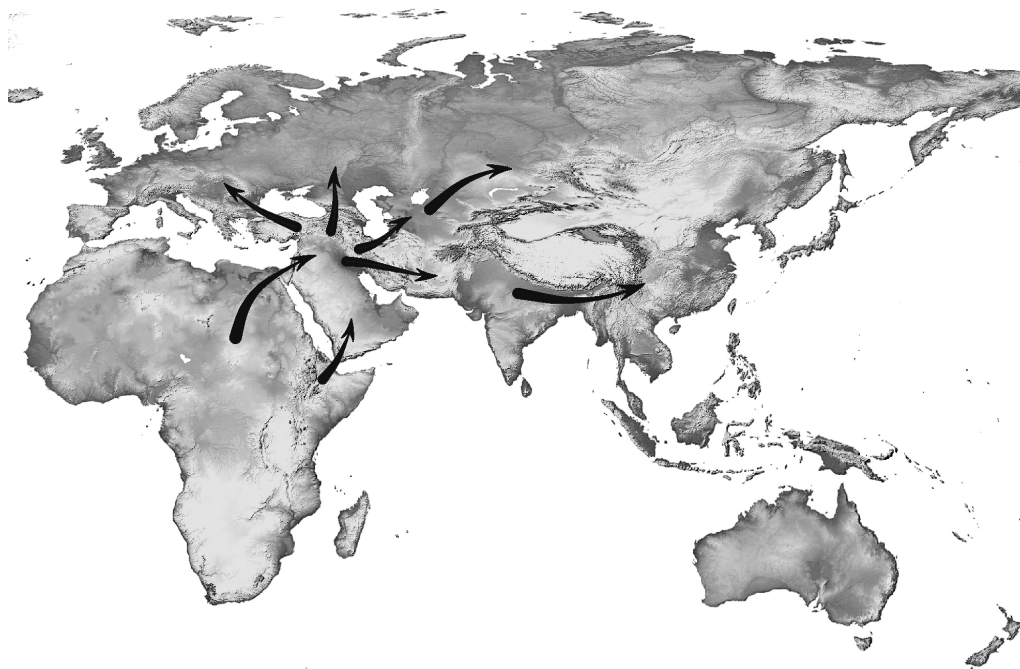

Рис. 2. Первая миграционная волна древнейших популяций

горных склонов покрывали смешанные сосново-берёзовые леса с примесью дуба, клёна, липы и вяза. В этих местах обитали косуля, марал и медведь. Верхнюю часть крутых склонов занимали каменные осыпи, прикрытые кустарником и травянистой растительностью. Здесь, у гребней хребтов водились архар и сибирский горный козёл.

Главным технологическим завоеванием человека среднего палеолита стали особые приёмы обработки камня, названные техникой леваллуа. С их помощью от специально подготовленного обломка исходного каменного сырья — нуклеуса — откалывались крупные пластины и острия с симметричными острыми краями (рис. 3). Эти сколы, тонкие в сечении и очень удобные в работе, использовались в качестве орудий практически без дополнительной обработки. Совершенствование техники расщепления камня позволило значительно усовершенствовать форму и рабочие свойства двух основных типов орудий — острокопчика и скребла.

Из отложений среднего плейстоцена получены типологически устойчивые наборы каменных изделий, которые по морфологии соответствуют ранним этапам среднего палеолита. Для индустрий из нижних слоёв Денисовой пещеры характерны признаки леваллуазского расщепления, преимущественное использование отщепов в качестве заготовок орудий, преобладание в орудийном наборе скребел и зубчато-выемчатых форм. В наиболее древней индустрии стоянки Усть-Ка-

ракол большинство сколов имеет признаки параллельного расщепления, в составе орудий присутствуют скребла с продольно- и конвергентнорасположенными лезвиями, шиповидные изделия и выемчатые формы.

Активное заселение среднепалеолитическим человеком Алтая относится к первой половине верхнего плейстоцена — 120–50 тыс. лет назад. Согласно палеогеографическим данным, в этот период постепенно сокращались площади лесов и расширялись степные биотопы. В сообществах млекопитающих уменьшалась численность лесных полёвок и древесных форм грызунов, а доля степных и луговых видов, напротив, возрастала. В свою очередь, с деградацией лесной растительности была тесно связана возросшая активность первобытного человека. Сокращение лесов, увеличение площади лугов и степей с густым травянистым покровом привели к росту численности крупных травоядных животных — основы охотничьего промысла древнего человека.

Развитие культурных традиций среднего палеолита на Алтае проходило в рамках нескольких индустриальных вариантов — кара-бумовского, денисовского и сибирячихинского [4, 5].

К индустриям кара-бумовского варианта относятся материалы стоянок Кара-Бом, Усть-Каракол, Ануй-3, Усть-Канской пещеры и пещеры Страшная. Для первичной обработки камня в них использовалось главным образом леваллуазское расщепление, в основном техника пластинчатого

скола. Типологический облик инвентаря определяли леваллуазские остроконечники и удлинённые сколы леваллуа, которые сочетались с разнообразными зубчато-выемчатыми формами и орудиями верхнепалеолитической группы. В рамках этого технического варианта важное место занимают среднепалеолитические индустрии многослойных стоянок Ануй-3 и Усть-Каракол, демонстрирующие хорошо развитую технику леваллуа и совершенство приёмов бифасиальной обработки. Присутствие в составе инвентаря ярких образцов листовидных бифасов выделяет их в особый тип среднепалеолитической индустрии.

Несколько иной технико-типологический характер имеют индустрии денисовского варианта. К ним относятся материалы Денисовой пещеры, а также коллекция местонахождения Тюмечин-1. В индустриях этой группы первичная обработка камня велась главным образом в традициях параллельного и радиального раскалывания. Леваллуазский метод расщепления представлен в достаточно развитом виде, хотя существенного влияния на технологический процесс он не оказал. Подавляющее большинство орудий изготовлено на средних и укороченных сколах. В составе типологически выраженного инвентаря преобладают скрёбла, в том числе диагональных и угловатых форм, а также зубчато-выемчатые орудия. Изделия леваллуа отличаются чёткой морфологией, однако их удельный вес относительно невелик.

В отдельный технический вариант выделены среднепалеолитические материалы пещер Окладникова и Чагырской. Они отличаются от других алтайских индустрий хорошо выраженной радиальной технологией расщепления, преобладанием орудий мустьерского облика и большим количеством в составе инвентаря угловатых скрёбел типа *dejele*. Подобные формы скрёбел присутствуют также в материалах других среднепалеолитических памятников Алтая, но там они относительно малочисленны и не образуют устойчивых серий.

Жизнь среднепалеолитического человека в основном протекала на долговременных поселениях в пещерах и на сезонных охотничьих стойбищах. В сезонных лагерях изготавливался главным образом специальный охотничий инвентарь в виде треугольных и листовидных остроконечников. В наборах орудий из пещер доминируют универсальные скобящие и режущие инструменты — скрёбла, а также орудия с выемками и зубчатыми лезвиями.

В период от 50 до 40 тыс. лет назад на территории Алтая на основе местных среднепалеолитических традиций происходит постепенное становление культурного комплекса верхнего палеолита. Начало этой эпохи отмечено общим смягчением климата, расширением площади лесов и лугов, высокой степенью мозаичности

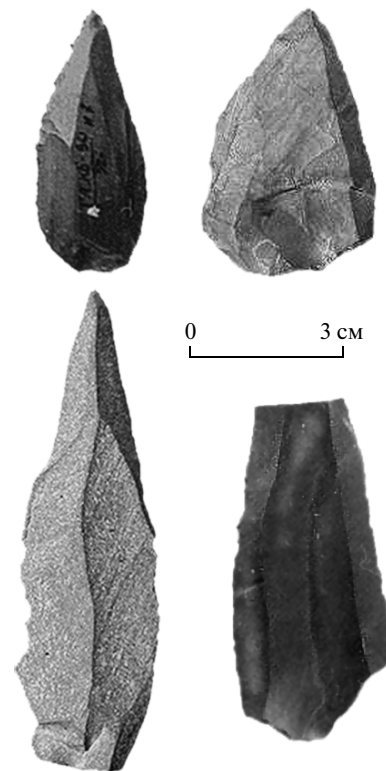

Рис. 3. Каменные орудия среднего палеолита со стоянки Усть-Каракол

ландшафтов. На склонах речных долин в это время обитали животные разных экологических групп — архар, сайга, дзерен и сибирский горный козёл паслись по соседству с шерстистым носорогом, бизоном и маралом. В целом характер природной обстановки в эпоху верхнего палеолита был довольно неустойчивым, а его заключительный этап (24—12 тыс. лет назад) сопровождался прогрессирующим похолоданием, что привело к самому ощутимому за весь период плейстоцена ухудшению природных условий. В это время максимально возросла доля травянистых растений и кустарников, небольшие участки леса состояли в основном из темнохвойных пород. Среди животных преобладали обитатели скал и степей.

Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае происходило по двум самостоятельным линиям — усть-каракольской и кара-бумовской — на основе последовательной трансформации технокомплекса среднего палеолита [6].

Усть-каракольский вариант развития объединяет индустрии Усть-Каракола, Денисовой пещеры, Ануй-3, Тюмечина-4 и, видимо, пещеры Страшная. В системе первичного расщепления в этих индустриях начинают широко использоваться приёмы серийного снятия удлинённых заготовок с призматических, конусовидных и торцовых нуклеусов, в том числе клиновидной формы.

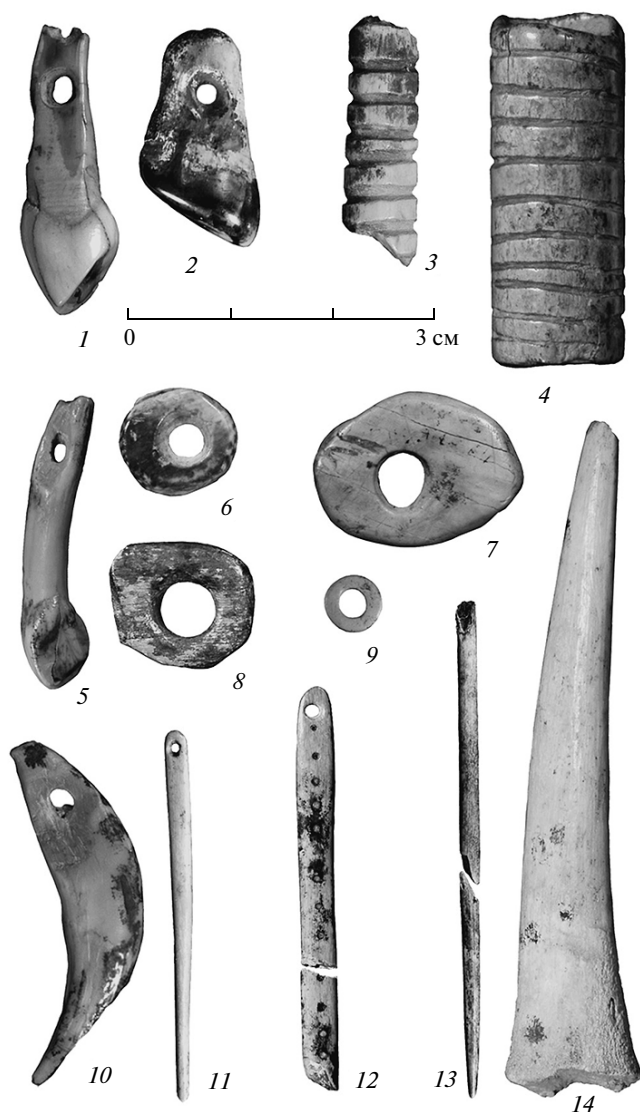

Рис. 4. Костяные орудия и украшения ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры

1, 2, 5, 10 – подвески из зубов животных; 3, 4 – орнаментированные пронизки; 6–9 – бусины; 11–13 – иглы; 14 – проколка

Прямым следствием прогрессивных технологических процессов явилось зарождение техники микропластинчатого расщепления, применявшейся как для получения собственно микропластин, так и для подготовки специальных форм верхнепалеолитических орудий. В типологических списках этих индустрий самую выразительную часть орудийного набора образуют так называемые ориньякские формы: концевые скребки на пластинах; скребки высокой формы типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями; срединные резцы, в том числе многофасеточные; крупные пластины с регулярной ретушью по периметру и микропластины с притупленным

краем. Характерным признаком этих индустрий служат орудия со следами двусторонней обработки, в первую очередь бифасиальные остроконечники листовидной формы.

Другой важной особенностью этого круга индустрий являются орудия и украшения из кости (рис. 4). В культурных слоях начальной стадии верхнего палеолита Денисовой пещеры найдены миниатюрные иглы с просверленным ушком, остря-проколки, пронизки с симметричными рядами глубоких кольцевых нарезок, бусины и кольца из бивня мамонта, подвески из зубов марала и лисицы, плоские бусины-колечки из окаменевшей скорлупы яиц страуса. Дополняют коллекцию индивидуальных украшений раковины пресноводных моллюсков с просверленным отверстием в основании, подвески из мягкого поделочного камня, кольцо из белого мрамора и браслет из темно-зелёного хлоритолита (рис. 5). Трасологическое и технологическое изучение каменных украшений показало, что при их изготовлении использовались шлифовка на абразивах, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и внутренняя расточка инструментом в виде рашпиля [7].

Кара-бомовский вариант развития ранней верхнепалеолитической традиции представлен индустриями стоянок Кара-Бом, Кара-Тенеш и, возможно, Малояломанской пещеры. Их технические особенности носят отчётливо выраженный пластинчатый характер. Большая часть нуклеусов имеет параллельную огранку и предназначена для получения удлинённых сколов, в том числе с помощью техники леваллуа. Вместе с тем отмечены новые технические приёмы, характерные для скалывания микропластин, в том числе с торцовых разновидностей нуклеусов. Основным продуктом расщепления являются крупные пластины, на которых оформлено более половины орудий. В составе инвентаря преобладают орудия верхнепалеолитической группы, оформленные главным образом на крупных пластинчатых заготовках: концевые скребки, срединные резцы, ножи с ретушированным обушком, удлинённые остроконечники с вентральным уплощением основания и пластины с ретушью продольных краёв. Отмечены также единичные образцы бифасиальных изделий и украшений из зубов животных. В целом облик этой традиции определяется серийным производством крупных пластин и орудий на их основе.

Относительно ранняя хронологическая позиция алтайских комплексов начальной поры верхнего палеолита, позволяет предположить, что выделенные на Алтае технологические тенденции во многом предопределили основные пути развития верхнепалеолитических традиций в Северной и Восточной Азии. Кара-бомовская традиция тесно

связана с распространением на этой территории пластинчатых индустрий. Усть-каракольский технический вариант стимулировал развитие в этих регионах в верхнем палеолите индустрий с торцовым микрорасщеплением и производством листовидных бифасов.

Палеогенетические материалы. Комплексные исследования алтайского палеолита показали непрерывное развитие палеолитических традиций в течение как минимум 280 тыс. лет и автохтонное становление культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе в хронологическом интервале 50–40 тыс. лет назад, без заметных признаков внешних влияний. При этом наборы каменных и костяных орудий, а также предметы символической деятельности свидетельствуют о достаточно высоком уровне материальной и духовной культуры обитателей Алтая в начале верхнего палеолита.

В этой связи огромный интерес представляют результаты палеогенетических исследований антропологических находок из культурного слоя начальной стадии верхнего палеолита в Денисовой пещере, проведённых интернациональным коллективом учёных под руководством профессора С. Паабо в Институте эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге [8–10]. Расшифровка сначала митохондриальной, а затем и ядерной ДНК из костных образцов показала, что они принадлежат ранее неизвестному науке ископаемому гоминиду, который по месту обнаружения антропологических останков получил название “человек алтайский” (*Homo sapiens altaiensis*), или “денисовец”. Анализ секвенированного генома представителей новой группы древних гоминидов показал их сестринскую близость неандертальцам, то есть сначала ветвь их предков отделилась от общего с человеком современного физического вида эволюционного ствола, а потом произошло и их разделение.

Популяция денисовцев сосуществовала в северо-западной части Алтая с самой восточной группой неандертальцев, установленной по данным анализа митохондриальной ДНК останков ископаемого человека из пещер Окладникова и Чагырской [11]. То есть 50–40 тыс. лет назад на этой территории обитали по соседству две разные группы первобытных людей. При этом неандертальцы пришли сюда примерно 50 тыс. лет назад, скорее всего, с территории современного Узбекистана. А корни культуры, носителями которой были денисовцы, как уже упоминалось, прослеживаются в древнейших горизонтах Денисовой пещеры. Способы и приёмы жизнедеятельности денисовцев не уступали, а в некоторых аспектах превосходили поведенческие характеристики человека современного физического облика, жившего в одно с ними время на других территориях.

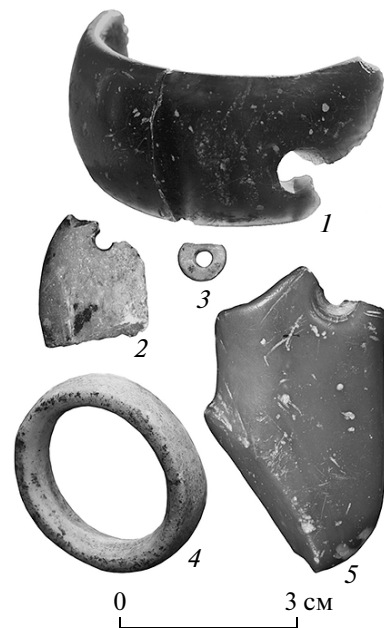

Рис. 5. Украшения из подделочного камня ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры
1 – браслет; 2, 5 – подвески, 3 – бусина, 4 – кольцо

Новейшие палеогенетические данные показали также, что до 4% генома современного человека принадлежит неандертальцам, что свидетельствует о возможном скрещивании этих двух видов на определённом эволюционном этапе. Что касается денисовцев, то 4–6% их генома несут современные жители Южного полушария: коренное население Австралии и островов Меланезии. Нужно отметить, что на протяжении плейстоцена уровень Мирового океана значительно колебался, и острова Юго-Восточной Азии, Австралия и Папуа-Новая Гвинея периодически представляли собой части протоматериков Сунда и Сахул. Поэтому от 60 до 40 тыс. лет назад были этапы, когда человек мог передвигаться из Азии в южном направлении и заселять территории вплоть до Австралии, о чём свидетельствуют современные генетические данные.

Таким образом, и неандертальцы, и денисовцы получили право войти в число предков современного человека. Эти открытия позволяют говорить о новой модели становления человека современного физического облика в противовес теории моноцентризма, согласно которой единственным его очагом являлась Восточная Африка, откуда потом и произошло его расселение по территории Евразии.

Новая версия полицентризма или мультирегиональной эволюции человека основана прежде всего на данных археологии. Если бы коренное население везде замещалось человеком разумным, пришедшим из Африки, то и культурные

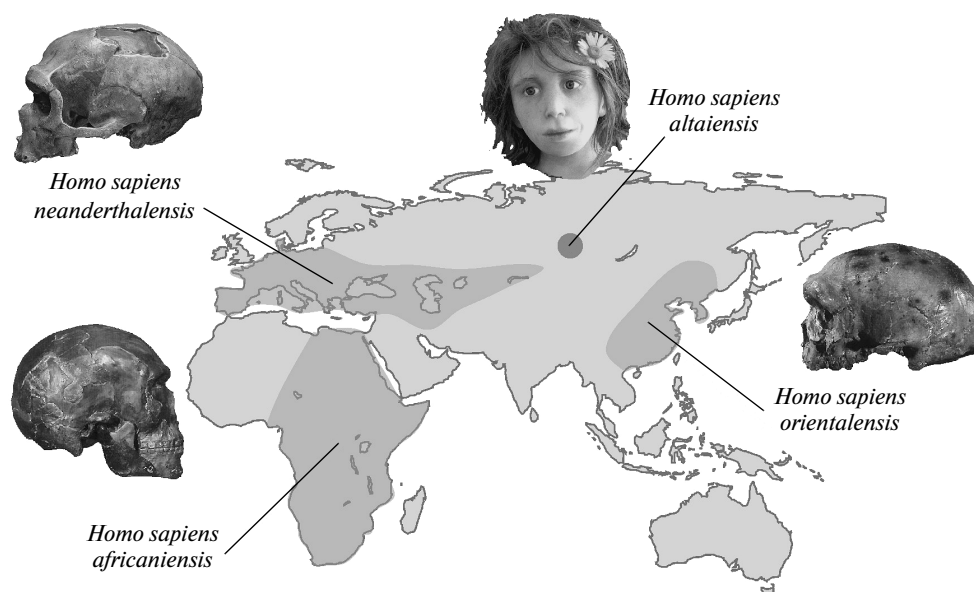

Рис. 6. Четыре зоны формирования верхнего палеолита и человека современного анатомического вида

проявления ранней стадии верхнего палеолита должны были бы быть достаточно однородными на территории всей первобытной ойкумены. Однако археологические материалы свидетельствуют, что это далеко не так. Каменные индустрии начальной поры верхнего палеолита в Африке, в западной части Евразии, на юге Сибири и на востоке Азии принципиальным образом отличаются друг от друга, что подразумевает культурную и, следовательно, генетическую непрерывность у первобытного населения в каждом из этих регионов.

Наглядный пример мультирегиональной эволюции человека представляют палеолитические материалы из восточных регионов Азии, где *Homo erectus*, пришедший с первой миграционной волной, а затем его потомки в течение сотен тысяч лет развивали свои приёмы обработки камня, отличные от технологий, характерных для остальной части Евразии. Отсутствие внешних инноваций в каменных индустриях так называемой китайско-малайской зоны в период от 100 до 30 тыс. лет назад, когда в других областях первобытной ойкумены происходил переход от среднего к верхнему палеолиту, позволяет предположить, что миграционная волна людей современного типа из Африки не дошла до побережья Тихого океана. На этих территориях происходило автохтонное формирование человека современного физического типа путём эволюции азиатской формы *Homo erectus*. Кстати, это предположение подтверждается и новыми данными о возрасте некоторых палеоантропологических находок с сапиентными чертами в Китае, свидетельствующими, что анатомически современные люди появились здесь не позднее 100 тыс. лет назад [12].

* * *

Имея в виду археологические, антропологические и генетические материалы из древнейших местонахождений Африки и Евразии, можно говорить о том, что на земном шаре существовало несколько зон, в которых шёл самостоятельный процесс эволюции популяций *Homo erectus* и развития технологий обработки камня [13]. В каждой из этих зон складывались свои культурные традиции, свои модели перехода от среднего к верхнему палеолиту и шло независимое становление ранних форм человека разумного — африканской в Восточной и Южной Африке, ориентальной в Восточной и Юго-Восточной Азии, неандертальской и алтайской на территории остальной части Евразии (рис. 6). Все они, правда, в разной степени внесли вклад в формирование человека современного анатомического вида. Неоспоримым подтверждением правомерности этой концепции стали новейшие данные палеогенетических исследований, показавшие наличие в генофонде современного человечества генетического материала, унаследованного как от неандертальцев, так и от денисовцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болиховская Н.С., Шуньков М.В. Климатостратиграфическое расчленение древнейших отложений раннепалеолитической стоянки Карамы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 3.
2. Bolikhovskaya N.S., Derevianko A.P., Shunkov M.V. The fossil palynoflora, geological age, and climatostratigraphy of the earliest deposits of the Karama site

- (Early Paleolithic, Altai Mountains) // *Paleontological Journal*. 2006. V. 40. P. 558–566.
3. Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009.
 4. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2002. № 1.
 5. Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2013. № 1.
 6. Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. № 3.
 7. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2008. № 2.
 8. Krause J., Fu Q., Good J. et al. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // *Nature*. 2010. V. 464. P. 894–897.
 9. Reich D., Green R.E., Kircher M. et al. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova cave in Siberia // *Nature*. 2010. V. 468. P. 1053–1060.
 10. Meyer M., Kircher M., Gansauge M.-T. et al. High-Coverage Genome Sequence from an Archaic Denisovan Individual // *Science*. 2012. V. 338. P. 222–226.
 11. Krause J., Orlando L., Serre D. et al. Neanderthals in Central Asia and Siberia // *Nature*. 2007. V. 449. P. 902–904.
 12. Shen G., Michel V. Position chronologique des sites de l'homme moderne en Chine d'après la dation U–Th // *L'Antropologie*. 2007. № 111. P. 157–165.
 13. Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

DOI: 10.7868/S086958731306011X

НАЧАЛО РУСИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

ДОКЛАД АКАДЕМИКА Н.А. МАКАРОВА,
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН Е.Н. НОСОВА И АКАДЕМИКА В.Л. ЯНИНА

Начальная история Руси притягивает своим особым содержанием как эпоха зарождения основ государственной жизни восточного славянства и формирования новой идентичности, имя которой наследует современная Россия, и в не меньшей степени — своим особым колоритом. Эта эпоха воспринимается в нашем сознании как цепочка ярких событий, обозначающих рубежи становления нового государства, интеграции его территории и выхода его на международную арену. Её главные вехи, отмеченные составителем «Повести временных лет», — призвание варягов (862 г.), объединение Севера и Юга Руси — Новгорода и Киева — под властью Олега (882 г.), походы на Византию и заключение договоров с греками (907 и 911 гг.), военные кампании Святослава (965–972 гг.), вокняжение Владимира в Киеве (980 г.) и, наконец, принятие Владимиром христианства как государственной религии (988 г.). Документальная точность ранних дат, заимствованных из греческих хронографов, аргументированно оспорена исследователями летописания [1, с. 49, 60–62; 2, с. 11–14], тем не менее сам факт появления Руси как нового народа и новой политической силы на исторической сцене в середине IX в. надёжно документирован западноевропейскими и византийскими источниками [3, с. 13–35]. События IX–X вв. на долгое время определили контуры основных культурных ареалов Восточной Европы, конфигурацию политической карты, а во многом — последующий ход русской истории.

Изучение ранней истории Руси, как и исследование становления многих других средневековых государств, осложнено, с одной стороны, бедностью источников, возможностью различного истолкования многих текстов, с другой — тем, что эти проблемы всегда рассматривались в той или иной степени через призму политической идеологии современных государств, выступали как арена столкновения различных общественных взглядов. Задача историка в этой ситуации — попытаться представить достоверную картину прошлого, тщательно собирая и анализируя немногочисленные источники, стремясь к максималь-

ной объективности, отстраняясь от каких-либо политизированных толкований изучаемых процессов.

Археологической наукой собрано огромное число средневековых древностей, которые фактически стали новой базой для исследования исторической ситуации IX–XI вв. на Русской равнине. На картах (рис. 1, 2) показаны основные археологические памятники IX–XI вв., где проводились раскопки. Некоторые из этих памятников воспринимаются сегодня как своеобразные знаковые точки, воплощающие образ Руси IX–X вв., достаточно упомянуть Ладогу, Изборск или Гнёздово. Особое место на картах занимает Новгород — важнейший политический центр Севера. В черте самого средневекового Новгорода культурный слой IX в. отсутствует, а горизонты X в. скрыты под многометровой толщей позднейших напластований. Однако именно особые свойства новгородского культурного слоя, сохраняющего органические материалы, и особое качество археологических объектов, будь то усадьбы или отдельные вещевые находки, сделали Новгород ключевым памятником для воссоздания реалий ранней русской истории. На картах представлен также ряд недавно выявленных или ранее малоизвестных памятников, новейшие раскопки которых дали яркий и информативный материал.

Успехи археологии не должны создавать иллюзию, что она способна сегодня дать ответ на все вопросы ранней истории Руси, восстановить историческое действие во всех деталях. Во-первых, в археологических древностях материализуются не столько отдельные исторические события, сколько явления, ситуации, процессы определённой длительности. Во-вторых, древности начальной поры истории Руси (X в. и особенно IX в.) представляют собой сильно разрушенный последующей человеческой деятельностью и трудно выявляемый пласт археологических памятников. Как бы ни разрастались археологические материалы, едва ли они когда-нибудь позволят прояснить конкретные обстоятельства появления Рюрика на восточнославянском Севере или дать исчерпывающие аргументы, подтверждающие или

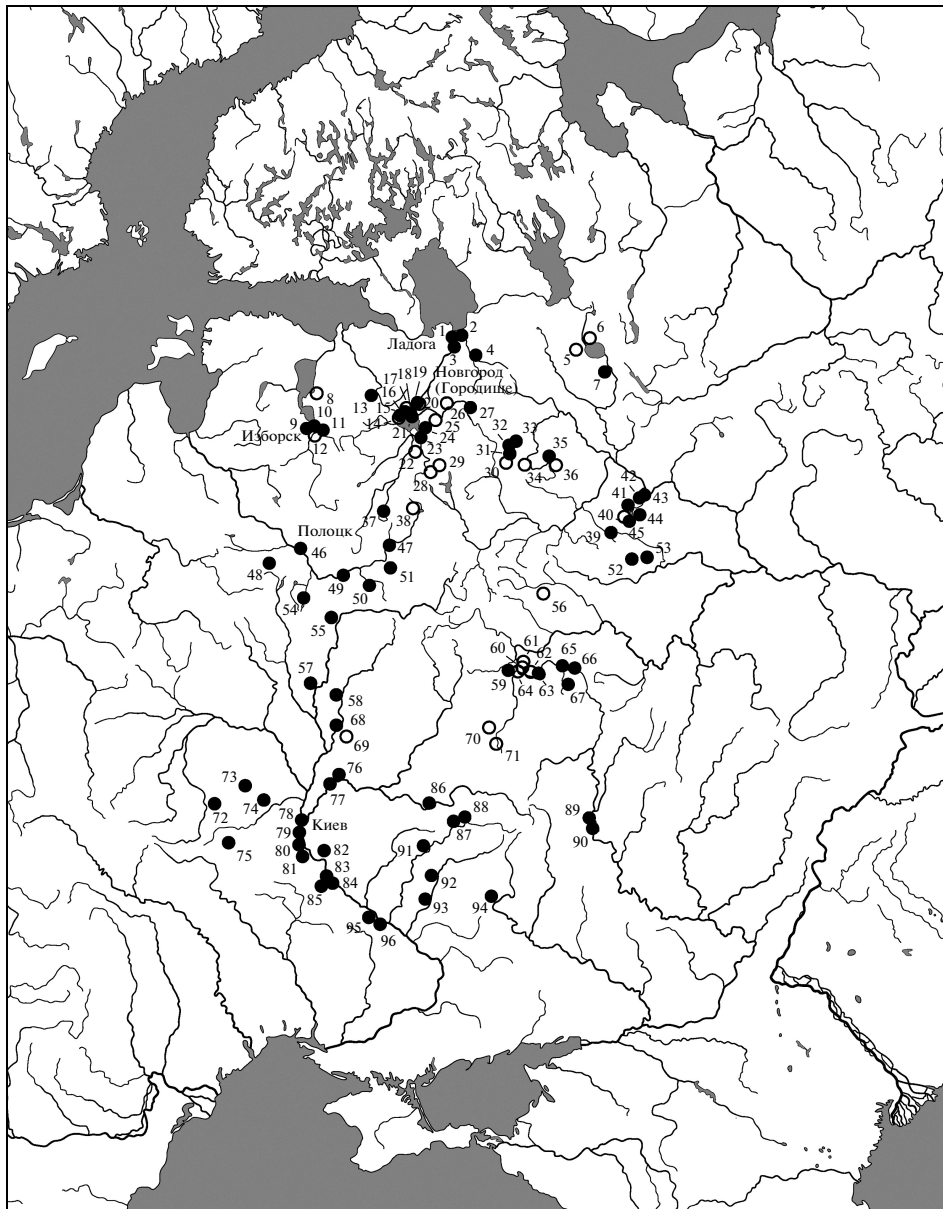

Рис. 1. Основные археологические памятники Руси IX в.

● — памятники IX в.; ○ — памятники с широкой датой, включающей IX–X вв.

1 — Старая Ладога; 2 — Любша; 3 — Новые Дубовики; 4 — Городище на Яси; 5 — Васютино; 6 — Никольское I на Кеме; 7 — Крутик; 8 — Залахтовье; 9 — Изборск; 10 — Камно; 11 — Псков; 12 — Выбуты; 13 — Городец на Луге; 14 — Сергов городок; 15 — Васильевское; 16 — Георгий; 17 — Перынь; 18 — Прость; 19 — Холопий городок; 20 — Хутынь; 21 — Рюриково городище; 22 — Коровитчино; 23 — Сельцо; 24 — Городок на Маяте; 25 — Новое Рыдино; 26 — Золотое Колено; 27 — Любытино; 28 — Молвотицы; 29 — Пески (Княжая Гора); 30 — Мерлугино; 31 — Бережок; 32 — Курово; 33 — Иловец; 34 — Загородье; 35 — Еськи; 36 — Узьмень; 37 — Хачёво; 38 — Торопец; 39 — Александрова гора; 40 — Кустерь; 41 — Ростов (догородское поселение); 42 — Тимерёво; 43 — Петровское; 44 — Угодищи; 45 — Сарское; 46 — Полоцк; 47 — Горяне; 48 — Свила; 49 — Витебск; 50 — Заозерье; 51 — Шугайлово; 52 — Выжегша; 53 — Весь 5; 54 — Лукомль; 55 — Кисели; 56 — Саввинская Слобода; 57 — Ходосовичи; 58 — Чечерск; 59 — Чёртово Городище; 60 — Западная; 61 — Доброе; 62 — Тризново; 63 — Супруты; 64 — Дуна; 65 — Торхово; 66 — Слободка; 67 — Уткино; 68 — Гомель; 69 — Носовичи; 70 — Лебёдка; 71 — Лужки; 72 — Гульск; 73 — Коростень (Искоростень); 74 — Малин; 75 — Райки (урочище Лука); 76 — Александровка; 77 — Шестовица; 78 — Вышгород; 79 — Киев; 80 — Ходосовка; 81 — Обухов; 82 — Столпяги; 83 — Канев; 84 — Монастырёк; 85 — Сахновка; 86 — Волынцево; 87 — Битица; 88 — Горналь; 89 — Борщево; 90 — Титчиха; 91 — Новотроицкое; 92 — Опошня; 93 — Полтава; 94 — Донецкое; 95 — Великая Андрусовка; 96 — Пеньковка (урочище Луг)

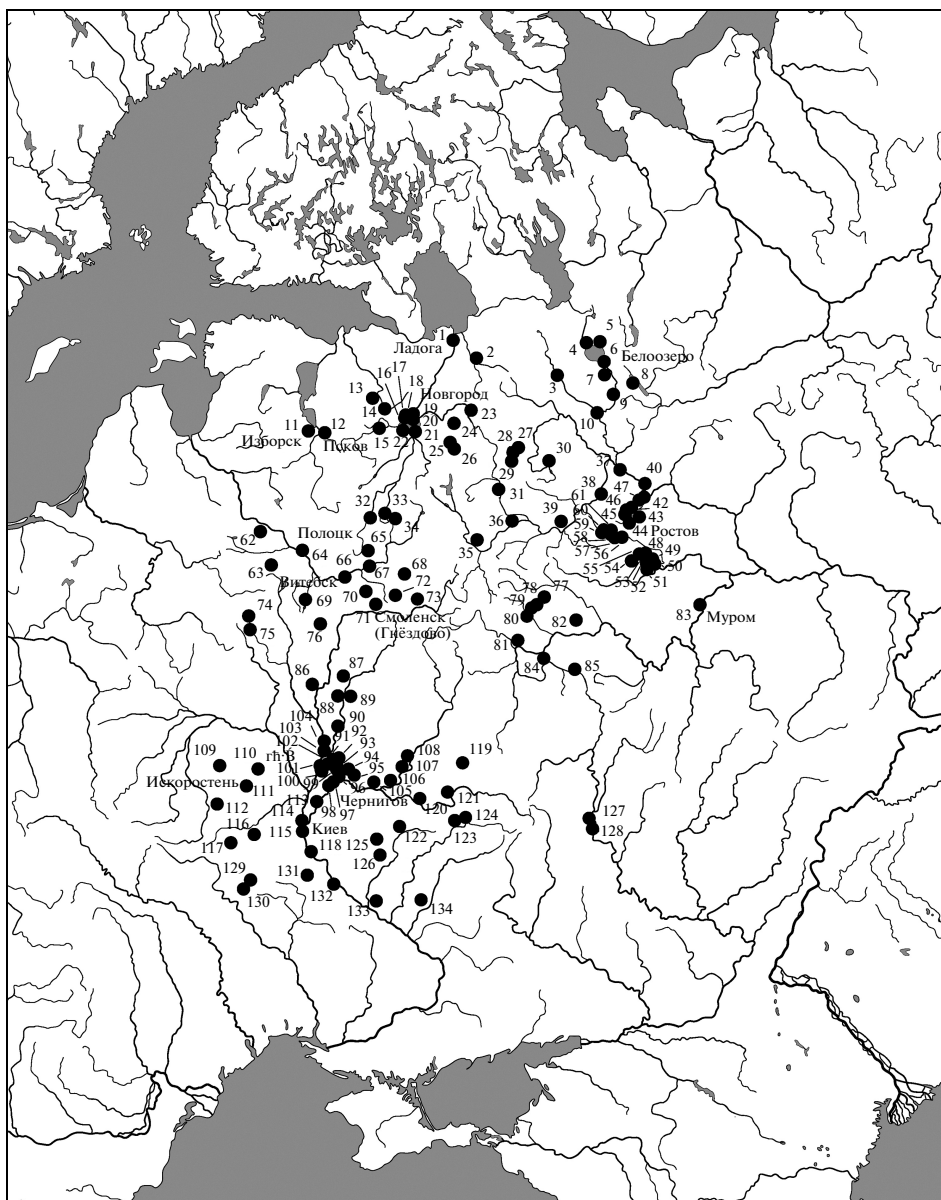

Рис. 2. Основные археологические памятники Руси X в.

1 – Старая Ладога; 2 – Городище на Сяси; 3 – Никольское VI на Суде; 4 – Никольское V на Кеме; 5 – Киснема (Монастырское и Троицкое VI); 6 – Белоозеро; 7 – Крутик; 8 – Минино; 9 – Андриюшино-Ирма; 10 – Луковец; 11 – Изборск; 12 – Псков; 13 – Городец на Луге; 14 – Подгорье; (Передольский погост); 15 – Куклино; (Городок на Шелони); 16 – Васильевское; 17 – Георгий; 18 – Прость; 19 – Новгород; 20 – Рюриково городище; 21 – Взвяд; 22 – Устрек; 23 – Любытино; 24 – Заручевье; 25 – Нестеровичи; 26 – Яжелбицы; 27 – Иловец; 28 – Курово; 29 – Бережок; 30 – Еськи; 31 – Шитовичи; 32 – Городок на Ловати; 33 – Хачёво; 34 – Торопец; 35 – Благовещение; 36 – Избрижье; 37 – Усть-Шексна; 38 – Углич; 39 – Пеуново; 40 – Михайловское; 41 – Петровское; 42 – Ростов; 43 – Угодичи; 44 – Сарское; 45 – Шурскол; 46 – Богослов; 47 – Тимерёво; 48 – Шекшово; 49 – Суздаль; 50 – Васильково; 51 – Тарбаево; 52 – Гнездилово; 53 – Весь 5; 54 – Выжегша; 55 – Шелебово; 56 – Кабанское; 57 – Большая Брембола; 58 – Александра гора; 59 – Вельское; 60 – Городище; 61 – Криушкино; 62 – Браслав; 63 – Свила; 64 – Полоцк; 65 – Усвят; 66 – Витебск; 67 – Сураж; 68 – Вержавск; 69 – Лукомль; 70 – Рокот; 71 – Гнёздово; 72 – Новосёлки; 73 – Ярцево; 74 – Изяславль (Заславль); 75 – Строчицкое; 76 – Друцк; 77 – Саввинская Слобода; 78 – Хотяжи; 79 – Рыжково; 80 – Беницы; 81 – Красный Посёлок; 82 – Покров; 83 – Муром; 84 – Тимофеевка; 85 – Слободка; 86 – Ходосовичи; 87 – Золотомино; 88 – Чечерск; 89 – Нисимковичи; 90 – Гомель; 91 – Воробьёв; 92 – Малый Листвен (Листвен); 93 – Рогощи (Оргош); 94 – Звеничев; 95 – Седнев (Сновск); 96 – Чернигов; 97 – Гушин; 98 – Шестовица; 99 – Табавка; 100 – Клонов; 101 – Любеч; 102 – Пересаж; 103 – Мохов; 104 – Чаплин; 105 – Слободка; 106 – Редичев; 107 – Горбово; 108 – Новгород-Северский; 109 – Олевск; 110 – Овруч (Вручий); 111 – Коростень (Искоростень); 112 – Гульск; 113 – Выползов; 114 – Вышгород; 115 – Киев; 116 – Яроповичи; 117 – Райки; 118 – Витачев; 119 – Переверзево; 120 – Путивль; 121 – Липино; 122 – Монастырище; 123 – Битица, г-ще II; 124 – Горналь; 125 – Юрковцы; 126 – Хитцы; 127 – Боршево; 128 – Титчиха; 129 – Червоное; 130 – Копиевка; 131 – Половецкое; 132 – Монастырёк; 133 – Воинская Гребля (Воинь); 134 – Полтава

опровергающие историческую реальность самой его фигуры. Поэтому археологическая картина истории ранней Руси — не точная хроника событий. Сила археологии в изучении этого периода состоит не столько в документальной реконструкции отдельных действий, сколько в том, что она даёт ясное понимание крупных явлений, указывает их хронологические рамки и географические границы.

Археология открывает перед нами эпоху IX—X вв. как период больших многоплановых исторических изменений на Русской равнине. За внешней канвой военно-политических предприятий, итогом которых стало объединение огромных территорий между Поволховьем и Поднепровьем в одном государственном образовании под властью Рюриковичей, просматривается действие глубинных факторов, получивших отчётливое отражение в археологических материалах.

Один из этих факторов — формирование на Русской равнине в конце I тысячелетия обширной зоны восточнославянского расселения, география которой во многом определила контуры государственной территории Руси [4—8]. При всём многообразии этнических групп, интегрированных в политическую систему ранней Руси и в состав её социальной элиты (в некоторых областях, прежде всего на Северо-Востоке, славяне, вероятно, не были в X в. численно доминирующей этнической группой), именно славянское присутствие в различных удалённых друг от друга областях создавало почву для политической интеграции.

Другой, не менее значимый фактор объединения — сложившаяся в IX в. система международных торговых путей, торгово-ремесленных поселений и раннегородских центров, обеспечивавших товарообмен между внутренними лесными областями Восточной Европы, Византией и странами Халифата. Система товарообмена, основанная на ввозе на Восток и в Средиземноморье прежде всего продуктов лесных промыслов, пушнины, и рабов, и поставках на Север арабского серебра, тканей и предметов роскоши, была мощным средством обогащения всех её участников, в том числе скандинавов и славян, выступавших организаторами торговли и сбора продуктов промыслов на Русской равнине. Археологические материалы, полученные в последние десятилетия, когда новые полевые методики дали возможность более полного сбора артефактов и палеоэкологических остатков, позволяют в полной мере представить масштабы этих торговых операций и их воздействие на экономику и социальный строй средневекового населения, обитавшего на Русской равнине. Это огромные массы костей пушных животных — бобра, белки и куницы — из раскопок северных поселений X—XI вв. (их доля на отдельных поселениях достигает 60—80%),

исключительно высокая концентрация в культурном слое разнообразных предметов импорта, поступавших с Юга и Востока (стеклянные, сердоликовые и хрустальные бусы, арабское серебро, дорогие привозные вещи и предметы роскоши) [9, с. 55—68, 116—122; 10, с. 224—233]. По подсчётам американского нумизмата Т. Нунана, общий объём серебра, ввезённого в течение X в. в Восточную Европу, составил 375 т, ежегодно поступало 1250 тыс. монет [11, р. 255—256]. Древнейший клад куфических монет в Восточной Европе найден в Ладоге и датируется 786 г. [12, с. 388, 394].

Присутствие скандинавов в ключевых точках этой системы хорошо документировано археологическими материалами X в. Находки скандинавского происхождения IX в. представлены лишь в северных областях — от Верхнего Поднепровья до Ладоги, за немногими исключениями они относятся ко второй половине — последней трети IX в. [13, р. 83—91], значительные серии таких предметов происходят лишь из Ладоги и Рюрикова городища. Одной из важных категорий находок, указывающей на участие скандинавов в торговых операциях на магистральных водных путях, являются восточные монеты со скандинавскими руническими знаками, некоторые из которых найдены в составе кладов, попавших в землю в начале IX в. [14, с. 26—47; 15, с. 30, 35—51].

С точки зрения археологии, период IX—X вв. на Русской равнине характеризуется некоторыми общими чертами, позволяющими рассматривать его как единый этап развития культуры и расселения. Его объединяет распространение в лесной и лесостепной полосе новых типов вещей, происхождение которых связано с Центральной Европой, Византией, Скандинавией и степными областями, появление в обиходе населения статусных вещей и значительного количества предметов импорта при сохранении примитивного характера многих элементов бытовой культуры. Культурные инновации распространяются в противоположных направлениях — как с юга на север и северо-восток (славянские культурные традиции), так и с севера на юг (характерные для Северной Европы традиции кузнечного ремесла, элементы скандинавской дружинной культуры).

Важнейшее явление, которое открывает археология, — общий рост, формирование новых поселенческих структур на неосвоенных территориях. Этот рост убедительно демонстрирует сопоставление двух карт (см. рис. 1, 2), на одной из которых представлены археологические памятники с вещевыми комплексами IX в., на другой — памятники X в., где проводились раскопки. На многих из них зафиксированы следы распахки полей, которые читаются под позднейшими курганными насыпями, валами и культурными напластованиями.

Рис. 3. Новгородское (Рюриково) городище. Медная византийская монета — фоллис императора Феофила 829–842 гг.

Географические точки, в которых в IX–X вв. появлялись новые поселения, различались по уровню освоённости. Поселение на Рюриковом городище возникло в “полуоткрытых” ландшафтах, в которых лес был частично сведён [16, с. 107–109]. В Гнёздове период существования поселения X–XI вв. проявляется в пыльцевых диаграммах как время максимального антропогенного воздействия на растительный покров, массового сведения лесов и формирования пастбищ и пахотных угодий [17, с. 177–179]. На северо-восточных окраинах Руси вырубки хвойных лесов и замещение их вторичными берёзовыми соответствует начальному этапу жизни посёлков [18, с. 7–9]. Наличие вблизи поселений сельскохозяйственных угодий, о существовании которых свидетельствуют спектры пыльцевых диаграмм, древние пахотные поля, перекрытые культурным слоем, обилие зерновых остатков в культурных напластованиях и разнообразие культурных злаков, зерновые ямы больших размеров на памятниках юга указывают на то, что земледелие являлось важнейшим источником жизнеобеспечения поселений, в том числе и тех, которые были центрами власти и торгово-ремесленной деятельности. Соглашаясь с мнением исследователей, которые относят возникновение пашенного земледелия к железному веку и полагают, что окультуренные в тот период ландшафты могли быть первыми очагами повторного земледельческого освоения во время славянской колонизации [19, с. 64–78], следует отметить, что период X–XII вв. — время коренного изменения ландшафта, массового сведения лесов и обустройства сельскохозяйственных территорий. Новая политическая организация на Севере выросла на свежих лесных расчистках. Палеоэкологические условия её формирования на юге остаются неясными из-за отсутствия специальных исследований. Формирование новой сети расселения в IX–X вв. происходило в благоприятной климатической ситуации, сделавшей возможным продвижение земледелия на север и развитие земледелия в северных областях как продуктивной и устойчивой отрасли хозяйства.

Ключевыми элементами новой сети расселения стали торгово-ремесленные и раннегородские поселения, исследованные в различных точках Русской равнины. Наиболее известными и изученными из них являются сейчас Ладога, Новгородское (Рюриково) городище, Гнёздово. Новейшие полевые исследования подтвердили существование укрепленного поселения IX в. на Старокиевской горе и раннегородской застройки на Киевском подоле. Конкретные функции этих поселений различались: одни из них были в большей мере административными, политическими центрами, другие — в большей мере центрами торговли и ремесла. На рубеже X–XI вв. некоторые из этих поселений прекратили своё существование, другие превратились в полноценные города.

Материалы Новгородского (Рюрикова) городища, изучение которого более 30 лет ведёт экспедиция Института истории материальной культуры РАН, представляют исключительный интерес, поскольку именно этот памятник должен рассматриваться сегодня как главный политический центр Северной Руси в период, предшествовавший возникновению Новгорода на его современном месте [20–23]. Городище находится в месте истока Волхова из озера Ильмень, в точке схождения главных речных путей и одновременно в том районе, где в конце I тысячелетия была сосредоточена значительная масса славянского сельского населения. Оно стало “узлом прочности” всего прилегающего аграрного района, его административным центром и своеобразным ключом на торгово-военных путях из Балтики на Волгу и арабский Восток и на пути “из варяг в греки”. Массивные двухрядные дубовые укрепления-клетки и оборонительный ров, защищавшие центральную часть поселения, свидетельствуют о значительном экономическом потенциале местного общества и сформировавшейся публичной власти, способной организовать столь масштабные строительные работы, сконцентрировав для этого немалые людские ресурсы.

Результаты раскопок подчёркивают высокий социальный статус обитателей поселения IX–X вв. и указывают на выраженный военно-дружинный характер его культуры. Коллекция предметов с Рюрикова городища весьма разнообразна и выразительна в социальном плане. В числе находок, говорящих о широких международных связях, три клада дирхемов — арабских монет IX–X вв. — и более 200 отдельных восточных монет и их обрезков. Четыре медные византийские монеты императора Феофила (829–842 гг.) (рис. 3) — самые ранние археологические свидетельства существования сквозного пути “из варяг в греки”. Возможно, эти находки, не имевшие на Руси денежной стоимости, могли попасть на Север как

своеобразные знаки памяти о поездках или военных походах в Византию.

В материальной культуре Рюрикова городища ощущается влияние североевропейской культуры. Изделия скандинавского происхождения появились на поселении в середине IX в., а возможно, и ранее, но наибольшее их число приходится на X в. Выделяются изделия, характеризующие мужскую дружинную культуру, — бронзовые прорезные наконечники кожаных ножен мечей (рис. 4, 2, 4), декоративная заклёпка рукояти щита (рис. 4, 3), обломок рукояти меча, железные ланцетовидные наконечники стрел, многочисленные богато орнаментированные кольцевидные булавки с длинной иглой (рис. 5), бронзовые детали одежды, накладки от конской сбруи и т.д. В коллекции представлены различные культовые предметы, среди которых выделяются два бронзовых амулета-подвески с руническими надписями [24, с. 210–222]. Эти находки характеризуют Рюриково городище как административный центр, в котором была сосредоточена разнотническая социальная элита.

В российской исторической литературе последних десятилетий сложилась традиция подчёркивать значение раннегородских центров Севера как главных точек формирования политической власти, как бы в противовес киевоцентристской модели истории ранней Руси, господствовавшей в советское время [25]. Этот тезис, на первый взгляд, хорошо согласуется с археологическими материалами, отражающими существование в Приильменье и Поволховье в IX в. социальной стратификации общества, присутствие здесь военной элиты, связанной со Скандинавией, следы которой отсутствуют на Юге. Однако было бы неверно интерпретировать эти материалы прямолинейно, отрицая наличие в Среднем Поднепровье в древнейший период самостоятельного центра формирования властных отношений. Хотя в материальной культуре памятников Среднего Поднепровья подтверждения существования социальной иерархии и властных отношений в IX в. пока маловыразительны, общий экономический и демографический потенциал этой области был более высок, чем северных областей. Поэтому формирование территориальной структуры государства с центрами в Киеве и Новгороде следует рассматривать как объединение военным путём двух политических образований, первоначально сложившихся независимо.

Несмотря на невозможность узкой датировки многих объектов и споры о хронологических позициях отдельных памятников, археологические данные позволяют убедительно восстановить общую динамику расселения и развития культуры на территории формирующейся Руси в IX–X вв.

Первоначальное появление новых культурных импульсов и первых узлов новой сети расселения

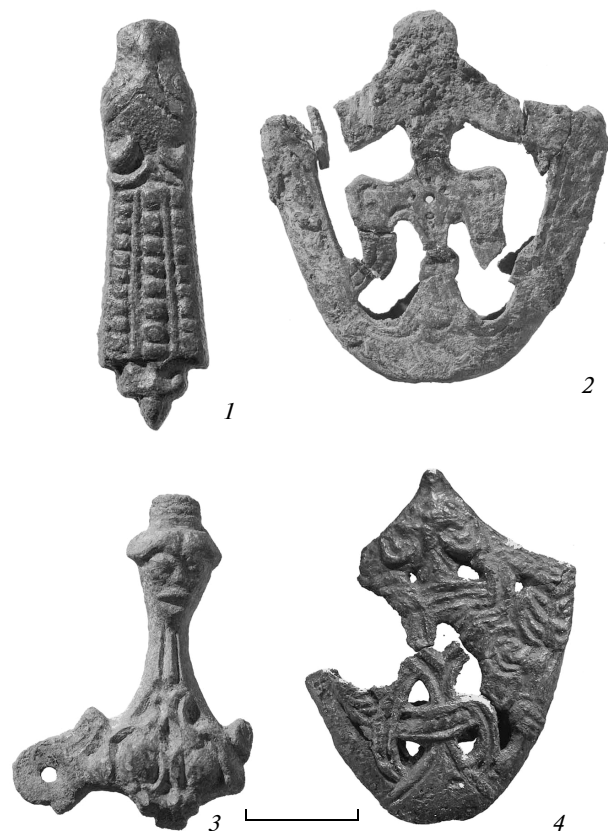

Рис. 4. Новгородское (Рюриково) городище. Детали предметов вооружения и воинского снаряжения X в.

1 — наременное украшение, 2, 4 — наконечники ножен мечей, 3 — декоративная заклёпка от щита

Рис. 5. Новгородское (Рюриково) городище. Фрагменты кольцевидных булавок — украшений мужского костюма, служивших для скрепления плаща. X в.

на Русской равнине должно быть отнесено к концу VIII — началу IX в., оно синхронизируется с началом ввоза на Русь арабского серебра.

Середина IX в. — период ускорения роста и формирования новых поселений. Именно к этому времени относятся древнейшие горизонты Рюрикова городища, имеющие чёткую датировку. Однако в целом археологические древности IX в. в большинстве исторических областей будущей Руси немногочисленны и не слишком выразительны, следы присутствия скандинавов ограничены отдельными точками. Это время можно рассматривать как самое начало зарождения властных институтов, когда полноценные городские центры ещё не сложились, а социальная элита ещё не выработала специфических форм престижной дружинной культуры.

X-й век отмечен чрезвычайно бурным ростом, развитием и усложнением культуры. Археология фиксирует формирование в этот период яркого комплекса дружинных древностей с выразительными статусными предметами, формирование полноценных городов, становление развитого ремесла и значительную нивелировку областных культурных традиций. Вторая половина X в. — время начала формирования Руси как особой культурной общности, выработки собственного лица. Этот процесс завершился в XI в.

Таким образом, динамика исторических и культурных трансформаций, реконструированная по археологическим материалам, существенно отличается от традиционной схемы, согласно которой Русь в эпоху Рюрика представляла собой раннефеодальное общество с чётко выделенной военно-аристократической элитой, сложившейся сетью городов и единой восточнославянской культурой.

Новые исследования показывают, что древнерусская культура — существование особого комплекса древностей XI—XIII вв., общего для всей территории Руси, — археологическая реальность. Археологические материалы раскрывают значительное своеобразие традиций отдельных областей, но они документируют и яркие проявления культурного единства, которые мы находим, обращаясь к самым разным категориям древностей — от парадного костюма древнерусской знати до предметов быта, имевших массовое распространение. Важно, что черты культурного единства наиболее отчётливо проявляются в материальных древностях в тот период, когда в политическом развитии преобладали тенденции дезинтеграции, центробежные силы. Сегодня в России и на Украине настойчиво высказываются мнения по поводу “деконструкции” средневековой Руси как культурной целостности, признания значительной обособленности отдельных её областей, исключавшей возможность существования общей культурной идентичности [26, с. 164—181; 27,

с. 75—78]. Между тем по мере накопления археологических материалов появляется всё больше конкретных примеров, иллюстрирующих близость культурных традиций различных областей.

Археология раскрывает длительный ход формирования новой культуры, выработку новых типов вещей и форм бытового уклада, складывавшихся в раннегородских центрах и районах сосредоточения сельского населения и постепенно входивших в обиход на периферии. Новая культура несла в себе новые технологические достижения. Одним из главных практических инструментов формирования единой материальной среды являлось городское ремесло, ориентированное на производство стандартной продукции и тиражирование однотипных вещей [28, с. 215—217]. Формирующаяся культурная общность синтезировала разнородные элементы. Внешние заимствования часто оказывались своеобразными скрепами, выступавшими как общие знаки новой идентичности. Принятие новаций на всей территории Руси не всегда было одномоментным. Почти полтора столетия отделяют появление круговой керамики славянского облика в Среднем Поднепровье (середина IX в.) от начала её производства на северо-восточных окраинах (конец X в.). Разумеется, областные различия в культуре древнерусских земель не были стёрты ни в эпоху Владимира, ни при его преемниках. Можно предположить, что в отдельных регионах, например, в ареале роменской культуры, сохранение областных традиций являлось своеобразным выражением противодействия политической интеграции. Тем не менее главный вектор культурных изменений X в. на Русской равнине просматривается вполне определённо: формирование единой культурной общности на огромных территориях, объединённых в государстве Рюриковичей. Рождение этой культуры, ставшей фундаментом для последующего многовекового развития Руси и России, — столь же важный результат исторических процессов IX—X вв., как и становление древнерусского государства.

Летописная история Руси X в. наполнена военными акциями, значительная часть которых связана с распространением власти Киева на различные восточнославянские племенные объединения, острыми внутренними конфликтами, разрешавшимися вооружённым путём. Археология, напротив, открывает перед нами картину появления новых городов и сельских поселений, расширения застройки, усложнения материальной культуры, роста благосостояния. Поэтому при всей жестокости и драматизме событий, сопровождавших распространение власти Рюриковичей на Русской равнине и формирование административной системы нового государства, эти события не подрывали основы его роста. Известно, в какой мере княжеская власть была не-

посредственно вовлечена в обустройство земли, но мы ясно видим, что сложившаяся в X в. политическая организация создала условия для экономического подъёма, урбанизации, развития торговли, приобщения к культурным достижениям Византии.

Одна из интереснейших проблем в изучении ранней Руси — идентификация археологических древностей, отражающих выделение социальной элиты и становление властных институтов, изучение их как источников, позволяющих детализировать наши представления об организации власти и функционировании административного аппарата. К сожалению, круг этих памятников достаточно ограничен. Наиболее известные из них и в то же время сложные для социальной интерпретации — так называемые “дружинные” некрополи, большие курганные насыпи и камерные погребения с оружием и богатым инвентарём. Наиболее яркие материальные свидетельства становления новой государственности — монеты Владимира, Ярослава и Святополка, несущие изображение князя и княжеского знака, златники и сребреники, которые символизировали политические претензии русского княжеского дома [29; 30, с. 402—435]. В качестве символов власти рассматриваются трапециевидные подвески, несущие изображение княжеских знаков (часто они атрибутируются как особые верительные знаки чиновников высокого ранга — сборщиков дани — рис. 6) [31, с. 441, 443].

Важнейший археологический объект, непосредственно связанный с судебно-административной деятельностью, открыт в Новгороде на Троицком раскопе в 1998 г. в слоях более позднего времени — XII в. Это площадка для “сместного” (совместного) суда князя и посадника — настил из мощных 6-метровых сосновых плах площадью около 130 м², с вырубками для столбов, поддерживавших навес-перекрытие. Настил находился на усадьбе Е, выделявшейся своими размерами (1400 м²) и не содержавшей обычных находок, связанных с повседневной жизнью и хозяйственной деятельностью. С этим монументальным сооружением, строительство которого датируется дендрохронологическим методом 1126 г., связано несколько десятков берестяных грамот, представляющих собой судебные обращения и переписку по судебным делам. Этот архив с именами посадника и представителей княжеской стороны (новгородских бояр), участвовавших в судебных разбирательствах, фиксирует учреждение в 1126 г. “сместного суда” — сложного института судебной власти, устанавливавшего новые отношения боярской аристократии и княжеской власти в Новгороде [32, с. 6—30; 33, с. 43—56].

Чрезвычайно интересную категорию предметов, документирующих сбор государственных доходов и относящихся преимущественно к XI в.,

Рис. 6. Металлические подвески (верительные знаки) с тамгами Владимира Святого и Ярослава Мудрого
1 — Старая Ладога, погребение в урочище Победище;
2 — Новгород, Неревский раскоп; 3 — окрестности Киева

образуют деревянные цилиндры — замки для мешков, в которые помещалась пушнина, собранная в качестве дани. В Новгороде найдено более 50 подобных цилиндров, причём большинство из них (38) было обнаружено на той же усадьбе Е, в слоях XI — начала XII вв., предшествовавших времени сооружения постройки для “сместного” суда (рис. 7) [32, с. 31—65]. Последняя подобная пломба — цилиндр с надписью “Иване” — найдена на том же Троицком раскопе в 2012 г. Некоторые цилиндры несут на себе имена далёких северных погостов (“Вага”, “Устье Вагы”, “Пинега”, “Емца”, “Тихмега”) [32, с. 93—109]. Таким образом, уже в XI в. сбор дани новгородцами на Онеге и Северной Двине, на территориях, удалённых от Новгорода на огромные расстояния, был регулярной практикой. Локализация находок на боярских усадьбах показывает, что сбор государственных доходов, поступающих в Новгород, осуществлялся боярами, а участие князя в этом процессе было ограничено [33, с. 30—33].

Одна из самых ярких находок последних лет, отражающих распространение властных отношений из старых центров — Новгорода и Киева — на Северо-Восток, сделана в Суздальском Ополе в

Рис. 7. Деревянные цилиндрические бирки-замки конца X — начала XI вв. с княжескими знаками из Новгорода
1–3 — Троицкий раскоп; 4 — Михайловский раскоп

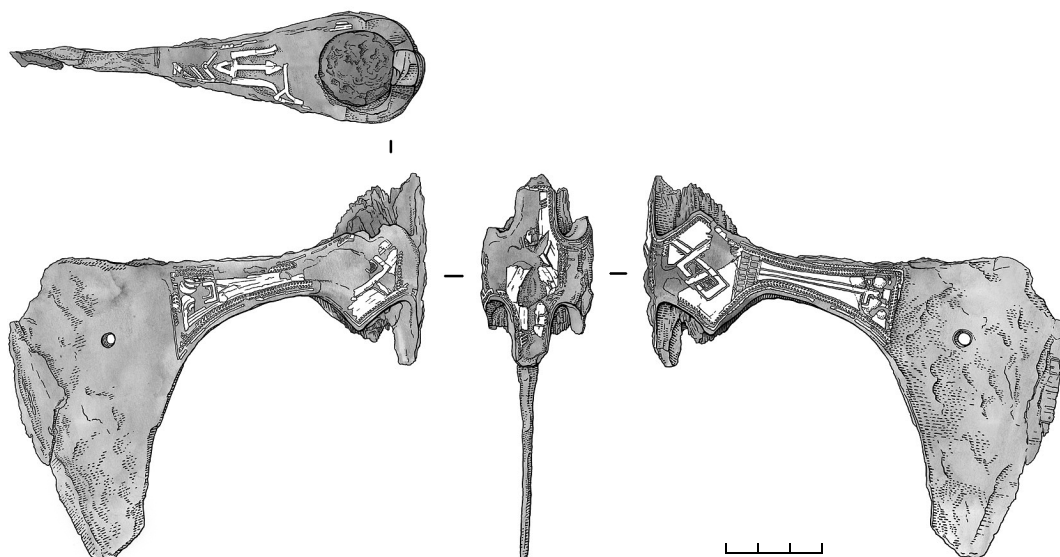

Рис. 8. Парадный боевой топор с серебряной инкрустацией из кургана в могильнике Шекшово-9 в Суздальском Ополе. Конец X — начало XI вв.

2011 г. Это парадный боевой топорик с княжескими знаками, обнаруженный на площадке с nivelированного кургана у с. Шекшово (рис. 8) [34, с. 435–444]. На боковых гранях и торцевой части топорика, помимо орнамента, выполненного инкрустацией серебром по железу, помещено изображение креста и тамгообразных знаков, получивших название “знаки Рюриковичей”. Это личные и родовые знаки князей, изображавшиеся на их монетах, печатях, предметах собственности, в редких случаях — на оружии. Тамга в виде трезубца с треугольником на среднем зубце близка трезубцам, которые помещены на монетах Владимира и Ярослава и идентифицируются как их

личные знаки (рис. 9). Двухзубец рассматривается как общий родовой знак князей Рюрикова дома [31, с. 445]. Использование этого знака ограничено X — началом XI вв. Очевидно, тамга с треугольником на среднем зубце трезубца могла принадлежать кому-то из ближайших родичей Владимира и Ярослава. Летопись сохранила известия лишь о двух Рюриковичах, занимавших ростовский стол в конце X — начале XI вв., — Ярославе и его брате Борисе, сменившем на ростовском княжении Ярослава после перехода последнего в Новгород.

Топорики с серебряной инкрустацией — парадное оружие X–XII вв., представленное немно-

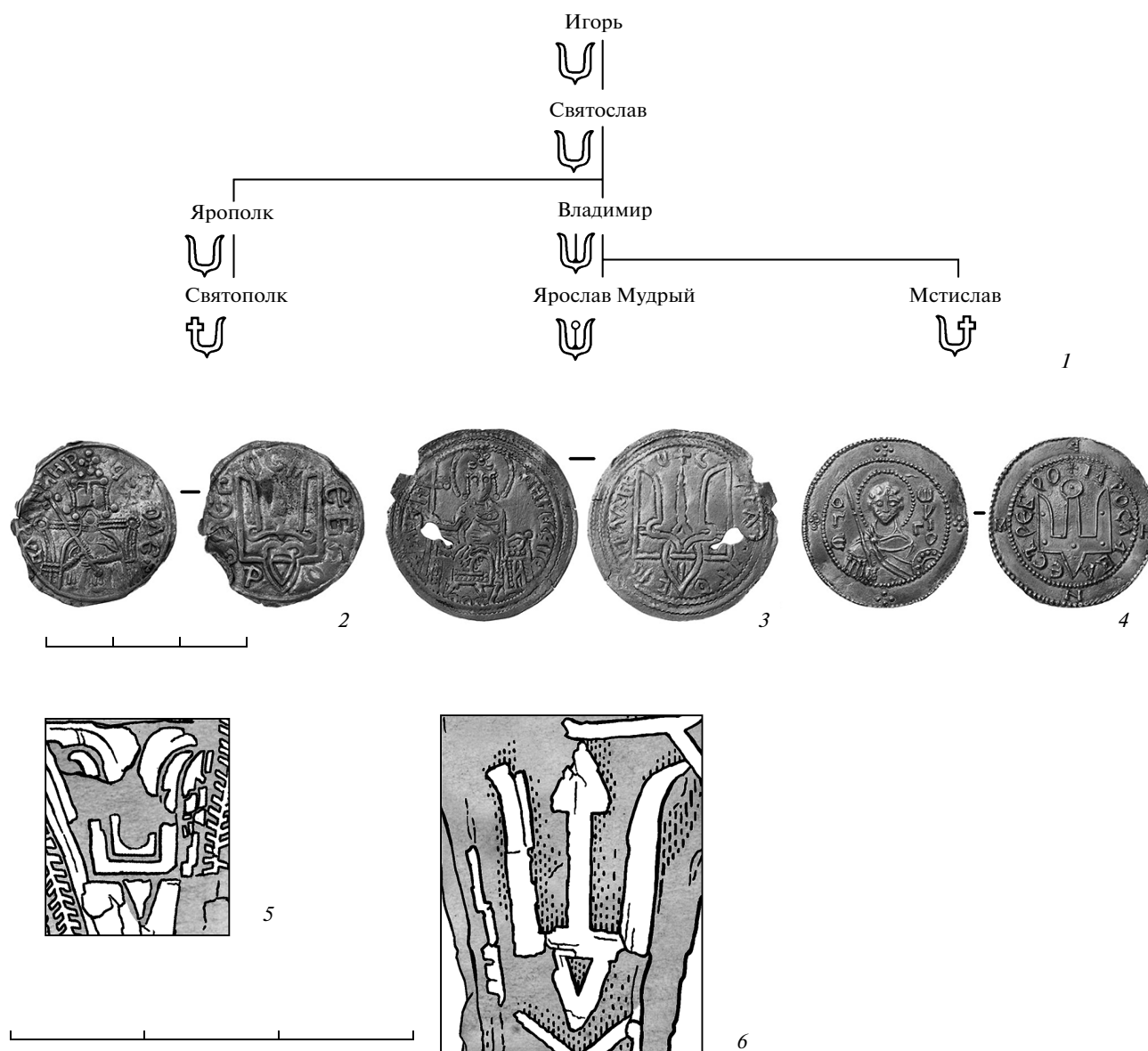

Рис. 9. Княжеские знаки на топорике из Шекшова и монетах Владимира и Ярослава и генеалогическая таблица лично-родовых знаков Рюриковичей (по А.А. Молчанову)

1 — генеалогическая таблица лично-родовых знаков Рюриковичей (по А.А. Молчанову); 2, 3 — сребреники Владимира с изображением княжеского знака; 4 — сребреник Ярослава с изображением княжеского знака; 5 — двузубец на боковой грани топора из Шекшова; 6 — трезубец на верхней торцевой грани топора из Шекшова

гочисленной группой находок, происходящих с территории Северной Руси, Волжской Булгарии, Скандинавии, Прибалтики и Польши. Их известно всего несколько десятков [35, с. 89–96; 36, с. 455–460]. Топорик из Шекшовского могильника — один из наиболее ранних образцов парадного вооружения такого рода, найденных на территории Руси. Очевидно, топорик сопровождал мужское погребение, находившееся под крупной курганной насыпью (диаметр 17 м), уничтоженной многовековой распашкой. Значение находки состоит в том, что она фиксирует присутствие вы-

сокопоставленных представителей княжеской администрации, княжеских дружинников в начале XI в. в формирующихся центрах древнерусского расселения на Северо-Востоке Руси, на территориях, которые, как ещё недавно считалось, долгое время находились под управлением местной знати и были мало затронуты окняжением. Выясняется, что уже в это время княжеская власть на Северо-Востоке распространялась далеко за пределы древнейших городских центров — Ростова и Суздаля.

Таким образом, памятники материальной культуры, открытые в последние годы, позволяют яснее увидеть властные институты, существовавшие на ранних этапах истории Руси, дают яркие свидетельства централизации власти, значительных усилий, прилагавшихся для закрепления контроля над периферийными областями, будь то Ростово-Суздальские земли или далёкое Заволочье, Русский Север.

Археология ранней Руси часто представляется “извне” преимущественно как арена столкновения научных концепций, отражающих различные исторические воззрения и общественно-политические позиции, как борьба идей, в которой многие оценки прошлого навязывались политической конъюнктурой. При этом сама сложность для изучения и исторического истолкования древностей IX–X вв., с которыми приходится иметь дело археологу, не всегда очевидна для других гуманитарных наук. Переоценка многих явлений прошлого, переосмысление археологических данных (будь то “варяжская проблема”, роль Новгорода и Киева как двух конкурирующих центров политической власти, уровень развития социальных отношений в IX–X вв.) на различных этапах археологического изучения ранней Руси определялась в значительной степени внутренними факторами: накоплением новых археологических материалов, совершенствованием методического инструментария, появлением возможности более надёжной хронологической атрибуции древностей. Разумеется, в археологической картине ранней Руси всегда останется элемент субъективного видения исторической ситуации, однако в целом, благодаря общим усилиям многих исследователей, работающих в данной области, эта картина стала за последние десятилетия значительно точнее и достовернее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. Москва–Вологда: Древности Севера, 2012.
2. *Горский А.А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. М.: Индрик, 2012.
3. *Назаренко А.В.* Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. Москва–Вологда: Древности Севера, 2012.
4. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982.
5. *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995.

6. *Лопатин Н.В.* Основные концепции заселения славянами северо-запада Русской равнины // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы I научного семинара, посвящённого памяти академика В.В. Седова. Псков: Псковская областная типография, 2006.
7. *Конецкий В.Я.* Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н.э. на Северо-западе: итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
8. *Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010.
9. Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура / Отв. ред. Макаров Н.А. М.: Наука, 2009.
10. *Захаров С.Д.* Белоозеро // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. Москва–Вологда: Древности Севера, 2012.
11. *Noonan T.* Dircham Exports to the Baltic in the Viking Age: Some Preliminary Observations // Sigtuna papers: proceedings of the Sigtuna symposium on Viking-age coinage 1–4 June 1989. Stockholm, London, 1990.
12. *Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X вв. // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. Москва–Вологда: Древности Севера, 2012.
13. *Pushkina T.A.* Scandinavian finds from Old Russia: a survey of their topography and chronology // The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October in the manor of Karlslund, Örebro / Ed. Hansson P., Örebro, 1997.
14. *Мельникова Е.Е., Никитин А.Б., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах из Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования 1982 г. М.: Наука, 1984.
15. *Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1991.
16. *Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д.* Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье. М.: Воентехиздат, 2008.
17. *Бронникова М.А., Успенская О.Н.* Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.: Альфарет, 2007.
18. *Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Изменения природной среды в окрестностях средневековых поселений на Кубенском озере по данным спорово-пыльцевого анализа // Археология севернорусской деревни. Т. 3. М.: Наука, 2009.
19. *Кренке Н.А.* Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью // Российская археология. 2007. № 1.

20. *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. М.: Наука, Ленинградское отделение, 1990.
21. *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
22. *Носов Е.Н.* Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
23. *Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Медведева М.В.* Новгородская Русь. Рождение державы. СПб.: Лик, 2012.
24. *Мельникова Е.А., Носов Е.Н.* Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. М.: Наука, 1988.
25. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.
26. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспент Пресс, 1999.
27. *Моця А.П.* Откуда есть пошла земля Российская? // Родина. 2012. № 9.
28. *Седов В.В.* Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999.
29. *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.: Искусство, 1983.
30. *Гайдуков П.Г., Калинин В.А.* Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. Москва–Вологда: Древности Севера, 2012.
31. *Молчанов А.А.* Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. Москва–Вологда: Древности Севера, 2012.
32. *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001.
33. *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: очерки археологии и истории. М.: Языки славянских культур, 2004.
34. *Макаров Н.А., Зайцева И.Е., Красникова А.М.* Парадный топорик с княжескими знаками из Суздальского Ополя // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013.
35. *Корзухина Г.Ф.* Ладожский топорик // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966.
36. *Макаров Н.А.* Декоративные топоры из Белозёра // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1987. М.: Наука, 1988.

DOI: 10.7868/S0869587313060091

**ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XIII–XV ВВ.
РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ АРХИВНЫХ ИЗЫСКАНИЙ***ДОКЛАД АКАДЕМИКА С.П. КАРПОВА*

Начало XIII в. ознаменовалось крутым поворотом во всей мировой истории. В 1204 г. Константинополь пал жертвой крестоносцев, и временно прекратила своё существование некогда великая империя ромеев. С её гибелью Чёрное море перестало быть закрытым, внутренним бассейном Византии, сместился вектор геополитической ориентации русских княжеств, а уже в 1237–1242 гг. они сами были завоёваны монголотатарами и включены в орбиту новой великой империи и её западного улуса — Золотой Орды. С разрушением одних городов и разорением других в огне пожаров, уничтожавших деревянные строения, были безвозвратно утрачены многие памятники письменности. И если сохранились отдельные рукописи, то документальные комплексы, за исключением Северо-Западной Руси с её берестяными грамотами, исчезли навсегда. Но удивительным образом частичная реконструкция экономических, политических и даже религиозных реалий Южной Руси, её связей с Западом и Востоком становится возможной благодаря особому феномену — итальянской колонизации Причерноморья.

Одним из последствий монголо-татарского завоевания была переориентация торговых путей, которые, пока не наступала смена ханов, отличались стабильностью и тщательно охранялись. Дороги к побережью “Великого моря” с Севера, Юга и Востока стали безопасными, по ним доставлялись шёлк, специи, меха, рабы и драгоценные камни, что заметили и оценили купцы и предприниматели итальянских морских республик, прежде всего Генуи и Венеции. Произошло это не сразу. Более пяти десятилетий преобладания на Босфоре не способствовали росту интереса венецианцев — участников и инициаторов IV Крестового похода — к черноморским берегам, куда они плавали редко. Почему? Мне кажется, ответ прост: все ресурсы Республики св. Марка были брошены на освоение новых владений на Балканах и в Эгеиде, на Крите и Пелопоннесе, а стабилизация монголо-татарской державы ещё не произошла.

С трудом восстановленная при Михаиле VIII Палеологе Византия предоставила в 1261 г. особые привилегии соперникам венецианцев — генуэзцам. Последние не преминули этим воспользоваться для снятия барьеров и укрепления на черноморских берегах. Они выбрали три основных пункта — Перу (Галату), Каффу (Феодосию) и Трапезунд, которые стали рассадниками и центрами их колонизации. Благодаря договорам с ордынскими ханами, византийскими и трапезундскими императорами, генуэзцы с 70-х годов XIII в. буквально усеяли север, восток и юг Причерноморья своими торговыми поселениями — факториями. Венецианцам пришлось их догонять, многочисленности генуэзских поселений они противопоставили мощную и регулярную систему навигации с опорой на два порта и два терминала торговли — Трапезунд и Тану (Азак, Азов) в устье Дона.

Обе республики вели активное делопроизводство. Книги бухгалтерской отчётности, нотариальные акты, судебные и иные документы составлялись на местах и отправлялись для контроля в метрополию. Каждый консул и каждый нотариус и счетовод отвозили туда свои бумаги, а сами высшие официалы, по тогдашним правилам, после двух лет почти неограниченной власти подлежали суду с дознаниями местных жителей по всем пунктам их деятельности. Материалы расследований (синдикаментов) начинали вести в Тане или Каффе, а заканчивали с вынесением приговоров в Венеции или Генуе. Эти акты — своего рода окошко в повседневную жизнь далёких факторий, о которых современники говорили: “На краю света, в пасти врагов наших...” [1]. Важнейшее значение имеют и судебные петиции генуэзским и венецианским властям с просьбами о компенсации ущерба, предоставлении должностей за службу, решении споров, в том числе с иноплеменниками, когда итогом конфликта было вотиrowание права “марки”, то есть насильственных действий и захвата ценностей у любого представителя стороны-обидчика. Мной был составлен свод таких данных по фонду *Diversorum*, *Filze* Секретного архива Генуи [2]. Другой фонд —

Прокураторов св. Марка в Венеции — важен тем, что высшие судебные магистраты запрашивали для принятия решений подлинники коммерческих и иных документов, которые благодаря этому сохранились. Большой фонд завещаний, особо ценных и оберегаемых документов как в Венеции, так и в Генуе, позволяет составить представление об имущественном положении торговцев в Тане и Каффе купцов, реконструировать топографию поселений, выявить широкий круг контрагентов. Свою документацию вели также католические ордена и монастыри, вслед за купцами, а иногда и ранее их утверждавшиеся на землях Орды и в Причерноморье. Значительная часть этих материалов находится в архивах Италии и, став доступной исследователям, несмотря на нередко плохую сохранность актов, трудности языка и палеографии, активно вводится в научный оборот, обогащая наши знания, в том числе раскрывая новые страницы истории Средневековой Руси. Этим и занимается руководимая мной Лаборатория истории Византии и Причерноморья МГУ*.

Историки давно поняли, что опираться только на субъективные рассказы средневековых хроник невозможно, и это заставляет искать либо новые материалы, либо новые подходы к материалу. При изучении черноморских факторий Генуи реализуются обе стратегии. Генуэзские массарии — первые счётные книги, где применена двойная бухгалтерия. Сохранились массарии Каффы (1374–1474) и Перы (1396–1402), в которых представлен, по сути, весь бюджет факторий. Каффа, как показывают подсчёты для 1381 г., была крупнейшим городом Восточной Европы. На территории в 80 га проживало порядка 10–20 тыс. человек, а её бюджет доходил до 30–40 тыс. дукатов. К XV в. население Каффы увеличилось до 50–70 тыс., и она стала главным регулятором обменов между Русью и Средиземноморьем.

А.Л. Пономарёвым проведено исследование как топографии и населения Каффы, так и денежно-финансовых систем региона. Квантитативные методы изучения нумизматического ма-

териала и математическое моделирование позволили обнаружить неизвестные закономерности денежного обращения, узнать параметры и сроки десятков денежных реформ, происходивших в Византии, на Балканах и в Золотой Орде, понять, что за ними стояли глобальные изменения стоимостей золота и серебра. Сопоставление систем валют разных государств позволило узнать главное: средневековый мир жил в условиях финансовой кооперации. Венецианцы адаптировали свои дукаты и гросси к византийскому перперу, ханы Золотой Орды поначалу ориентировались на византийскую монету, а затем на венецианский золотой дукат, утвердившийся в качестве международной валюты с середины XIV в. Дочерние денежные системы, возникавшие вокруг Византии, Венеции либо Золотой Орды, прямо уподоблялись родительским. Обменные курсы легко восстанавливаются при учёте цепочки и последовательности связей. Русские княжества не только воспользовались стандартами денежного дела Золотой Орды, но и заимствовали само название татарских денег — дангов, к этому их обязывала вся система экономических связей, сложившаяся в XIV в. от Урала до Карпат, от Кавказа до Альп.

Исследования массарий позволили обнаружить неизвестные до того факты посольств к Мамаю, реконструировать ситуацию в регионе накануне и после Куликовской битвы. Летом 1380 г. консул Каффы набрал от силы сотню воинов, чтобы отправить их в поход против венецианцев, с которыми шла война. Зная их имена, размеры жалованья, нельзя верить в легенды о целом корпусе генуэзцев, якобы участвовавших в походе на Русь вместе с Мамаем. Интересно другое: казна хана досталась князю Дмитрию Ивановичу Донскому, и, по оценкам, всей её не хватило бы для оплаты генуэзских наёмников. Острейший финансовый кризис (нехватка у Орды наличных денег) был подоплёкой событий русско-татарской войны 1380 г., что опять-таки объясняется данными массарий Каффы. Совокупное изучение записей в этих счётных книгах, а также нотариальных актов показало, что с наступлением “Замятни” в Золотой Орде резко усилились бесконтрольные и частые набеги ордынцев на русские земли, увеличилась доля русских рабов на рынках Причерноморья, откуда их везли в Италию или в мамлюкский Египет. Это продолжалось до 40–60-х годов XV в., когда Русь Ивана III смогла защитить себя более эффективно.

В сухих банковских счетах ненароком проскальзывают данные о важных событиях, таких как подробности о путешествии в Царьград митрополита Пимена и пока неопубликованные сведения о генуэзском посольстве, отправившемся в Москву при Иване III, чтобы привести оттуда в Крым сына хана Улуг Мухаммада. Последнее предусматривалось отдельной статьёй мирного

* Основные публикации, отражающие её работу: Причерноморье в средние века / Под ред. Карпова С.П. Вып. 1–8. М.—СПб.: Алтейя, 1991–2011; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: МГУ, 1990; *Он же.* Латинская Романия. СПб.: Алтейя, 2000; *Он же.* История Трапезундской империи. СПб.: Алтейя, 2007; *Пономарёв А.Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М.: МГУ, 2011; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461) / Под ред. Карпова С.П. СПб.: Алтейя, 2001; *Он же.* Тюрки в византийском мире в XIII–XV вв. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М.: МГУ, 2012; *Талызина А.А.* Принципы и методы навигационной политики Венецианского Сената XIII — первой половины XV в. Автореф. Диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 1997.

договора Каффы и крымского хана Хаджи Гирея, замыслившего с помощью генуэзцев поменять хана в Большой Орде.

Значение итальянских архивов для истории Золотой Орды, чью территорию унаследовала Московская Русь, трудно переоценить. Ведь даже основа всякой хронологии — хронология правлений — непрерывно пополняется сейчас именно из этих источников, в которых даты царствований и нередких переворотов указаны с точностью до дня. И это неудивительно, ведь через Тану и Каффу проходил волго-донской путь в Константинополь. В итальянских факториях происходил не только обмен товарами, но и аккумуляция политической информации о ситуации в Орде и Крымском ханстве. Она была существенна для Руси, поэтому неслучаен рост в Тане в конце XIV — первой половине XV в. русского и греческого православного прихода, выявленного нами по документам. Ещё одним существенным результатом стало обнаружение истоков казачества как иррегулярного войска, в том числе и на службе у владетелей факторий.

Не менее важным ресурсом для изучения истории нашей страны являются восточные источники. Труды Р.М. Шукурова были кардинально пересмотрены господствовавшая ранее точка зрения на содержание и интенсивность связей между Сельджукской Анатolieй и Северным Причерноморьем. Влияние Сельджукского султаната не ограничивалось известным походом эмира Чобана в конце 20-х или в 30-е годы XIII в. на Судак и Крым. Во второй половине XIII в. произошло несколько перемещений значительных групп населения из Анатолии в Северное Причерноморье. Анатолийские турки, несомненно, повлияли на материальную культуру Крыма, о чём свидетельствуют сохранившиеся архитектурные памятники и археологические объекты. Именно с этого времени в крымской орнаментике начинают встречаться сельджукские элементы. Связь с Анатolieй подтверждается и эпиграфическими памятниками Крыма, в особенности надписями на надгробиях XIII—XV вв. Предварительный анализ этих надгробий (пока не опубликованный) указывает на значительный приток в Крым мусульманских интеллектуалов из Центральной и Северной Анатолии.

Новое развитие получили исследования в области взаимоотношений между Палеологовской Византией и Северным Причерноморьем в XIII—XV вв. Как удалось установить, балканские провинции Византии приняли значительные группы переселенцев из Подунавья и Северного Причерноморья. По большей части на византийской территории расселялись кыпчаки и золотоордынские монголы, но встречались среди них и славяне. Это были как добровольные переселенцы, так и наёмники, военнопленные и рабы. Преимуще-

ственно через византийскую территорию шёл поток рабов из Северного Причерноморья в мамлюкский Египет. Этнический состав этих рабов был весьма разнообразен: представители народов Кавказа, турки и славяне южнорусских степей.

Анализ византийских, греческих и мусульманских источников показал, что Северное Причерноморье занимало посредническую позицию в экономических и культурных связях между Средиземноморьем и русскими землями. Именно через Северное Причерноморье в русские земли шла значимая информация из цивилизационных центров Средиземноморья и Переднего Востока, из христианских и мусульманских обществ. Эти информационные потоки временами являлись определяющими для формирования русской цивилизации — как её духовных и идеологических аспектов, так и бытовой культуры.

Возвращаясь к восточным источникам и их значению для истории Древней Руси, упомяну исследование А.Л. Пономарёва и Н.И. Серикова, обнаруживших в китайских хрониках указание на день, в который случилось полярное сияние, связываемое со взятием Херсона князем Владимиром. Посмотрев на сообщения арабских и греческих источников как на тексты астрологического характера, авторы смогли восстановить хронологию событий, приведших к принятию Русью христианства в 989 г., и подтвердить оспаривавшуюся дату этих событий [3].

Продолжая данную тематику, П.В. Кузенков издал полный комментированный свод источников о древнейшем походе русов на Константинополь в 860 г. [4], подтвердил обоснование датировки похода князя Олега на Византию в 904 г., определил места высадки русов и предложил реконструкцию хода боевых действий во время походов на Константинополь князей Олега и Игоря [5]. Ему удалось доказать решающую роль русских наёмных отрядов в борьбе Византии с арабами в X в.

В заключение хочу отметить: несмотря на полученные результаты, надо понимать, что критическая масса всех важнейших источников по истории Причерноморья и Древней Руси в итальянских и иных собраниях всё же до конца не освоена. Это десятки тысяч ценнейших документов, требующих системной и постоянной работы, для чего необходимо присутствие наших учёных, особенно молодёжи, в Генуе, Венеции, Риме, Париже. Такие задачи должен решать основанный в 2008 г. Российской академией наук, Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, Императорским Православным Палеостинским Обществом и Русской православной церковью Русский исторический институт со своими филиалами за рубежом. Сейчас формируется большая база данных доступного материала и научной библиографии, в частности осуществляет-

ся проект по созданию Научно-исследовательской информационно-справочной системы “ИСТРОН” (автоматизированное рабочее место историка). Проект направлен на реализацию механизмов обеспечения свободного доступа учёных к исследовательским данным вне зависимости от их местоположения, оптимизацию процесса передачи научных знаний новым поколениям учёных, закрепление в российских научно-образовательных программах научных кадров. Перспективы развития проекта в значительной степени связаны с разработкой и интеграцией технологий визуализации исторической информации — хронографических, географических, сетевых, 3D-реконструкций и образовательных технологий. Однако для осуществления подобных планов необходима значительная финансовая, в том числе грантовая поддержка со стороны государства и иных инвесторов. Немалая роль здесь может принадлежать и воссозданному недавно Российскому историческому обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Archivio di Stato di Venezia, Senato Misti, LIX, f. 158 (160)r.
2. Карпов С.П. Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.—СПб.: Алетейя, 1998.
3. Пономарёв А.Л., Сериков Н.И. 989 (6496) год — год Крещения Руси (Филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в Средние века. Вып. 2. М.: Алетейя, 1995.
4. Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое Крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. М.: Восточная литература РАН, 2003.
5. Кузенков П.В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. СПб.: Алетейя, 2011.

DOI: 10.7868/S0869587313060054

РОССИЯ В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

ДОКЛАД АКАДЕМИКА А.О. ЧУБАРЬЯНА

Я нахожусь в несколько сложном положении после прекрасных докладов моих коллег, посвящённых достижениям наших учёных в конкретных областях. Постараюсь привлечь ваше внимание лишь к некоторым общим проблемам, связанным с историческим процессом.

Расскажу о двух последних примерах архивных изысканий, относящихся к современной эпохе. Во-первых, это часть архива Сталина, который называется “Письма Сталина с юга”. Сталин каждый год отдыхал на юге и ежедневно получал из Москвы большую почту, возвращал её обратно со своими пометками. Письма составили несколько томов, которые проливают яркий свет в том числе на процесс принятия решений в советском руководстве, который не был таким однозначным, как мы думали до сих пор. Во-вторых, это дневники Леонида Ильича Брежнева, которые, я надеюсь, скоро выйдут в свет. Оказывается, Брежнев вёл дневник, особенно в первый период своей деятельности. Сейчас он готовится к печати.

Академик Ю.С. Осипов упомянул во вступительном слове о том, что изданы два тома “Всемирной истории”. Это амбициозный проект Института всеобщей истории РАН, шеститомная “Всемирная история”, которая впервые выходит в современной России. В советское время были изданы 13 томов “Всемирной истории” — фундаментальный труд, но он носил печать своего времени. За минувшие годы в российской и мировой исторической науке произошли большие сдвиги, и мы хотим представить российскому читателю, а возможно, и зарубежному нашу концепцию мировой истории. Я далёк от сверхамбициозных целей, эталоном у нас считается кембриджское издание “Всемирной истории”, которое обновляется каждые два-три года. Мне и моим коллегам хотелось сделать что-то подобное. Уже вышли в свет тома, посвящённые истории Древнего мира и Средних веков, сейчас готовится к выпуску том о Раннем Новом времени, за ними последует XVIII в. Впереди работа над томами, посвящёнными истории XIX и XX столетий.

Вопрос о роли той или иной страны в мировой истории — тема заинтересованного внимания каждого государства. Американцы заняты только

своей историей и преподают в основном свою историю. В европейских странах акцент тоже делается на национальную историю. Следующий мировой исторический конгресс пройдёт в Китае, и китайцы выдвинули в качестве главной его темы тему “Китай в мировой истории”. Поэтому для нас совершенно правомерно выдвижение темы “Россия в мировой истории”. Это очевидное поле нашей деятельности.

Сейчас в мировой исторической науке отчётливо проявились две тенденции. Одна — так называемая макроистория, которой занимаются очень многие центры, выходят сотни книг, созданы десятки журналов, освещающих проблематику глобальной истории, действуют несколько ассоциаций в Европе, Америке, а теперь уже и в Азии. Эта тенденция нарастает в попытке рассмотреть мир как некое целостное единство, с точки зрения глобальных процессов. Вторая тенденция — микроистория. Я бы сказал, что это своего рода антропологическая история, которая включает человеческое измерение исторического процесса. Она направлена на изучение социальной истории, роли в ней человека, личности.

В рамках этих двух тенденций изучается национальная и мировая история. Главная проблема для учёных всех стран — как вписать национальную историю в общемировой контекст. Россия сталкивается в этом смысле с ещё одним вызовом, и мы должны это отчётливо понимать. Издаётся многотомная история Украины, готовятся десяти томная история Казахстана, многотомные истории Армении, Молдавии, Узбекистана, Таджикистана, Белоруссии. Я возглавляю совместную комиссию историков России, Литвы и Латвии, где тоже пишутся труды по национальной истории. Повторюсь, это в каком-то смысле вызов российской историографии, потому что центральное место во всех подобных исследованиях занимает оценка периода, когда перечисленные страны входили в состав России, а потом Советского Союза. То же можно сказать и о странах Восточной и Центральной Европы: изучается влияние России на историческое развитие этого региона. Фактически речь идёт о роли России в мировой истории.

Относительно этой роли у нас сейчас ведутся острые дискуссии. А начало им было положено в середине XIX в. противостоянием западников и славянофилов, но ныне они приобрели более широкий контекст. В оценке известной конфронтации западников и славянофилов сложилась общая точка зрения, в соответствии с которой признаётся, что крайности были и у тех и у других, но умеренные крылья обоих течений достаточно близко сходились во мнениях.

Противостояние, связанное с пониманием роли России в мировой истории, в большой мере было обусловлено иностранными интерпретациями нашей национальной истории. В течение долгого времени — к сожалению, это продолжается и по сей день — на Западе имеет хождение теория об отсталости России, о несовпадении исторических процессов у нас и в других странах. Как бы в ответ на это возникали концепции, подчёркивавшие особый путь и специфику России, причём слишком большой акцент делался именно на специфичность в ущерб поиску общих тенденций. Поэтому, думаю, для нашей науки очень важно показать, что Россия всегда составляла органическую часть мирового исторического процесса, развиваясь разновременно или одновременно, но по тем же траекториям, что и другие части мира.

Сегодня здесь уже шла речь о происхождении древнерусского государства. В связи с его 1150-летием в Институте всеобщей истории РАН проведена международная конференция “Образование древнерусского государства в европейском контексте”, на которую были приглашены известные учёные из Англии, Германии, стран Скандинавии, Польши. В ходе состоявшегося обсуждения был подтверждён вывод о том, что процесс образования древнерусского государства имеет обще-европейский характер. Даже так называемый норманизм не является чем-то исключительным, присущим только русской истории. Норманы и викинги участвовали в создании английского государства, завоёвывали Францию, про Скандинавию и говорить нечего. В России возникали те же проблемы: соотношение внутреннего развития и внешних влияний, адаптация иноземцев к местному населению, к местным обычаям. В данном случае речь идёт о славянском субстрате, на основе которого образовалось древнерусское государство. Кстати, даже Рюрик не назвал новое государство скандинавским — это было древнерусское государство. В оценке этого периода очень важно реализовать сравнительный, компаративистский подход.

Ещё один ключевой момент русской истории связан с 400-летием Земского собора. В более широком плане это вопрос о представительных учреждениях в России в контексте мирового развития. Генеральные штаты во Франции, английский

парламент, Земский собор в России — явления схожего порядка, хотя и со своими особенностями, спецификой. Думаю, данное направление исследований очень важно для понимания роли России в мировой истории.

Сейчас большое внимание уделяется XVIII столетию, веку Просвещения. Выходит множество книг на эту тему. Во Франции опубликована биография Елизаветы Петровны (она переводится на русский язык). По мнению профессора Сорбонны, которая написала эту книгу, Елизавета по уровню государственного мышления не уступала Екатерине II. XVIII век как бы открыл России деловую и интеллектуальную Европу. Об этом свидетельствует переписка Екатерины II с Вольтером (Франция), с Гриммом (Германия). В своё время Пётр I открыл для Европы “отсталую” Россию. Тогда она впервые зазвучала в европейском контексте как страна, которая находится на модернизационном этапе развития.

Наше вхождение в общемировой процесс, безусловно, связано и с годовщиной, которую мы недавно отметили, — 200-летием войны 1812 г. Дело не только в том, что это была победная для России война, но ещё и в том, что она обозначила участие России в мировом процессе. Я имею в виду две стороны дела. Во-первых, Наполеон хотел реализовать идею покорения Европы под французскими знамёнами. Победа над Наполеоном означала крах этой линии европейского развития. Во-вторых — само освобождение Европы.

В 2013–2014 гг. будут отмечаться не менее важные даты, когда методологически тема освобождения Европы явно перекликается с 1945 г. Я предвижу бурные дебаты, в том числе в европейских странах, особенно в Восточной Европе, относительно роли России. Тема освобождения Европы и вклада в него России представляется крайне важной. После 1812 г. Россия, употребляя современный термин, стала европейской сверхдержавой.

В XIX в. проблема вхождения России в мир была связана с российскими реформами. Сейчас, в частности, речь идёт о переписке президента Соединённых Штатов Т. Джефферсона с Александром I. Из документов видно, что американское руководство того времени внимательно следило за российскими реформами. Джефферсон пишет, что знает о проекте М.М. Сперанского и понимает, что это попытка превращения России в конституционную державу. Это существенный момент для понимания происхождения и эволюции российского конституционного устройства, российских реформ в контексте общемирового развития, не говоря уже о XIX столетии. Ещё больше свидетельств вовлечения России в европейские дела принёс XX в.

Хотел бы сказать несколько слов о революции 1917 г. и о так называемом советском эксперименте. В мировой истории даже негативный экспери-

мент имеет свои особенности и значение. Россия оказалась в эпицентре всеобщего внимания благодаря советскому эксперименту. Но это не был изолированный эксперимент. Лет десять назад мы издали книгу, которая называлась “Левая альтернатива в XX веке”. Эта альтернатива развивалась с конца XIX — начала XX в. не только в России, русские большевики были крайним, экстремистским её крылом.

Одна из обсуждаемых тем — вклад той или иной нации, страны в мировую историю. Недавно в Париже прошла очень интересная выставка “Французские интеллектуалы и Советский Союз. 20–30-е годы”. Открывали её премьер-министры России и Франции. На выставке были представлены редкие архивные материалы: например, “Андре Жид и Сталин. Переписка”, “Ромен Роллан и Россия”, “Эренбург и Франция”, отразившие современный взгляд на тот период. Состоялся colloquium на эту тему. Вела заседания иностранный член нашей академии Э. Каррер д’Анкосс. Она, в частности, отметила, что каждая страна хочет чем-то удивить мир, оставить свой след в мировой истории. Слушая её, я подумал, что влияние французской революции ощущается до сих пор. Французы считают себя законодателями мод в области прав человека, обеспечения свободы, равенства, братства. А Китай в качестве своего главного вклада в историю человечества рассматривает идеи конфуцианства. Конфуций — это знамя китайского образа мысли, китайской философии. Китайские власти по всему миру открывают Институты Конфуция, чтобы распространять китайский язык и китайскую культуру.

Думая о России, мы задаёмся вопросом: каков же главный вклад России и её воздействие на мир? Каррер д’Анкосс сказала, что Россия поражала мир своим духовным началом. В более общем плане, мне кажется, мы можем говорить о трёх обстоятельствах, связанных с нашим вкладом в европейскую и мировую историю. Первое относится к древним векам, когда Россия защитила Европу от золотоордынского нашествия, от кочевнического мира. Россия заплатила за это высокую цену — несколько веков отставания от

общего развития. Второе и, на мой взгляд, одно из самых главных наших достояний — наша культура и духовное наследие: Достоевский и Толстой, Серебряный век, Пастернак и Ахматова и т.д. Не вступая в дискуссию о конкретных именах, сам факт не может быть оспорен. В этой связи у меня вызывает большую тревогу и озабоченность явная недооценка у нас в стране гуманитарной сферы, которая есть наше национальное достояние, наш вклад в мировую культуру. Недостаток отечественного исторического сообщества я вижу и в том, что у нас мало работ, посвящённых вкладу русской, российской культуры, российской ментальности в общемировой процесс. Третий момент, о котором я хотел сказать, — это роль России во Второй мировой войне, определившая её итоги. За рубежом вклад нашей страны часто оспаривается или недооценивается, однако решающая роль России в спасении Европы и мира от опасности, которая исходила от фашизма, является непреложным фактом.

В заключение хотелось бы сказать о значении истории, её преподавании в средней и высшей школе для воспитания молодого поколения страны. В этом зале недавно проходил второй Всероссийский съезд учителей истории. Здесь присутствовало новое поколение учителей, молодые лица, люди с новой ментальностью. Россия — единственная страна в мире, в которой дети в школе прослушивают равные полноценные курсы и отечественной, и всеобщей истории. Думается, очень важно продолжать эту традицию. Здесь следует иметь в виду две вещи. Во-первых, нельзя нивелировать российскую специфику, нельзя преуменьшать нашу особую роль, связанную с многонациональностью, многоконфессиональностью, геополитическим значением. Но, во-вторых, ни в коем случае не следует впадать в изоляционизм: Россия является частью мира, частью мировой истории и в прошлом, и в настоящем.

Нынешняя научная сессия показывает, что в Российской академии наук гуманитарное знание поддерживается и развивается. Хотелось бы, чтобы так было и в других сегментах российского общества.

DOI: 10.7868/S0869587313060261

СУДЬБА ВЕЛИКИХ РУССКИХ ИКОНОСТАСОВ XV ВЕКА

ДОКЛАД ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН Г.И. ВЗДОРНОВА

При слове “иконостас” в нашей памяти всплывает впечатляющая картина: грандиозная церковная стена с многочисленными и разнообразными иконами Христа, Богородицы и святых. Высокий многосоставной иконостас — подлинно русское национальное творение. Нет ни одной другой православной страны, где была бы создана подобная композиция из многих десятков икон, образующих замечательно выдержанный во всех отношениях живописный ансамбль.

Долгое время иконостас существовал в виде полуфигурного деисуса, стоявшего на архитраве пред-алтарной преграды. Наиболее яркий памятник такого рода — замечательный деисусный чин из Успенского собора в Звенигороде, от которого уцелели только три иконы — Иисуса Христа, Архангела Михаила и Апостола Павла. Первоначально звенигородский деисус включал в себя девять икон, но в XVIII в. церковный причт посчитал их слишком уж архаичными и заменил более современными. Древним же иконам священники не нашли лучшего применения, как поместить в дровяной сарай при церкви, где они были найдены в 1918 г. и позже поступили в Третьяковскую галерею.

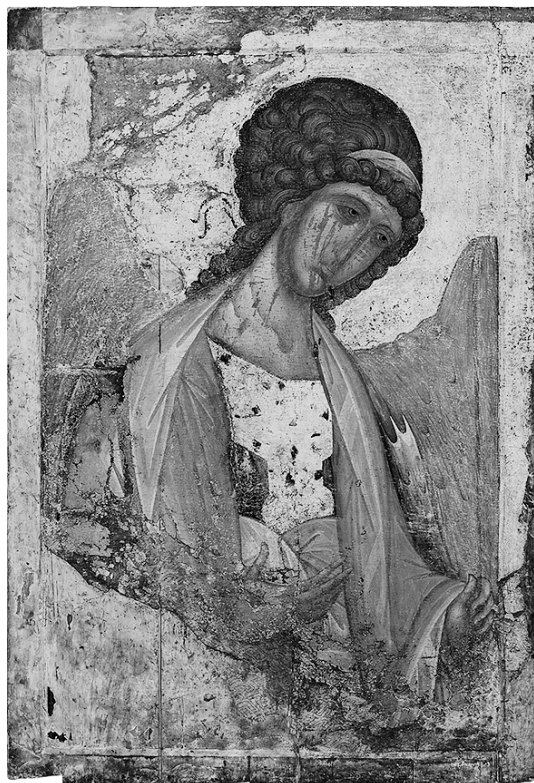
Звенигородский чин принадлежит к прекраснейшим произведениям русского художественного гения. С ним могут сравниться лишь “Троица” Андрея Рублёва и отдельные фрески из Успенского собора во Владимире. Но и “Троица”, и владимирские росписи жестоко пострадали от многократных поновлений и реставраций, тогда как живопись звенигородских икон (там, где она сохранилась) поражает необыкновенной красотой красок и линий, общей благородной формой. Совсем не случайно все исследователи древнерусского искусства сходятся в предположении, что звенигородские иконы написаны Андреем Рублёвым.

В XV в. повсеместное распространение получает высокий полнофигурный иконостас. В истории отечественного искусства он представлен пятью живописными ансамблями, а именно: из Благовещенского собора Московского Кремля, из Успенского собора во Владимире, из Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря и из Успенского собора Кирилло-Белозёрского

монастыря. Недавнее экспонирование Кирилловского иконостаса на выставках “Святая Русь” в Париже, Москве и Петербурге лишний раз продемонстрировало, что мы обладаем подлинными сокровищами, которыми восхищается весь цивилизованный мир.

Самый грандиозный иконостас был написан, как ранее считалось, Андреем Рублёвым и его “сопостником” Даниилом в 1408 г. для Успенского собора во Владимире. Это так называемый Васильевский чин. Кафедральный Успенский собор во Владимире, выстроенный ещё в середине XII в., был, несомненно, самым большим и импозантным собором на просторах Северо-Восточной Руси. В соответствии с его государственным значением и размерами художникам начала XV в. было поручено написать деисусный чин и чин “праздников”, которые бы превосходили все другие русские иконостасы. Увы, когда во второй половине XVIII в. в России возникла мода на резные золочёные барочные иконостасы, не избежал этого поветрия и Успенский собор. Древний иконостас был частично уничтожен, а то, что осталось, продали крестьянам села Васильевского Шуйского уезда Владимирской губернии. В 1923 г. экспедиция Центральных государственных реставрационных мастерских вывезла отсюда в Москву 20 икон, написанных на древних досках, хотя первоначально иконостас Успенского собора состоял из 15 деисусных, 18 праздничных и 10–11 пророческих икон — всего, следовательно, более 40 монументальных изображений. При этом деисусные иконы в рост, написанные на деревянных щитах высотой более 3 м, являются самыми большими иконами в истории древнерусской живописи, — икон подобного размера нет ни в византийском, ни в южнославянском, ни в поствизантийском искусстве.

Судьба Васильевских икон после их доставки в Москву сложилась не самым лучшим образом. Казалось, следовало бы приложить максимум усилий, чтобы представить этот грандиозный ансамбль в цельном виде и восхититься художественным замыслом живописцев и их заказчиков. К сожалению, уже в первые годы после завершения расчистки, растянувшейся почти на 40 лет, иконы из Васильевского стали расходиться по

Андрей Рублёв. Архангел Михаил. Икона из Звенигородского чина. Начало XV в. Третьяковская галерея, Москва

Андрей Рублёв. Апостол Павел. Икона из Звенигородского чина. Начало XV в. Третьяковская галерея, Москва

Деисусный чин из иконостаса Успенского собора во Владимире (реконструкция). После 1410 г.

двум российским музеям: 12 из них удержала Третьяковская галерея, 5 — Русский музей. Так было положено начало разрушению целостности русских иконостасов, каждый из которых уже никогда более не представал в единстве всех своих частей, соединявшихся в общую впечатляющую картину. Местнические интересы двух национальных музеев взяли верх над исторической правдой и художественной целесообразностью.

Следующий по времени иконостас был написан для Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, как полагают эксперты, в 20-х годах XV в. Этот единственный сохранившийся в неразрозненном виде древний иконостас состоит из

40 икон, авторство которых предание приписывает Андрею Рублёву и членам его артели. Строго говоря, лишь одна икона “Троица” может быть определена как собственноручная работа великого иконописца. В 1929 г. она была изъята из местного ряда иконостаса и помещена в экспозицию Третьяковской галереи. Официальные представители Русской православной церкви неоднократно требовали вернуть “Троицу” в собор, но, к счастью, нашлось компромиссное решение — поставить её в церкви Николы в Толмачах, входящей в комплекс старых зданий галереи.

Теперь перейдём к двум изумительным иконостасам XV в., сохранившимся на Русском Севере —

в соборе Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре и Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря.

В Ферапонтове высокое искусство сочетается с дивной в своей первозданности природой, мало изменившейся за минувшие 600 лет. В XX в. подобных мест на карте современной России заметно поубавилось, и Ферапонтово — исключение из общей безрадостной картины. Монастырь прославлен фресками ещё одного великого русского иконописца — Дионисия. Росписи Ферапонтова стали известны сравнительно поздно: лишь в 1911 г. вышла монументальная книга В.Т. Георгиевского “Фрески Ферапонтова монастыря”, познакомившая широкую публику с творениями Дионисия и его артели.

Собор Рождества Богородицы построен в 1490 г., о чём свидетельствует древнейший из антиминсов, найденный в престоле собора в 1913 г. Фрески писались Дионисием в 1502 г., то есть через 12 лет после окончания строительства каменной церкви. Существующий иконостас все исследователи раньше тоже датировали 1502 г., полагая, что роспись и иконы, выдержанные в едином стиле, исполнены в одно время. Однако совсем недавно общепринятая дата была поставлена под сомнение: вряд ли собор был освящён без икон, прежде всего храмовых, а если так, то время создания Ферапонтовского иконостаса нужно приурочить к 1490 г.

На архивных фотоснимках, сделанных сто лет назад, мы видим Ферапонтовский иконостас в полубарочной раме, какими были “украшены” многие другие русские храмы в середине и второй половине XVIII в. Поскольку древние иконы уже не помещались в этой раме, пришлось отказаться от изображений двух столпников, ранее находившихся по краям, а центральная икона “Спас в силах” вообще была заменена новой громадной иконой Христа на облаках. Исчез и старый праздничный ряд, состоявший из 24 икон, вместо которого были заново написаны 14 “праздников”, некрасиво втиснутые в медальоны второго регистра иконостаса. Хотя Ферапонтов монастырь в XVIII в. быстро клонился к нищете и упадку, тем не менее в казне нашлась немалая сумма на переделку большого иконостаса — не хотелось отставать от других, более успешных монастырей, захваченных эпидемией поновлений старины в угоду благолепию.

Похожая история произошла и в Кирилло-Белозерском монастыре, находящемся в 19 верстах от Ферапонтова. Но здесь монастырская власть произвела ещё большие разорения: из деисусного ряда было удалено сразу шесть икон, из праздничного — восемь, а ярус с полуфигурами пророков заменён вновь написанными изображениями пророков в рост.

Однако действия церковного причта не идут ни в какое сравнение с музейными изъятиями древних икон из Ферапонтова и Кириллова. Это подлинная драма, если не сказать трагедия, двух вели-

ких иконостасов, бессовестно растащенных коллекционерами и музейными “экспедициями”.

В соборе Рождества Богородицы в Ферапонтове на момент первых изъятий находились 24 древние иконы, частично вынесенные в надратную церковь святых Ферапонта и Мартиниана. В настоящее время их осталось 11. Чтобы понять произошедшее, необходимо вспомнить: в государственной политике СССР в области распределения художественных ценностей последовательно реализовывались две противоположные стратегии. До 1929 г. акцент делался на развитие и наполнение областных и региональных музеев, но затем началась централизация имеющихся сокровищ, шедевры живописи стали вывозить в национальные московские и ленинградские музеи, прежде всего Третьяковскую галерею и Русский музей.

В 1932–1933 гг. Третьяковская галерея приступила к масштабной перевеске своих экспозиций и ей потребовалось представить искусство эпохи Дионисия лучшими произведениями. Кирилло-Белозерский краеведческий музей, в составе которого был и Ферапонтов монастырь, не мог сопротивляться натиску столичных коллег и был вынужден расстаться с шестью лучшими иконами, которые с тех пор находятся в Москве. Агенты галереи, имея на руках грозные предписания Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) РСФСР, вели себя на местах как хозяева и ничуть не стеснялись забирать чужую собственность. Подобным образом поступали и представители Русского музея, в 1958 г. обогатившие свою коллекцию семью иконами из Ферапонтова, включая чудесные по живописи храмовые иконы “Богоматерь Одигитрия” и “Сошествие во ад”. Надо, впрочем, заметить, что изъятия происходили под благовидным предлогом: из-за будто бы плохой сохранности икон и необходимости их расчистки и укрепления. Но доставленные в Ленинград иконы сразу же ставились на учёт и получали инвентарные номера Русского музея. Была нарушена даже парность ряда икон. Так, икона “Архангел Михаил” поступила в Третьяковскую галерею, а “Архангел Гавриил” — в Русский музей, “Святой Георгий” был удержан Русским музеем, а “Димитрий Солунский” — Третьяковской галереей. Фактически действиями столичных музеев был разрушен уникальный художественный ансамбль, настоящая красота которого может восприниматься только в единстве всех его частей.

Ещё более драматичной предстаёт перед нами новейшая история Кирилловского иконостаса. Мало кому известно, что первые изъятия кирилловских художественных сокровищ начались в 1918–1923 гг. Изумительная по древности и качеству коллекция древнерусского шитья, принадлежащая Русскому музею и поступившая сюда несколькими партиями в 1923–1928 гг., наполовину кирилловского происхождения. Как ни странно, инициато-

Пророки Давид, Даниил и Соломон. Около 1497 г. Икона из пророческого ряда Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря

ром разорения Кирилловского иконостаса был человек, который должен был стоять на страже интересов русской провинции. Речь идёт об Александре Ивановиче Анисимове (1877–1937), долгое время проработавшем в Новгороде и прекрасно знавшем художественное наследие Новгородской губернии. В 1918 г. он был приглашён войти в руководящий состав новосозданной И.Э. Грабарём Комиссии по сохранению и раскрытию древней живописи в России и тогда же направлен в свою первую экспедицию на Русский Север. По заданию комиссии А.И. Анисимов и его постоянный сотрудник реставратор П.И. Юкин обследовали и частично раскрыли три важнейших кирилловских иконы: храмовые образа Успения Богородицы и Богородицы Одигитрии и древнюю портретную иконку Кирилла Белозерского. В 1919 г. вторая экспедиция в том же составе вывезла эти иконы для полной расчистки в Москву, после чего они так и не вернулись на места своего происхождения. Когда в 1934 г. учреждение, основанное Грабарём и к тому времени преобразованное в Центральные государственные реставрационные мастерские, было ликвидировано, иконы поступили в Третьяковскую галерею. Хотя все кирилловские и ферапонтовские древности вывозились в Москву и Петербург с формулировкой “временно”, “до полной реставрации”, эти условия ни разу не были выполнены ни московскими и петроградскими реставраторами, ни сотрудниками столичных музеев, ни Наркомпросом.

В 1918 г. А.И. Анисимов предпринял ещё одну дерзкую и совершенно незаконную акцию — изъятию из Кирилловского иконостаса шесть праздничных икон и настоящий шедевр древнерусской живописи — икону пророков Давида, Даниила и Соломона. Все они поступили в личную коллекцию А.И. Анисимова, хранившуюся в Москве. В 1931 г., после ареста А.И. Анисимова, эти семь икон были направлены в Третьяковскую галерею, которая обошлась с ними совсем уж удивительным образом: оставив себе “пророков”, отправила “празд-

ники” в Антирелигиозный музей, откуда они разными путями разошлись в Русский музей (две иконы) и Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублёва (четыре иконы). Остаётся добавить, что ещё одна праздничная икона, “Снятие со креста”, была похищена из монастыря в неизвестное время старообрядцами и через Музей религии и атеизма АН СССР в 1965 г. тоже попала в музей Рублёва. При этом принадлежность всех вышеперечисленных икон к Кирилловскому иконостасу удалось установить намного позже — усилиями О.В. Лелековой, долгие годы занимавшейся историей этого иконостаса и досконально проследившей путь каждой из вывезенных икон.

Непредсказуемой была и музейная политика Наркомпроса РСФСР, в числе руководителей которого на рубеже 1920–1930-х годов были и умные люди, и беспринципные партработники, бесславно канувшие в лету. Переломным в судьбе коллекций древней живописи был 1929 г. — начало большой заграничной выставки русских икон в Германии, Австрии и Англии, а затем и в Соединённых Штатах Америки. Напомню, что в том же 1929 г. началась распродажа художественных ценностей из Государственного Эрмитажа, продолжавшаяся до 1933 г. и, по существу, лишившая этот крупнейший в СССР музей многих сотен картин, рисунков, гравюр, монет, медалей, ювелирных изделий из золота и серебра. Иконная выставка за границей планировалась с аналогичной целью. Организована она была Госторгом, который привлёк И.Э. Грабаря в качестве консультанта и научного прикрытия своих планов, поскольку предполагалась продажа икон с выставки. Но последнее мероприятие потерпело неудачу, в качестве косвенных причин которой можно указать разразившийся экономический кризис в Европе и США, а также недоверие западных коллекционеров и музеев к иконе как феномену художественной культуры. По возвращении же выставки в Россию Наркомпрос распорядился не отдавать экспонаты прежним владель-

цам, а перераспределить их по центральным, “головным” музеям. Так провинция лишилась многих прекраснейших икон, бывших до 1929 г. украшением областных музеев. Вологодский музей потерял, в частности, такой шедевр, как “Распятие” кисти Дионисия, которое поступило с заграничной выставки в Третьяковскую галерею.

Свой вклад в разорение Кирилловского и Ферапонтовского музеев внёс и музей Рублёва. В 1956 г., когда состоялся перенос древней деревянной Ризположенской церкви из затопляемой деревни Бородава на территорию Кирилло-Белозерского монастыря, оказавшийся здесь директор музея Рублёва Д.И. Арсенишвили предложил вывезти древние иконы из названной церкви на реставрацию в Москву. Позже, уже после отъезда Д.И. Арсенишвили в Грузию, все эти иконы без всяких на то оснований включались в издания музея и экспонировались на выставках как его собственность. Понадобилось 50 лет борьбы за погрязшие права Кирилловского музея, чтобы в 2009 г. иконы, наконец, вернулись в родные стены Кирилло-Белозёрского монастыря.

Если задаться вопросом, кто виноват в разорении великих иконостасов XV в., ответ очевиден: основная причина — церковное отношение к национальному художественному наследию, в котором преобладают узко понятые утилитарно-бытовые задачи. Великий востоковед академик Б.А. Тураев, активный участник Поместного Церковного Собора в 1917–1918 гг., внёс на рассмотрение одной из комиссий предложение учредить несколько новых монастырей с чисто научными целями, наподобие некоторых западноевропейских. Предложение не было поддержано, и с тех пор такие разговоры не возобновлялись. Церковь не заинтересована в развитии науки, искусства, литературы. Отсюда и её отношение к древностям: иконостасы нещадно переделывались, старые иконы продавались, уничтожались или подвергались поновлениям, которые поручались невеждам и даже малярам.

Другой виновной стороной являются наши национальные музеи. Разумеется, стремление экспонировать в крупнейших музеях, доступных самой широкой публике, лучшие произведения искусства, оправдано. Но какова цена подобных благих намерений? Трагедия великих иконостасов в новейшее время порождена хищническим обображением провинции, нежеланием взвешенной оценки своих и чужих задач, пренебрежением к музеям и научным работникам “второго сорта”. Представим себе, например, Гент без алтаря Яна ван Эйка, усадьбу Архангельское — без монументальных картин Тьеполо, Урбино — без Пьеро делла Франчески, Аахен — без соборной ризницы, Брюгге — без чудесной Мадонны раннего

Микеланджело, Великий Новгород — без Грановитой палаты, Пермь — без деревянной скульптуры Прикамья. Европейцы и лучшие русские люди всегда заботились о том, чтобы произведения искусства хранились и выставлялись именно в тех городах, в том числе малых, где они были созданы. И это правильно, ведь в местах, освящённых пребыванием великих живописцев, ваятелей, зодчих, коллекционеров, существует особая аура. Судьба же культурного наследия русской провинции была более чем печальной. Чудовищная концентрация художественных и исторических ценностей в столицах обескровила старые культурные гнёзда, отбросила назад науку, краеведение, музейное дело и, наконец, просвещение.

А теперь спросим себя: что же делать? Беру на себя смелость сказать следующее. Политика в музейной и художественной жизни России обернулась большими потерями. Преступлением власти была распродажа сокровищ Государственного Эрмитажа. Никакими соображениями и “высшими” целями не может быть оправдано расхищение национальных ценностей из старых областных и краеведческих музеев. Поэтому вопрос о реституциях из сферы международных отношений необходимо перенести и в область внутрироссийской жизни, вернуть на места исконного происхождения шедевры искусства, находящиеся ныне в Москве и Петербурге.

Такое возвращение — процесс непростой и, очевидно, весьма долгий. Однако есть действия, не требующие огромных усилий, и с них следовало бы начать. Так, надо вернуть в Кирилловский музей небольшую портретную иконку преподобного Кирилла Белозерского начала XV в. Она никак не обогащает экспозицию Третьяковской галереи, а для Кириллова это ключевое произведение истории и искусства, для которого ещё в XVII в. был устроен специальный роскошный резной киот, и поныне хранящийся в местном музее. Тем не менее, поскольку подобные передачи могут быть искусственно задержаны, надо пойти по пути, предложенному крупнейшим музеем Франции — Лувром, создающим несколько филиалов в разных департаментах, куда он намерен помещать не только второстепенные, но и наиболее художественно ценные произведения. Задача нелёгкая, но осуществимая. Что могут сделать в этом направлении Третьяковская галерея и Русский музей? Думаю, надо войти в соглашение с областными музеями о долговременном экспонировании в их стенах когда-то вывезенных отсюда памятников искусства и истории. Децентрализация музейных собраний — не только российская, но и международная проблема, которая обостряется с каждым годом, и всем нам рано или поздно придётся её решать.

DOI: 10.7868/S0869587313060029

ВОЙНА 1812 ГОДА И РУССКАЯ КУЛЬТУРА*ДОКЛАД ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН В.Е. БАГНО*

Слова Пушкина: “История народа принадлежит Поэту” — из письма Н.И. Гнедичу от 23 февраля 1825 г. [1, с. 145], думаю, позволяют мне в ходе сессии, посвящённой российской истории, сказать несколько слов о литературе.

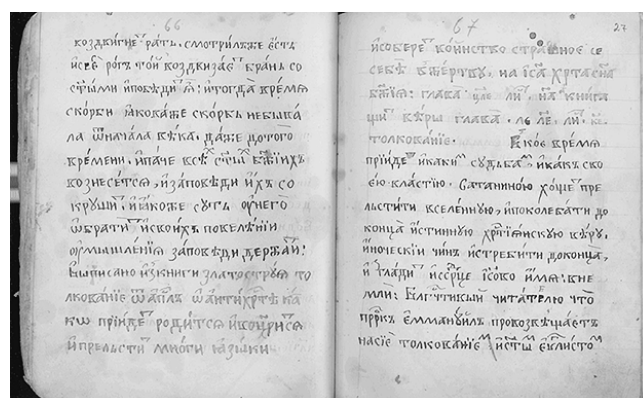
Ровно 50 лет назад, в ознаменование 150-летнего юбилея победы над Наполеоном, с докладом “1812 год в художественной литературе” на Объединённой научной сессии гуманитарных отделений Академии наук СССР выступил мой учитель академик М.П. Алексеев. В частности, он тогда настаивал на том, что ошибочно считать произведения русской литературы, в которых отразились победы, одержанные русской армией в Отечественной войне 1812 г., лишь иллюстрациями к её событиям. Их значение неизмеримо шире. Всё лучшее, что составило великую русскую литературу XIX в., утверждал учёный, имеет свои истоки в том идейном и эстетическом сдвиге, который определила война с французами [2, с. 115].

Тема моего выступления несколько иная. Речь пойдёт не только о литературе, но и о культуре в целом, однако лишь о русской, между тем как М.П. Алексеев анализировал также произведения зарубежных авторов, в том числе те, на которые мощное воздействие оказала эпопея Л.Н. Толстого “Война и мир”. В то же время я ограничусь анализом богатейших уникальных материалов, документов и источников, которые хранятся в коллекциях и собраниях Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом РАН).

В истории России были столь же и даже более тяжёлые испытания, чем война 1812 г., но, пожалуй, в предшествующий период трудно назвать событие, благодаря которому страна и народ в такой степени поверили бы в своё великое предназначение. Если даже не знать, что война с Наполеоном вошла в историю России как война Отечественная, это можно понять по уникальным документам, автографам и музейным экспонатам, которые хранятся в Пушкинском Доме. Значительная часть таких материалов недавно была опубликована благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Я собираюсь прокомментировать самые примечательные из этих автографов, документов, портретов и

гравюр: автографы Александра I и Наполеона, Кутузова, Барклая де Толли и Багратиона, атамана Платова, Ростопчина и Дениса Давыдова, Пушкина и Лермонтова. В Пушкинском Доме собраны рескрипты императора и солдатские песни, рапорты с полей сражений и старообрядческие сочинения о Наполеоне-антихристе, церковные проповеди и карикатуры, торжественные оды и лубочные картинки.

России пришлось вести войну оборонительную, в которой участвовали не только воинские подразделения, но буквально все слои русского народа, войну, которая с самого начала приняла характер войны народной, священной и объединила нацию. Именно поэтому нет ничего удивительного в том, что, находясь в 1813 г. в Латгалии, Александр I посещает старообрядческую молельную и просит благословения у наставника-старообрядца (что того чрезвычайно смутило и озадачило). С точки зрения старообрядцев, отражённой в замечательном сочинении “Сказание о Страшном суде и о Наполеоне-антихристе”, хранящемся в Древлехранилище Пушкинского Дома, победить Наполеона может только “войско Моисеево”, состоящее из “душ, кроме бреемых”, основой которого должны быть “казаки”, а также “рать братах со крестами”, то есть приверженцев старых обычаев и старой веры [3, с. 132].

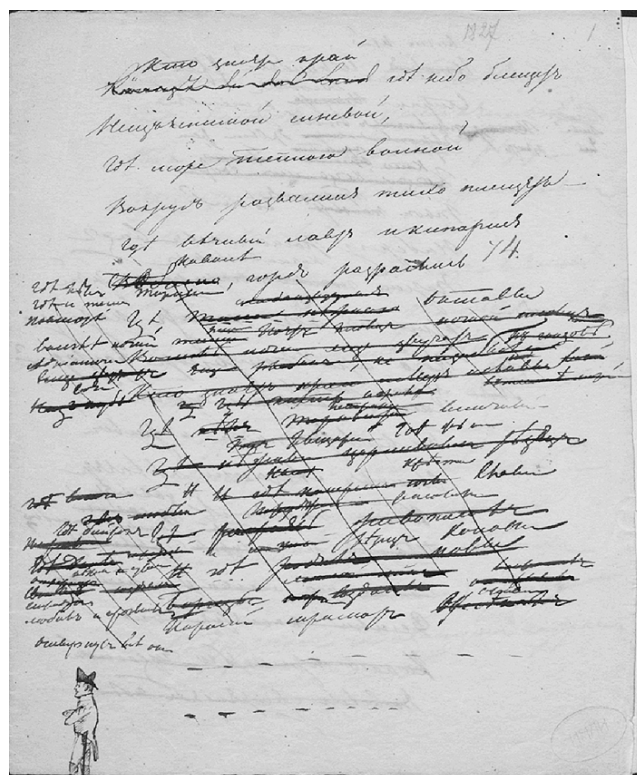

“Сказание о Страшном суде и о Наполеоне-антихристе”

Нет ничего удивительного и в том, что, несмотря на сильнейшее потрясение, в едином порыве с простым народом, для которого наполеоновские войска — не более, чем иноземцы и инородцы, посягнувшие на дорогие сердцу русского человека святыни, выступила и образованная часть русского общества, для которой Франция была образцом для подражания, общественным и культурным эталоном. В едином патриотическом порыве хотя бы на время сошлись скромный рабочий в сибирской плавильне, автор “Похвальных стихов русского воинства”, и поэт К.Н. Батюшков, побывавший в разорённой Москве, участвовавший в лейпцигской Битве народов и взятии Парижа. В октябре 1812 г. Батюшков писал: “Ужасные поступки вандалов и <ли> французов в Москве и в её окрестностях, поступки, беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию и поссорили меня с человечеством” [4, с. 348]. Потрясение от увиденного, по-видимому, дало толчок развитию его наследственной душевной болезни.

В стихотворении Пушкина “На смерть Наполеона” 1821 г., написанном после того, как поэт узнал о кончине великого полководца, есть такие удивительные строки: “Хвала! он русскому народу / Высокий жребий указал...” [5, с. 216]. “Всепрощение” Пушкина и его готовность “рукоплескать” врагу России до сих пор вызывают недоумение. Так, в упрек поэту эти строки готов был поставить замечательный учёный нашего времени А.А. Любимцев, автор статьи “Понятие великого государя и Иван Грозный”, напечатанной в журнале “Звезда”: «Несмотря на слова Пушкина: “Хвала! Он русскому народу / Высокий жребий указал...”, нельзя назвать Наполеона великим деятелем по отношению к России, так как в намерения его входило не возвысить Россию, а унижить её» [6, с. 123]. Ошибочно полагать, что речь идёт о великодушии победителя к побеждённому, на которое способны лишь благородные души. Так считал писатель и публицист Н.А. Полевой, который, защищая Пушкина от возможных упреков, писал: “Но, может быть, не всякий обращал на них полное своё наблюдение, не всякий понял, например, то высокое благородство, с каким Пушкин приветствовал тень Наполеона. Ещё до сих пор на могиле великого человека раздаются вопли близорукого мщения; мнимое усердие к отечеству до сих пор бросает ещё грязью в незыблемый истукан бессмертного; до сих пор, и в стихах, и в прозе, и в истории, и в мнимо патриотических романах, Наполеона представляют нам каким-то Пугачёвым или много если Тамерланом и Аттилою. А Пушкин, в самые минуты Наполеоново кончины, смело говорил ему, угадывая голос потомства и бессмертия Наполеона” [7, с. 168, 169].

На такое великодушие, незлобивость и, если хотите, толерантность был способен даже мало-

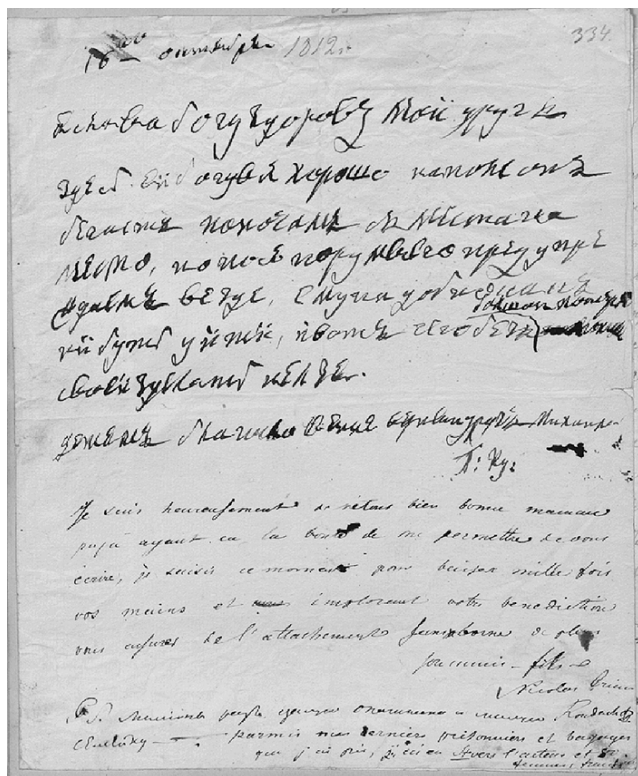
А.С. Пушкин. Фигура Наполеона. Рисунок на листе с черновым автографом стихотворения “Кто знает край, где небо блещет...”. 1828 г.

грамотный “шмельцер”, автор “Похвальных стихов русского воинства”:

Токмо наши побеждают,
Токмо школят всех врагов,
А скажи пардон, прощают,
Росс всегда бывал таков. [3, с. 41]

При этом, конечно, не стоит забывать: то, что дозволено в стихах, не всегда было дозволено на поле боя, и вовремя произнесённое слово “пардон” мало кого спасало. Платов с гордостью писал, что его казаки в плен не берут, а Кутузов был в ужасе от того, что творили с французами крестьяне.

Однако те две строки в пушкинском стихотворении, которые, на мой взгляд, заслуживают особого внимания, говорят нам не только о великодушии, но и о необъяснимой, казалось бы, благодарности целого народа человеку, который принёс этому народу неисчислимые бедствия. И только Пушкин обратил внимание на то, что, одолев противника, считавшегося непобедимым, и освободив завоёванные им страны Европы, Россия впервые в своей истории ощутила себя двигателем мировых событий. Такого ощущения не могло быть во время победоносных войн, которые она вела при Петре I и Екатерине II. Именно с момента, когда Россия поверила в своё вели-

М.И. Кутузов. Письмо к жене от 16 октября 1812 г.
Автограф

кое предназначение, началась новая эпоха в её отношениях с Западом. Именно поэтому, несмотря на разрушительные последствия наполеоновского нашествия, русский народ может испытывать к Наполеону благодарность.

С эпохой Наполеоновских войн связано также появление принципиально нового представления о Российской империи и о роли России в мире. Приведу здесь мнение Д.С. Мережковского из его книги “Л. Толстой и Достоевский”, поскольку именно он связал в один узел реформы Петра и победу над Наполеоном. Речь идёт о попытке интерпретации вышеприведённых замечательных пушкинских строк. Мережковский, комментируя их, пишет: “Удар Петра разбудил лишь тело, удар Наполеона — душу России” [8, с. 162]. Разумеется, он имеет в виду, что “душу России” разбудила не наполеоновская армия, а победа над ней. И объясняет Мережковский свою столь высокую оценку тем, что именно во время войны, ставшей Отечественной, русский народ почувствовал неизбежную связь наполеоновской идеи “всемирного единения”, вселенской империи с религией. Добавлю от себя: почувствовал и счёл возможным взять её как своеобразный боевой трофей.

Теперь от несколько общих рассуждений я хотел бы вернуться к хранящимся в Пушкинском Доме уникальным документам и источникам,

освещающим различные грани войны и мира, позволяющим по-новому взглянуть на некоторые аспекты эпохи Наполеоновских войн.

Так, огромный интерес представляют письма Александра I к Кутузову и к его вдове, а также письма Кутузова к жене с полей сражений, в которых боевые действия предстают в совершенно новом свете. Вот письмо Александра I к Кутузову от 9 декабря 1812 г:

“Князь Михаил Ларионович!

Завтра я прибуду в Вильну к вечеру. Я желаю, чтобы никакой встречи мне не было. Зима, усталость войск и собственное моё одеяние, ехав ночь и день в открытых санях, делают оную для всех отяготительною. С нетерпением ожидаю я свидания с Вами, дабы изъяснить Вам лично, сколь новые заслуги, оказанные Вами Отечеству и можно прибавить — Европе целой, усилили во мне уважение, которое всегда к Вам имел. Пребываю навсегда Вам доброжелательным. (Александр. Полоттк. Понедельник 9-го декабря 1812 года)” [3, с. 53].

Отношение Александра I к Кутузову как до назначения его главнокомандующим, так и после, особенно после того, как русская армия оставила Москву, было весьма неоднозначным. Поэтому “новые заслуги”, оказанные Кутузовым “Европе целой”, действительно, неизмеримо “усилили” уважение императора. Нелишне напомнить, что, в отличие от Александра и подобно Шишкову и Ростовщину, Кутузов и вообще-то не был склонен оказывать услуги “Европе целой”.

Со всех точек зрения замечательны письма Кутузова к супруге, написанные летом—осенью 1812 г. Они не могут оставить современного читателя равнодушным:

“29 августа

Я, слава Богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием. Детям благословение. Верный друг Михайло Г(оленищев-). К(утузов)” [3, с. 161].

Из этого частного письма, адресованного самому близкому человеку и написанного вскоре после Бородинского сражения, явствует, как Кутузов действительно оценивал его результаты.

Уже в конце октября положение французской армии было катастрофическим. 28 октября Кутузов писал:

“Я, мой друг, хотя и здоров, но от усталости припадки. Например, от поясицы разогнуться не могу. От той причины и голова временем болит. По сию пору французы ещё всё бегут неслыханным образом уже более трёх сот вёрст, и какие ужасы с ими происходят! Это участь моя, чтобы видеть неприятеля без пропитания, питающегося дохлыми лошадьми без соли и хлеба. Турецкие пленные извлекали часто мои слёзы. Об французах хотя и не плачу, но не люблю видеть этой картины. Вчера мы нашли в лесу двух, которые жарят и едят третьего своего товарища. А что с ними делают мужики!” [3, с. 169].

Некоторые документы проливают свет на подчас весьма непростые отношения между полководцами. Так, в письме Барклая де Толли Аракчеву от 8 октября 1812 г. читаем:

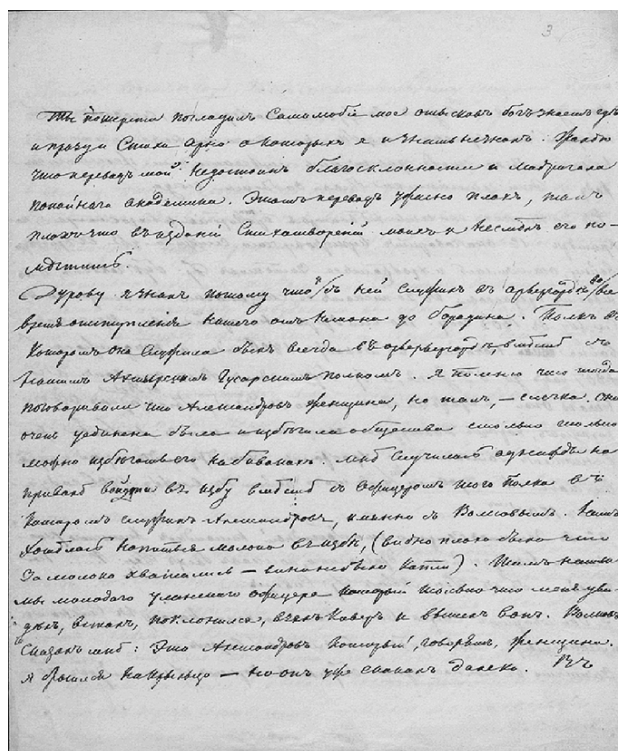
“Милостивый государь граф Алексей Андреевич!

Во время приезда моего сюда узнал я, что некоторый Львов, чиновник Иностранной коллегии, едущий, как он сказывал, с важными депешами в армию, в Рязани публично рассказывал, что в Курляндии неприятелем совершенно истреблён 8000 наш корпус. Тоже что и Государь Император готовится выехать в Англию. Этакий негодяй заслуживает в пример другим быть расстрелянным или, по крайней мере, вечно посажен в сумасшедший дом. Я спешаю о сем уведомить Ваше сиятельство для донесения Государю. Я бы не преминул об этом уведомить и князя Кутузова, но это было бы бесполезно, ибо этакой пострел, каков сей Львов, найдёт в главной квартире Его сиятельства много себе подобных, кои его возмут в свою протекцию” [3, с. 325].

Весьма резкую характеристику Бенигсена, который был одним из главных оппонентов главнокомандующего и критиковал его действия в своих депешах императору, находим в одном из писем Кутузова жене: “Об Бенигсене говорить не хочется, он глупый и злой человек. Уверили его такие же простяки, которые при нём, что он может испортить меня у Государя и будет командовать всем” [3, с. 169].

Весьма убедительным доказательством бедственного положения французской армии в начале ноября 1812 г. является секретное письмо адмирала П.В. Чичагова генералу А.Ф. Ланжерону: “Наполеонова армия в бегстве. Виновник бедствий Европы с нею. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что Всевышнему угодно будет прекратить гнев свой, предав его нам. Почему желаю я, чтобы приметы сего человека были всем известны. Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы чёрные. Для вящей же надёжности ловите и приводите ко мне всех малорослых” [3, с. 343].

Письмо атамана Платова от 18 декабря 1812 г. к Кутузову положило начало своеобразной “тяжбе” о “пограбленных неприятелем из церквей Божьих серебряных уборах”, которые казаки у неприятеля отбили. По просьбе Платова и с одобрения Кутузова было решено сделать из этой “добычи” — сорока пудов серебра в слитках — скульптуры апостолов с надписью: “От усердного приношения Войска Донского” [3, с. 189]. В непростой и долгой переписке помимо Кутузова и Платова участвовали митрополит Новгородский Амвросий, вице-президент Императорской Академии художеств П.П. Чекалевский и многие другие. Эскизы статуй изготовил А.Н. Воронихин, а И.П. Мартос в мае 1813 г. представил модели статуй на комис-

Д.В. Давыдов. Письмо к А.С. Пушкину от 10 августа 1836 г.

сию, но они не были утверждены обер-прокурором Священного синода князем А.Н. Голицыным, опасавшимся, что “не имеющие понятия об изяществе художеств, соблазняются, видя Евангелистов обнажёнными” [3, с. 201]. В итоге было принято решение сделать иконостас, который в 1922 г. был разобран и переплавлен.

Чрезвычайно выразительно откликнулось на вторжение наполеоновской армии русское старообрядчество. Нашествие было по многим признакам истолковано как апокалиптическое, и немалое число старообрядческих рукописей, хранящихся в Пушкинском Доме, являются тому подтверждением. Любопытное уточнение, касающееся императора Александра, обнаруживаем в “Сказании о времени исполнения числа 666 и о Наполеоне-антихристе”. Именно это сочинение любопытно тем, что в нём опровергается мнение прежних старообрядческих толкователей о том, что антихристами были царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, и доказывается, что подлинный антихрист — Наполеон, а Александр I с 1807 по 1812 г. был его подданным.

К “поэтической эпохе народной жизни русской” нас возвращает переписка Пушкина с Денисом Давыдовым и “кавалерист-девицей” Н.А. Дуровой. В 1836 г. Дурова обратилась к поэту с письмом, которое положило начало их переписке, знакомству и обеспечило литературный дебют

Дуровой в пушкинском “Современнике”. Однако “кавалерист-девица” пришла в ужас, узнав, что Пушкин собирается издать её “Записки”, раскрыв полное имя автора. Пушкин в ответном письме привёл свои аргументы: “Вот начало ваших записок. Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение моё, искреннее и бескорыстное — оставить как есть. *Записки Амазонки* как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. *Записки Н.А. Дуровой* — просто, искренне и благородно. Будьте смелы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое Вас прославило. Полу-меры никуда не годятся” [9, с. 125, 126].

Тогда же своими воспоминаниями о ней делился с Пушкиным Денис Давыдов: “...Дурову я знал, потому что я с ней служил в арьергарде во всё время отступления нашего от Немана до Бородин. Полк, в котором она служила, был всегда в арьергарде, вместе с нашим Ахтырским гусарским полком. Я помню, что тогда поговаривали, что Александров женщина, но так, — слегка. Она очень уединена была и избегала общества столько, сколько можно избегать его на биваках. Мне случилось однажды на привале войти в избу вместе с офицером того полка, в котором служил Александров, имянно с Волковым. Нам хотелось напиться молока в избе (виднo плохо было, что за молоко хватались — вина не было капли). Там нашли мы молодого уланского офицера, который, только что меня увидел, встал, поклонился, взял кивер и вышел вон. Волков сказал мне: Это Александров, который, говорят, женщина. Я бросился на крыльцо — но он уже скакал далеко. Впоследствии я её видал во фронте, на ведетах, словом, во всей тяжкой того времени службе, но много ею не занимался, не до того было, чтобы различать, мужского или женского она роду; эта грамматика была забыта тогда” [9, с. 151, 152].

В Пушкинском Доме хранится богатейшее собрание автографов, рисунков, акварелей и личных вещей М.Ю. Лермонтова. “Поле Бородин” представляет собой раннюю редакцию стихотворения “Бородино”. Его автограф не известен, однако у нас хранится его копия в 20-й тетради Лермонтова. И если “Бородино” все присутствующие знают, по-видимому, едва ли не наизусть, то хотя бы одну строфу стихотворения, ему предшествовавшего, стоит напомнить:

Живые с мёртвыми сравнились;
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
Противник отступил:
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй Боже!

На труп застывший, как на ложе,
Я голову склонил. [10, с. 265]

Остаётся добавить, что пушкинские строки: “Хвала! он русскому народу / Высокий жребий указал...” — с полным основанием можно отнести и к самому Пушкину. Но в этом случае они прочтываются иначе и обращены не к полководцу, а к поэту, который указал “высокий жребий” русской словесности, да и в целом русской культуре.

Во время наполеоновских войн трудно было предположить, что уже в 1880-е годы в Париже, а вскоре и во всём мире Россия будет признана законодательницей моды в области литературы. После долгих десятилетий, явившихся следствием победы над Наполеоном и создания Священного союза, многие западноевропейцы привыкли считать Россию жандармом Европы и империей зла. Теперь в России увидели империю духа. Русские оказались талантливыми и благодарными учениками не только на поле боя.

Незадолго до смерти, в стихотворении “Была пора: наш праздник молодой...”, так и оставшемся незавершённым, Пушкин вспоминал:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень Наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом Московским озарились
Его полкам готовые снега. [11, с. 432]

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.—Л., 1937. Т. 13.
2. 150-летие Отечественной войны 1812 г. // Вестник АН СССР. 1962. № 12.
3. Отчизну обняла кровавая забота... Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2012.
4. Русская старина. 1883. Т. XXXIII. Кн. V.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.—Л., 1947. Т. 2. Кн. 1.
6. Любичев А.А. Понятие великого государя и Иван Грозный // Звезда. 1995. № 8.
7. Полевой Н.А. “Борис Годунов”. Сочинение Александра Пушкина // Полевой Н.А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1.
8. Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995.
9. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.—Л., 1949. Т. 16.
10. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4-х т. Л., 1979. Т. 1.
11. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.—Л., 1948. Т. 3. Кн. 1.

DOI: 10.7868/S0869587313060194

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

ДОКЛАД АКАДЕМИКА Ю.С. ПИВОВАРОВА

В 1921 г. известный учёный Р.Ю. Виппер подвёл итоги свершившихся событий: “Произошло всё как раз наоборот предвидению теории, — мы притягивали историю для объяснения того, как выросло Русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет... проверить свои суждения. Он властно требует объяснения, надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования... науки” [1, с. 3]. С тех пор с Русским государством произошло много чего: оно возрождалось, вновь падало, вновь пыталось возродиться. Однако “толкования науки” так и не изменились, то есть до сих пор мы не удосужились разработать методологию, с помощью которой можно адекватно описывать, изучать, анализировать феномен Русского государства. Более того, большинство исследователей даже не подозревает, что Русское государство есть нечто в высшей степени специфическое. И оно сильно отличается от того, что мы привыкли называть государством.

Дело в том, что в современной науке под псевдонимом “государство” скрываются различные, по своей природе очень далёкие друг от друга типы власти: государство Древнего Рима, государство инков, государство Китая и т.д. Говорят: да, всё это — государства, хотя и несхожие. С этим можно было бы, наверное, согласиться, если бы не одно обстоятельство.

На всех основных европейских языках “государство” звучит одинаково: state, Staat, etat, stati, estado (от латинского status). Этот термин возник относительно недавно — четыре столетия назад. Раньше для обозначения властного устройства европейцы использовали другие понятия: polis, res publica, civitas, regnum, imperium и т.д. В XVI–XVII вв. в самосознании и природе европейского социума происходят фундаментальные сдвиги. Реформация, гуманизм, созревание капитализма, возникновение наций, постепенное разрушение сословной организации, рождение идеи прав человека и вообще нового понятия о праве — в определённом смысле это события одного ряда, сви-

детельствующие о наступлении принципиально новой эпохи. Государство (state) — также “событие” из этого ряда. Оно не есть форма организации власти вообще, но того типа власти, который характерен для Западной Европы начиная с XVI–XVII столетий (а затем и “дочерних предприятий” фаустовской цивилизации по всему свету). А “state” есть понятие, с помощью которого описывается один конкретный (и никакой другой!) тип власти.

По поводу происхождения и природы государства очень важные наблюдения были сделаны К. Шмиттом. “Государство (Staat) ... есть в высшей степени единичное, конкретное, обусловленное временем явление, которое следует датировать эпохой с XVI по XX столетие христианского эона и которое вышло из этих четырёх веков, из Ренессанса, Гуманизма, Реформации и Контрреформации; оно есть нейтрализация конфессиональной гражданской войны, а также специфическое достижение западного рационализма и т.д. Государство есть по преимуществу продукт религиозной гражданской войны, её преодоление посредством нейтрализации и секуляризации конфессиональных фронтов, т.е. детеологизация” [2, S. 19].

Итак, государство явилось во многом и результатом, и способом выхода из полутора столетнего кровавого конфессионального конфликта, причём результатом и способом весьма своеобразными: ни одна из конфессий не одержала победу. Однако не победила и “дружба” между католиками и протестантами, компромисс был достигнут путём выхода из сферы религиозного. Произошла, по словам К. Шмитта, детеологизация — детеологизация сознания и социума. Самоидентификация человека не только по конфессиональному, но и вообще религиозному принципу уступила место самоидентификации по принципу государственно-политическому (или национально-государственному), религиозное как таковое вытеснялось из сферы властных отношений. Строилась новая Вселенная — антропоцентричная; state и есть властное измерение антропо-

центричной европейской цивилизации последних четырёх веков.

Но подчеркнём: Бог не был изгнан из этого brave new world, он “лишь” перестал быть смысловым центром этого мира. Государство лишь отчасти пришло ему на смену; как мы понимаем, ни о какой полной “смене вех” не может быть и речи. К. Шмитт роняет: “Государство: от христианской веры к объективному разуму” [2, S. 19], “Левиафан — смертный Бог, Deus mortalis” [2, S. 39]. “Объективный разум” и “смертный Бог” — два лика нового универсума. За “объективным разумом” стоят европейская наука, Гегель со всей его проблематикой, включая апологию государства, социальные революции и т.д. Deus mortalis — это ужас перед неотвратимой бездной смерти (“то вечности жерлом пожрётся”), которая открылась после детеологизации мира. Это ужас похотей человеческих, сбросивших державшую их в узде Высшую Волю, похотей, ведущих к смерти. “Желание власти, которое прекращается лишь со смертью” — известные слова Т. Гоббса из “Левиафана” (1651).

Государство и становится “защитой” от этого страха смерти, фасадом перед её лицом. Одновременно государство — результат страха, охватившего европейцев в холодной неуютности победившего гуманизма. Это позже сентиментализм и романтизм сделают мир более тёплым и приятным, и западный конституционализм во многом явится плодом этих (разумеется, и других) коллизий, новаций, “необходимостей”. Тот же К. Шмитт фиксирует: “...Право на религиозное заблуждение стало основой современного конституционного права” [2, S. 6]. То есть конституции рождаются там и тогда, где и когда “религиозное” в социальном отношении становится относительным. Конституционное государство — это примета мировоззренчески релятивистского мира, но оно не может возникнуть (по сути, а не как прикрытие чего-то иного) в социумах теоцентричных и атеистических.

Конституционное государство возникает в обществе посюстороннего консенсуса, где религия — частное дело человека. “Выдвинув положение о том, что человек не нуждается в посредниках для общения с Богом, он (Лютер. — Ю.П.) заложил основы европейской демократии, ибо тезис “Каждый сам себе священник” — это и есть демократия” [3, с. 317]. В этих словах “схвачено” содержание современного Запада — христианская полисубъектность, полагающая отношения человека с Богом делом сугубо внутренним, личностным, интимным. И поэтому общественный договор, социальный консенсус строится здесь относительно ценностей “предпоследних” (политических, правовых, экономических и т.д.). Религиозно-мета-

физическое выведено за пределы социального порядка, за штат (дословно: за Staat, state, etat).

Потому-то главный субъект западных конституций — гражданин, гражданское общество, нация. Последняя является способом, средством, путём интеграции всех элементов гражданского общества в политическое единство — государство. Именно с этой целью нация создаёт конституцию. Но в основе всего, скажем ещё раз, человек — гражданин, живущий в секуляризованном, антропоцентричном мире, поделённом на публичную и частную сферы, — homo occidentalis.

Подчеркнём: современное государство — по преимуществу государство конституционное, живущее по духу и букве основного закона, поэтому его природа и зашифрована в конституционных текстах. Следовательно, необходимо чётко представлять себе, чем является современная конституция. Сделаем это, опираясь на воззрения двух классиков социальной мысли XX столетия (кстати, антагонистов) — К. Шмитта и Г. Кельзена.

Конституция непременно соответствует императиву гражданских свобод и содержит их твёрдые гарантии. Прежде всего имеется в виду свобода индивида от государства, которая в конституции закрепляется следующим образом: признаются основные права, фиксируются принципы разделения властей и участия народа в законодательном процессе. Провозглашение в конституции основных прав означает, что общество усвоило идею свободы. Осуществление же принципа разделения властей свидетельствует о том, что идея свободы получила организационные гарантии против возможных злоупотреблений властью со стороны государства.

Главная цель конституции — защита свободы гражданина от власти государства. В связи с этим в её основе лежат два постулата: распределительный и организационный. Первый подразумевает, что свобода индивида принципиально не ограничена, в то время как возможность государства вторгаться в сферу индивидуальной свободы принципиально ограничена. В соответствии с этим индивид обладает правами, имеющими над или метаполитическую природу. Второй постулат обеспечивает реализацию первого. Суть организационного постулата заключается в том, что власть государства принципиально ограничена — разделена на три ветви. Таким образом, становится возможным контроль за госаппаратом.

Конституционное государство есть законническое государство в том смысле, что единственной формой его вмешательства в сферу свободы индивида является вмешательство, основанное на законах, но и оно рассматривается как исклю-

чение. В подобном государстве правят законы, а не люди. Управление же администрации состоит в том, что она компетентным образом следует существующим позитивным нормам. Легитимность конституционного государства обусловлена законностью всех действий его властей.

Государство, построенное по канонам идеально-типической конституции, контролируется обществом, занимает по отношению к нему служебное и подчинённое положение, отождествляется с системой норм. Это — нормы или процедуры и больше ничего, считает К. Шмитт. Государство есть централизованный правопорядок, утверждает Г. Кельзен. Важнейшей организационной характеристикой подобной государственности является независимая судебная система. В основу такого государства положена идея противостояния злу, которое власть может причинить человеку. Содержание конституционной государственности оказывается во многом отрицательным: нечто направленное против того-то и того-то. Главная цель такого конституционализма состоит в институционализации системы защиты индивида от злоупотреблений со стороны власти.

Наряду с традицией либерального конституционализма (у её истоков стояли Дж. Локк и И. Кант) в Европе существует и другая, представленная прежде всего именами Н. Макиавелли и Т. Гоббса. Она опирается на идею утверждения властной монополии государства. Гоббсовское властное государство есть институционализированная монополия аппарата на разрешение конфликтов внутри страны. В XX в. этот мотив развивал М. Вебер: "...Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определённой области... претендует ... на монополию легитимного физического насилия" [4, с. 645]. Оно — политический аспект современного государства, в то время как либеральный конституционализм — аспект правовой. Цель конституционного государства состоит в ограничении, обуздании, обязывании властного государства посредством правовых норм.

Это шмиттовско-кельзеновское понимание "идеи" конституции необходимо дополнить. Задача основного закона состоит не только и не столько в "освящении" той или иной властной структуры, а в упорядочении открытого (по своей природе) политического процесса. Видеть в конституции нормативное закрепление определённой формы правления — значит обеднять её содержание. Это открытая норма, в рамках которой возможна как сегодняшняя политическая система, так и некие другие её варианты в будущем. "Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент. Различные по-

литические режимы могут... функционировать в одних и тех же юридических рамках", — писал 25 лет назад М. Дюверже [5, р. 10].

Конституция как норма, упорядочивающая политическую жизнь, имеет два измерения. Первое — сила, организующая и регулирующая институциональную систему правления, второе — регулятор своего собственного изменения, а следовательно, и этой системы. Соответственно, конституционные нормы должны иметь различную степень жёсткости. Наиболее жёсткие, наиболее трудно изменяемые — это нормы, в наименьшей мере предопределяющие политическую деятельность (например, регулирующие права человека). Самые гибкие — нормы, регулирующие процесс отправления власти, то есть нормы, в рамках которых совершается выбор в пользу конкретной организационной формы.

Кроме того, идеально-типическая конституция обязательно закрепляет принцип функционального разделения власти на три ветви. Каждая из них в большей или меньшей степени соответствует трём сферам жизнедеятельности современного социума: гражданскому строю, то есть области "субъективного" и гражданского права, личной свободы, частной автономии; административному строю или системе — области централизации и сосредоточения государственной власти, социального обеспечения, авторитарного руководства; конституционному строю, то есть конституции, понимаемой одновременно и как пространство, в котором происходит самоограничение государственной власти, и как способ этого самоограничения — установление правильного соотношения (и в этом смысле — равновесия) между различными государственными органами. Это сфера децентрализации власти, её непосредственного функционального разделения.

В соответствии с таким подходом орган народного представительства, власть законодательная, соответствует конституционному строю, является главным его выразителем, исполнительная власть, правительство — административному строю, а судебная власть — гражданскому (суды то и существуют прежде всего для того, чтобы защищать субъективные права личности от нарушения их как другими гражданами, так и государством).

Весьма удачное, на мой взгляд, определение конституции дал 85 лет назад русский юрист Е.В. Спекторский. По его словам, она "обещает много, но далеко не всё. Она не устраняет социальной борьбы, религиозной, классовой и иной. Зато она вводит её в культурную форму. Она не производит социальных реформ. Зато она создаёт для них законную возможность. Она вообще не

разрешает по существу ни одного общественного вопроса, ибо она устанавливает пути для разрешения всяких общественных вопросов... Она носит... не столько принципиальный, сколько технический характер. Хорошая конституция — это всё равно, что хорошие пути сообщения. Кто заботится о них, тот не спрашивает, почему и зачем едут пассажиры, должны ли они вообще ехать, тот просто старается увеличить число поездов, ускорить их ход, удешевить проезд и т.п. Подобным же образом и конституция формальна. Она стремится всем обеспечить свободу передвижения, слова, веры, участия в государственных делах. И при этом она не читает в сердцах, не справляется об убеждениях, о принадлежности к той или иной партии. Вот почему, в свою очередь, все партии при всей своей борьбе по другим вопросам и могут и должны сойтись на вопросе о конституции, ибо она гарантирует общечеловеческие блага — свободу и порядок» [6, с. 15, 16].

И ещё одна тема, важная для понимания природы конституционного государства, — тема принципиальной безличности современной государственной власти. К примеру, М. Дюверже называет правителей слугами, должностными лицами. По его мнению, государство тем совершеннее (то есть тем больше оно государство), чем государство-«идея», государство-«абстракция» отдаленнее от конкретных носителей власти [7, р. 21].

Другой классик французской политической науки Ж. Бюрдо пишет: «Люди изобрели государство, чтобы не подчиняться другим людям» [8, р. 15]. Поначалу они не знали, кто имеет право командовать, а кто нет. И потому пришлось придать власти политическую и правовую форму. «Вместо того, чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое её осуществляет, они разработали форму власти, которая независима от правителей. Эта форма и есть государство» [8, р. 10]. Согласно Бюрдо, государство возникает как абстрактный и постоянный носитель власти. По мере развития этого процесса правители всё больше и больше предстают в глазах управляемых агентами государства, власть которых носит преходящий характер. Подобная трансформация (если угодно, эволюция) власти явилась в истории человечества огромным шагом вперёд. «В этом смысле идея государства есть одна из тех идей, которые впечатляющим образом демонстрируют интеллектуально-культурный прогресс... Ведь отделение правителя, который командует, от права командовать позволило подчинить процесс управления заранее оговорённым условиям. В результате стало возможным ограждать достоинство управляемых, которому мог на-

носиться ущерб при прямом подчинении какому-нибудь конкретному человеку» [8, р. 12].

Конституция возможна, то есть действенна и необходима, только при такой и для такой власти. Конституция является формулой и формой такой власти. Предпосылка (обязательная) конституции — возникновение абстрактно-безличностной власти. Суверенитет должен отделиться от лица — носителя власти, персонификатора власти.

Надо сказать, что в европейской истории процесс отделения суверенитета нередко проходил одновременно с отделением головы персонификатора власти — вспомним Карла I Стюарта, Людовика XVI Бурбона. Современный американский исследователь А. Хардинг пишет: «Английская революция показала, что суверенитет, “сосредоточенный” в короле, может находиться и в другом месте. 19 мая 1649 года, в ходе пуританской революции, парламент провозгласил: “Народ Англии... постановил быть политическим сообществом и свободным государством и отныне управляться как политическое сообщество и свободное государство высшей властью этой нации — представителями народа в парламенте”. Джон Мильтон назвал короля “врагом народа»» [9, р. 70]. Таким образом, формирование государства проходит обряд инициации — “обрезание” суверенитета в виде головы у монархической власти. Затем эта власть может быть даже восстановлена, но суверенитет к ней уже не вернётся. Реставрация неосуществима в принципе. “Не Робеспьер, но Меттерних разбил монаршью корону... Реставрация — это специфический метод уничтожения и разрушения реставрируемого» [2, р. 185]. Или: что упало, то пропало...

Из всего этого явствует: с помощью термина “state” нельзя описывать другие, незападные типы власти, он намертво закреплён за Западом, за его неповторимой и уникальной историей. Например, в России человек, общество, власть развивались иначе, иным оказался и результат. Русская власть никак не может быть описана и понята через призму концепции и реальности конституционального государства. Термин же “государство” вполне подходит: в нём, по крайней мере этимологически, отражены и природа генезиса, и природа функционирования этого особого типа власти. Трудность лишь в том, что в мире и у нас господствует один-единственный тип научного познания, которому соответствует и универсальная терминология. За этими “универсалиями” скрывается принципиально различный опыт уникальных цивилизаций. Скрывается, а не отражается, как не отражается и историческая неповторимость той или иной эпохи, причём даже в рамках европейской культуры. Ведь “state” не-

применим не только к незападным обществам, но и к Европе, скажем, XII—XIII столетий.

Всё это надо держать в уме, когда мы говорим о “государстве”. И, конечно, в 1921 г. Р.Ю. Виппер, чьими словами я начал свой доклад, думал о таких новых “толкованиях науки”, которые могли бы объяснить именно Русское государство, а не государство вообще. Здесь уместно вспомнить двух гениальных и очень разных русских людей, оказавшихся по воле судьбы в самой гуще современной западной культуры. Их нельзя заподозрить в плоском, провинциально затхлом и бесплодном русском “самобытничестве”, напротив, оба деятеля подчёркнуто всемирны. Илья Пригожин: “Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном-единственном языке”. Иосиф Бродский: “Любой опыт, исходящий из России, даже отражённый с фотографической точностью, просто отскакивает от английского языка, не оставляя видимого следа на его поверхности. Безусловно, память одной цивилизации не может и, наверное, не должна стать памятью другой. Но когда язык не в состоянии воспроизвести реалии другой культуры, может возникнуть наихудшая из тавтологий”.

* * *

Теперь обратимся к России. Специфика её социокультурного развития отразилась и на особом характере русской власти. Об этом хорошо сказано Р. Пайпсом: «Каждый, кто изучает политические системы незападных обществ, скоро обнаружит, что в них разграничительная линия между суверенитетом и собственностью либо вообще не существует, либо столь расплывчата, что теряет всякий смысл... В условиях первобытного общества власть над людьми сочетается с властью над вещами, и понадобилась чрезвычайно сложная эволюция права и институтов (начавшаяся в Древнем Риме), чтобы она разделилась на власть, отправляемую как суверенитет, и власть, отправляемую как собственность. Мой центральный тезис состоит в том, что в России такое разделение случилось с большим запозданием и приняло весьма несовершенную форму. Россия принадлежит *par excellence* к той категории государств, которые ... обычно определяют как “вотчинные” (*patrimonial*). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности и властитель (властители) является одновременно сувереном государства и его собственников» [10, с. 10, 11].

Конечно, термины “политическая система” и “политическая власть” не вполне корректны при описании обществ незападного типа, весь этот понятийный аппарат несколько устарел, но в це-

лом и по существу Р. Пайпс прав. Власть (а именно её, а не государство — *state* имеет в виду американский исследователь) в России по своей природе вотчинная. На протяжении многих столетий разделительная линия между властью и собственностью почти не проглядывается (это было в Новгороде и Пскове, но московско-ордынские Даниловичи пожрали этот “анзетический” Остланд). Великие князья и цари Московской Руси были действительно в полной мере хозяевами своей страны. Как отмечал Н.Н. Алексеев, “у Петра I, если не совсем, то в значительной степени можно считать... изжитыми те патримониальные представления о государстве, которые владели старыми московскими князьями. До Петра... в ходячем политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общении домохозяин юридически сливается со своим домом” [11, с. 14].

Это всё так, хотя образ Петра в значительной мере “модернизирован”. На самом деле власть и представления о ней перестают быть патримониальными лишь в ходе пореформенной (после 1861 г.) эволюции российского социума. Да и к 1914 г. власть ещё далеко не окончательно потеряла вотчинное измерение. Этот тезис весьма убедительно развивает в своей знаменитой книге В.В. Леонтович, причём тему патримониального характера власти он напрямую связывает с темой конституции: “Я неоднократно подчёркивал, что считаю неправильным называть Конституцию 23 апреля 1906 г. лже-конституцией. Но если бы даже можно было так её определить, то уж во всяком случае не потому, что в России не было парламентского строя или не было всеобщего голосования, и не потому, что царь не присягал на Конституции, а только потому, что конституционный строй в России не был основан на развитии гражданского строе, который вообще всегда является необходимой основой для всякой либеральной конституции. (А настоящая конституция ведь по сути своей не может быть не либеральной.) Как раз неразвитость гражданского строя, гражданской свободы и повела к исчезновению политической свободы, к крушению конституционного строя в России” [12, с. 539]. Под “неразвитостью гражданского строя” учёный-эмигрант полагал то обстоятельство, что к началу Первой мировой войны ещё не был закончен “процесс распространения на крестьян гражданского строя” (в крестьянской стране!). Или, иными словами, “не был превзойдён старомосковский принцип верховной собственности государства на землю” [там же, с. 301].

Следовательно, к 1917 г. у нас ещё не было закончено формирование государства в смысле *state* (хотя прогресс очевиден). В немецкой науке

той эпохи по отношению к России применялась такая квалификация: “конституционная монархия, под самодержавным царём”. В этом определении очень важна разделительная запятая, “устанавливающая” подлинную властную иерархию (очень странную для западного сознания) в поздней петербургской империи.

Кстати, вотчинный характер самодержавия (русской власти), его принципиальную несовместимость с частной собственностью на землю и, по логике вещей, с утверждением в России гражданского строя (гражданского общества), а на его фундаменте — конституционного государства очень глубоко понимал Л.Н. Толстой. В августе 1865 г. ему приснился сон (по гениальной проницательности, напоминающий сны Декарта), содержание которого он зафиксировал в записной книжке: «Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности. “La propriété c’est le vol” (собственность — кража. — Ю.П.) останется большей истиной, чем истина английской конституции, до тех пор, пока будет существовать род людской. Это истина абсолютная, но есть и вытекающие из неё истины относительные... Первая из этих относительных истин есть воззрение русского народа на собственность. Русский народ отрицает собственность самую прочную, самую независимую от труда (то есть частную собственность вообще, как институт. — Ю.П.) и ... собственность поземельную (частную собственность на землю. — Ю.П.). Эта истина не есть мечта — она факт — выразившийся в общинах крестьян, в общинах казаков. Эту истину понимает одинаково учёный русский и мужик... Эта идея имеет будущность. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности... *Самодержавие не мешает, а способствует этому порядку вещей* (выделено мной. — Ю.П.)» [13, с. 259, 260].

Самый органичный русский гений с непревзойденной точностью выразил то, что сложилось в ходе тысячелетней русской истории. Он дал почти математическое соотношение власти, собственности и конституции по-русски и объяснил причины мощного антиконституционализма русской общественной мысли, особенно тех, кто, подобно Льву Николаевичу, имел абсолютный слух на “русское”. Следовательно, прав был и В.И. Ленин с его “зеркалом русской революции”. Эта самая революция полностью подтвердила предчувствия Толстого.

Но не только, конечно, патримониальный характер власти и соответствующий тип её понимания стали преградой на пути укоренения у нас конституционализма. Можно назвать ещё целый ряд природных черт русской власти, которые так-

же препятствовали формированию конституционной государственности. К ним относится унаследованная от Византии модель взаимоотношений государства и церкви по типу симфонии. Такая модель не предполагала никакого ограничения или разделения светской власти, в отличие, скажем, от модели “двух мечей” (папа и император), господствовавшей в средневековой Европе. Там церковная и светская власти были разделены изначально (в том числе — и это немаловажно — они были отделены друг от друга и географически), тем самым были ограничены сферы их компетенций. “Два меча” — это уже, хоть и интенционально, начало плюрализма.

Далее, тягловый характер русского социума. Если на Западе сословия отличались друг от друга объёмом и типом повинностей и свобод, то у нас — только повинностей — тягла. Следовательно, проблематика автономии индивида, прав человека возникнуть здесь не могла, как, впрочем, и основы для формирования правового государства. Вместо Rechtsstaat строится “государство правды”, которое, по словам евразийца М. Шахматова, проникнуто стремлением «соблюсти изначальную истину, покорить человеческую волю, человеческое “самочиние” религиозно-государственной правде». В идеале “государство правды” есть подчинение “государства началу вечности” [14, с. 270]. Первостепенное значение для него имеет “вопрос о преемстве благодати от Бога”. Цель “государства правды” — спасение душ подданных, защита чистоты православия. “Государство правды” — институт не только и не столько внешний, но “внутри нас есть”. П.Б. Струве весьма удачно квалифицировал это государство как литургическое.

В принципе нет ничего специфического в том, что на определённых этапах своего развития русская власть имела яркое и глубокое религиозное измерение. Это знала и Европа. Своеобразие заключено в категории “правда”, которая, до известной степени, подменила у нас право и заблокировала на столетия возможность его появления (речь идёт о праве в европейском смысле слова; “русское право” существовало, но содержательно это был иной феномен). Ведь правда, как ещё в XI в. учил митрополит Иларион, есть и истина, и добродетель, и справедливость, и закон. Религиозно-нравственное начало растворяет в себе начало юридическое или, точнее, не даёт этому последнему кристаллизироваться.

Созданная на обломках Святой Руси петербургская империя также была сущностно враждебна идее конституционализма. Полицейское государство, регламентирующее государство, воспитательная диктатура — так называют устройство послепетровской власти. Но ещё это государство

было “оформлением”, формой, которая стягивала распавшуюся на две субкультуры страну [15, с. 109–137]. Такая форма оказалась неизбежно деспотической. Однако в деспотизме новой государственности таились и сила репрессивно-подавляющая, охранительно-удерживающая, и сила просвещеннически-реформистская, прогрессистски-революционаристская (недаром Пушкин скажет, что “все Романовы — революционеры”). То есть отечественная государственность XVIII–XIX столетий имела принципиально двусловный характер. В определённом отношении все цари-императоры были папой и Лютером в одном лице.

Важно подчеркнуть: обе эти силы, как правило, реализовывали себя деспотически, насильственно. И реформы, и контрреформы, и прямая реакция, и действия, смахивающие на “крутую” революцию, — всё это осуществлялось именно так (за некоторыми, разумеется, исключениями). Причём речь идёт не о властных технологиях, а о самом характере власти, не о насилии внешнем, но о сущностном, не о том, в белых ли перчатках и бархатно ли действует власть или ведёт себя так, словно руководит сражениями.

Да, русская власть после Петра была одновременно и папой, и Лютером. И в этом коренилось страшное её противоречие. Однако было нечто, что в значительной мере это противоречие снимало — та самая изначальная природа власти, насильственно-деспотическая. Она и позволяла Романовым быть то Лютером, то папой, позволяла быть функциональным Лютером и функциональным папой. Всё зависело от того, кем для самосохранения и господства надо было быть в данный момент, какую стратегию избрать — Сперанского или Аракчеева.

Исторически известно несколько вариантов. После реакционного царствования наступает реформистское, и наоборот. В рамках одного и того же царствования “период Сперанского” сменяется “периодом Аракчеева” (а вот наоборот не случилось; но бывало в такой последовательности: Сперанский—Аракчеев—Сперанский). При Александре III весьма органично уживались Витте и Победоносцев. Вообще-то, все эти варианты и стратегии носят скорее идеально-типический, типологический характер. В реальной жизни всё было сложнее, хаотичнее. И всё-таки до конца изначальная природа власти её же коренное противоречие не снимала. Так и оставались Романовы “о двух лицах”, а их монархическая государственность — двусловной.

Соответственно, и идеологии, с избытком возникавшие в русском обществе в XIX в., — славянофильство, официальная народность, западничество, шестидесятничество, почвенничество,

либерализм, народничество и т.д. — самоопределялись во многом в процессе выработки отношения к этому типу государственности. То есть идентичность приверженцев той или иной идеологии строилась на особом, лишь им присущем восприятии власти. Но при особости отношения все эти идеологии можно разделить на две группы. Те, кто относился к первой, принимали лишь одну “компоненту” двусловного петербургского самодержавия, её хотели совершенствовать, а другую — отменить. Идеологии, входившие во вторую группу, вообще отрицали такой тип государственности. Результатом всего этого — и типа власти, и типов её осмысления, и многого другого — явилась весьма своеобразная Конституция 1906 г. Она была компромиссом различных элитных групп по поводу именно власти, но не консенсусом относительно прав человека, который, как уже отмечалось, лежит в основе западных либеральных конституций.

Ещё несколько слов о специфике русской власти, точнее, о существе её перестроек. Это ведь вообще любимое занятие наших правителей — постоянно что-то менять в деятельности властного механизма. Правда, при этом существо власти практически не трансформируется, и в конечном счёте всё возвращается на круги своя. Затем начинаются новые перемены.

Вообще-то, реформы, как и контрреформы, дело нормальное, исторически будничное и вполне прогнозируемое. На Западе кардинальные изменения власти обычно фиксируются в конституциях, а их реализация обеспечивается функционированием институтов управления. У нас происходит по-другому. И с конституцией, как мы знаем, в России по-своему, и с институциональной системой тоже.

Во-первых, практически всем верховным российским начальникам конституции или сопоставимые с ними основные законы всегда узковаты. А потому и преодолеваются — так сказать, из конституционного поля осуществляется трансцендирование в поле властно-силовое. Во-вторых, результатом этого преодоления становится создание новой, неинституциональной системы управления. Органы данной системы можно условно назвать чрезвычайными комиссиями (никакой аллюзии на ЧК Дзержинского у автора в данном случае нет). Они образуются для решения каких-то специальных задач. Такое мы можем наблюдать все последние пять столетий отечественной истории. У истоков чрезвычайных комиссий стоит Иван Грозный со своей опричниной, далее это петровская гвардия, Канцелярия Его Императорского Величества, Коммунистическая партия (прежде всего номенклатурное ядро). При типологической схожести судьба чрезвычайных ко-

миссий различна. Одни, выполнив (или не выполнив) определённую задачу, отмирают, другие сосуществуют с институтами, третьи оттесняют их на периферию социальной жизни, четвёртые подменяют собой. Разумеется, возможно и некое смешение вариантов. В-третьих, конечно, не исключено, что со временем чрезвычайные комиссии становятся чем-то схожим с институтами, хотя это происходит редко. В-четвёртых, чрезвычайные комиссии могут существовать довольно долго, при этом их цели и методы видоизменяются. Однако, со всеми оговорками, наличие такого рода комиссий подрывает конституционные устои, принцип разделения властей и институциональную систему. Подчеркнём: здесь принципиальное отличие традиционных российских реформ власти от конституционных и институциональных реформ европейского типа. Безусловно, всё это не только не случайно, но и коренным образом связано с природой российской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bunner P. Ю.* Кризис исторической науки. Казань: Госиздат, 1921.
2. *Schmitt C.* Glossarium: Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. Berlin: Duncker a. Humboldt, 1991.
3. *Манн Т.* Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1961.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. *Duverger M.* Echec au roi. Paris: Michel, 1978.
6. *Снекторский Е.* Что такое конституция. М.: Моск. просвет. комиссия при Временном Комитете Госдумы, 1917.
7. *Duverger M.* Institutiones politiques et droit constitutionnel. Paris: PUF, 1960.
8. *Burdeu G.* L'Etat. Paris: Michel, 1970.
9. *Harding A.* The origins of the concept of the state // History of political thought. V. XV. N 1. Exeter, Spring, 1994.
10. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.
11. *Алексеев Н. Н.* Российская империя в её исторических истоках и идеологических предпосылках. Женева, б.и., 1958.
12. *Леонтович В. В.* История либерализма в России: 1762–1914. Париж: YMCA-PRESS, 1980.
13. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22-х т. М., Худож. лит.-ра, 1985. Т. 21.
14. *Шахматов М.* Государство правды: (Опыт по истории государственных идеалов в России) // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин: Евразийское книгоизд-во, 1925.
15. *Пивоваров Ю. С.* Политическая культура пореформенной России. М.: ИНИОН РАН, 1994.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

DOI: 10.7868/S0869587313060169

1917 ГОД В ИСТОРИИ РОССИИ

ДОКЛАД ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В.А. НИКОНОВА

На Земле есть только две страны, которые могут похвастаться пятью столетиями непрерывной суверенной истории, — Англия и Россия. Вопреки распространённому заблуждению наша страна — одна из самых жизнестойких в мире. Лишь четыре раза за всю свою историю — при нашествии монголов, в Смутное время, в 1917 и в 1991 гг. — она терпела крушения, когда государство дезинтегрировалось, превращалось в поле кровопролитного гражданского противостояния, разграбления внешними силами, прежде чем вновь возродиться как великая держава.

Для многих 1917 год символизирует освобождение: кто-то особенно чтит Февральскую революцию — как первый прорыв к свободе, свержение самодержавия; другие восхищаются Октябрьской революцией, ознаменовавшей начало создания государства диктатуры пролетариата. 1917 год окружён множеством мифов. Чаше всего считают, что у революции были объективные причины: слабая и нищая Россия терпела поражение в Первой мировой войне, её экономика рухнула, армия развалилась, людские ресурсы истощились, свирепствовал голод, недееспособное и неадекватное самодержавное правительство вело страну путём измены, за что буржуазия и свергла его в Феврале, а её, в свою очередь, в Октябре свергли пролетариат и крестьянство. Всё это не совсем так. Или совсем не так.

Революция 1917 г. была рукотворной. Объективного в истории вообще очень мало. Революции рождаются в головах немногих, которые в силу ряда обстоятельств, часто от них не зависящих, оказываются способными заразить своим антисистемным пафосом критическую массу людей. Причём необязательно во всей стране — достаточно столицы, здесь Ленин был прав. В 1917 г. не было предпосылок, неумолимо толкавших её в революцию, кроме общей бедности большей части населения (что в России было всегда) и наличия необычайно активной и оппозиционно настроенной олигархической и аристократической элиты, а также интеллигенции, поставившей в большом количестве кадры фанатичных революционеров.

В начале XX в. Россия не была сверхдержавой, но была одной из великих держав. Её территория превышала 22.4 млн. км² (площадь современной Российской Федерации — около 17 млн. км²). Численность населения страны к началу Первой мировой войны составляла около 170 млн. человек (каждый восьмой на планете жил в России). Наша страна стояла на одном из первых мест в мире по уровню рождаемости, почти половина населения была моложе 20 лет.

Русское экономическое чудо было реально. Промышленное производство с 1860-х годов и вплоть до Первой мировой войны увеличивалось в среднем на 5% в год — это больше, чем в странах Западной Европы. По общим показателям индустриального развития Россия оказалась на четвёртом месте в мире, её доля в мировом промышленном производстве составляла 8.2% (США — 32%, Германии — 14.8, Великобритании — 13.6) [1, р. 202]. Но, конечно, мы отставали от ведущих держав по качественным хозяйственным параметрам, технологии, уровню жизни. И плоды индустриальной революции, как и следы рыночных отношений, были слабо заметны на селе, где было занято семь восьмых населения. Ожидаемая продолжительность жизни составляла 32 года для мужчин, 34 — для женщин (в Англии того времени — 50 и 53), каждый четвёртый ребенок умирал в возрасте до года [2, с. 12, 13]. Весьма низким был уровень образования, к 1913 г. читать и писать умели лишь около половины горожан и до четверти крестьян [3, с. 293, 295].

В России жили люди 140 национальностей, причём русские составляли только 43–46%. Повсеместно наблюдался подъём национальных чувств, что, в свою очередь, питало и великорусский национализм, основанный на принципах сохранения России как единого и неделимого государства. Страну ожидало серьёзное испытание на разрыв из-за роста национального сознания населения окраин. Но в социальной структуре России не было ничего, что объективно толкало бы страну к разрушению.

К 1917 г. российский государственный строй не был самодержавным. Мощнейший толчок политической модернизации дала революция 1905 г., в

результате которой Россия получила конституцию, политические свободы, двухпалатный парламент и стала конституционной монархией. Гарантировались неприкосновенность жилища, частной собственности. Признавалось право на выбор места жительства, свободный выезд за границу, провозглашались свободы слова, вероисповедания, печати, собраний, создания союзов. Вводились процессуальные гарантии на случай ареста и суда. Принципы гражданской свободы, таким образом, были сформулированы достаточно полно, хотя, безусловно, их подкрепление конкретными законодательными актами и конкретная практика оставляли желать много лучшего. Настоящим было избирательное право, хотя оно и не было всеобщим. Так, женщины в России не голосовали, но в начале XX в. они не голосовали даже в самых развитых демократиях. Не было ни одной группы населения, которая принципиально лишалась бы права голоса, а применение имущественного ценза не являлось новостью в тогдашней демократической практике.

Россия перестала быть абсолютной монархией, главный родовый признак которой заключается в недифференцированности законодательной и исполнительной власти, сосредоточенной в одних руках. Согласно Основным законам, император уже не мог законодательствовать помимо Госдумы и Госсовета и должен был действовать “согласно закону”. Столетие назад конституционные монархии делились на парламентарные, в которых исполнительные органы действительно формировались парламентским большинством, и дуалистические, где исполнительная власть сохранялась за монархом и назначаемым им правительством, а законодательная власть принадлежала монарху и избираемому парламенту. Нет сомнений, что по Основным законам 1906 г. Российская империя может быть квалифицирована как конституционная дуалистическая монархия. Никаких разумных оснований для слома государственной машины, а тем более в условиях тяжелейшей войны, не было.

Николай II был адекватным руководителем страны. Царь был умён, высокообразован: он успешно прошёл программы университета и Академии Генштаба, свободно владел несколькими иностранными языками. За обходительными манерами, мягким обращением, граничащим со скромностью и даже робостью, простотой нрава скрывалось упрямое мужество, основанное на глубоких и выстраданных убеждениях. Он проявил это мужество, когда принял на себя командование армией в разгар Первой мировой, идя на сознательный риск в надежде исполнить то, что он считал долгом, и помочь победе. И в чём-то его расчёт был небезосновательным. Именно август 1915 г. стал тем поворотным пунктом, после кото-

рого заметно улучшились и работа Ставки, и боеспособность русской армии.

Однако царь проявлял нерешительность, когда речь шла о применении силы. И это воспринималось как слабость, а для Николая II и было слабостью. Её в России не прощают. У Николая были и бесспорные недостатки, из которых на первом месте — неумение глубоко разбираться в людях и опасение делать ставку на сильные личности, представлявшие весь срез элиты. Серьёзным недостатком Николая, который в какой-то момент окажется едва ли не самым существенным, можно считать его мистицизм.

Царь не был противником модернизации России и много сделал для этого. Но он также понимал, насколько опасно одномоментно разрушить традиционные, органично сложившиеся государственные и общественные институты. И опыт Временного правительства это полностью подтверждает.

С позиций сегодняшних дней представляется совершенно очевидным, что нараставший политический кризис требовал от российского императора решительной реакции — либо установления диктатуры (что вполне укладывалось бы в логику военного времени), либо создания ответственного перед Думой правительства. Но государь не решился ни на то, ни на другое. Почему? Он в то время жил интересами Ставки и фронта, уделяя мало внимания положению в столицах. Он полагал, что страна с ним, а что до оппозиционеров в Москве и в Питере, то они погоды не сделают. Он видел пользу в Думе, которую, по его собственным словам, создавал “для уничтожения средостения бюрократии и для контакта”, а потому был глух к призывам правых обойтись без представительных органов. В Западной Европе диктатура де-факто в годы войны появилась с согласия общественности, “в России таковая могла быть только диктатурой наперекор общественности” [4, с. 567]. Николай — не диктатор по природе — не хотел обострять свои и без того непростые отношения с элитой.

Что же касается перехода к парламентскому правлению, то, во-первых, царь идеологически не был сторонником представительной монархии; во-вторых, он не собирался предпринимать каких-либо кардинальных реформ до победы, которая уже виднелась на горизонте; в-третьих, не известно ни одного примера либерализации политического режима во время серьёзной войны. Наконец, Николай II слишком хорошо знал всех тех, кто требовал власти для себя. Он мог быть твёрдо уверен в их полной нелояльности, которую они демонстрировали не один год. Он имел основания считать оппозицию скорее изменниками, чем патриотами, и не сомневался в очевидной некомпетентности потенциальных министров.

Император занимался делом, которое считал основным, — осуществлял функции Верховного главнокомандующего. На внутреннем фронте он пытался демонстрировать свою волю, неподвластность требованиям Думы и в то же время лавировать, идя на точечные уступки требованиям оппозиции. В результате произошло то, что вошло в историю под названием “министерская чехарда”. Всего с осени 1915 по февраль 1917 г. сменилось четыре премьера, пять министров внутренних дел, три военных министра, что, конечно, исключительно непродуктивно во время войны. Кроме того, такая кадровая политика воспринималась как утрата контроля за ситуацией. И вела к утрате.

Буржуазия как класс — не вершитель Февральской революции, которую часто называют буржуазной. Торгово-промышленная элита оставалась скорее “классом в себе”. Политическая активность бизнеса в России проявилась довольно поздно и по своему размаху уступала активности всех других социальных групп, включая даже дворянство. Во многом это объяснялось тем, что буржуазия не имела опоры в народе, который откровенно её не любил и не ценил, а также особенностями российской интеллектуальной культуры, антибуржуазной в своей основе, и особенностями бизнеса, который не всегда демонстрировал образцы высокой предпринимательской этики.

Однако предпринимательский класс в лице своих ярких представителей поучаствовал в свержении режима. Павел Рябушинский возмущался, что нужно ездить в Петербург “на поклон, как в ханскую ставку”, и обещал, что “наша великая страна сумеет пережить своё маленькое правительство” [цит. по: 5, с. 356, 357]. В начале войны бизнес активно способствовал переводу экономики на военные рельсы, принял деятельное участие в формировании военно-промышленных комитетов, земских и городских союзов (Земгор), взявшихся оказывать всестороннюю помощь фронту. Однако именно эти организации и стали одним из важнейших инструментов дестабилизации императорской власти. Именно из олигархической среды вышел ряд очень активных революционеров, которые будут готовить заговор по свержению царя, а затем войдут в состав Временного правительства. Прежде всего в этой связи заслуживают быть названными лидер октябристов, представитель крупнейшей банкирской семьи Александр Гучков, богатейший сахарозаводчик Михаил Терещенко, хлопчатобумажный фабрикант Александр Коновалов.

Ведущей социальной группой, приближавшей революцию, являлась интеллигенция. Нигде в мире интеллектуалы (“мы”) так не противопоставляли себя власти (“они”), как в России. Распространению подобных настроений способствовала и сама власть, не подпуская интеллигентов к адми-

нистративной деятельности (впрочем, они и сами к этому мало стремились), что превращало их в антисистемную силу. Интеллигенция не думала о том, чтобы улучшить, модернизировать государственный строй, она стремилась его свергнуть. Прогресс, демократия представлялись не как результат эволюционного развития и реформаторских усилий, а как естественное для человека состояние, стремление, реализации которого мешает только одно — самодержавный строй. Большое значение для мировоззрения российской интеллигенции, которое в основе своей было если не западным, то космополитичным и лишённым корней, имела трансплантация на русскую почву не критически заимствованных идей французских просветителей XVIII в. и немецких материалистов XIX в. Западные абстрактные теории, интересные только самим философам, в России интересовали руководство к действию.

Во время войны пораженческие, антиправительственные настроения в интеллигентской среде были распространены достаточно широко, многие действительно считали патриотизм прибежищем негодяев. В борьбе за светлые идеалы именно интеллигенция давала целеполагание и наиболее эмоциональные аргументы противникам власти. Из представителей интеллигенции в основном и складывались все политические партии — от либеральных до экстремистско-террористических.

Пролетариат в революции выполнил в основном роль массовки, причём не на главной сцене. Из-за неразвитости городов рабочий класс был немногочисленным и представлял в массе своей скорее разновидность крестьянства, в основном не порвавшего связи с землёй. В начале войны рабочий класс, как и весь народ, испытал прилив патриотических чувств. Ситуация стала резко меняться в 1916 г., что было связано и с углублением экономических проблем, и с общим изменением морального климата в стране, и с творческой деятельностью Земгора. Главным раздражителем стал рост стоимости жизни. Темпы увеличения заработной платы в 2–3 раза отставали от роста цен на продовольствие, жильё и одежду. Но в целом сил самого рабочего класса было совершенно недостаточно для совершения революции.

Крестьянство проявило в предреволюционную эпоху очевидную пассивность. Существовавший политический режим вполне устраивал крестьянство, оно с непониманием относилось к идеям политических прав и свобод и отличалось повышенным чувством патриотизма и лояльности православному царю. Деревня связывала свои проблемы исключительно с безземельем. Не имея представления о праве земельной собственности и праве вообще, общинные крестьяне ждали, что со дня на день помазанник Божий на троне про-

ведёт равнение всей земли по стране, как это регулярно делалось внутри общин.

Основной причиной растущего недовольства села стало затягивание войны, которая уносила всё больше жизней, в России — в основном жизней крестьянских. Общая численность мобилизованных в армию составит к моменту Октябрьской революции 15.8 млн. человек, из них 12.8 млн. призывались из деревни. Крестьяне начали задавать вопросы о справедливости целей войны, правильности правительственной политики и не всегда находили устраивающие их ответы. Но выступать инициаторами изменения государственного строя крестьяне, настроенные в основном крайне консервативно, не могли и не хотели.

В подготовке Февральской революции приняло участие большинство российских политических партий — от октябристов до большевиков. Вплоть до революции в стране не сложилось партии, которую хоть с каким-то основанием можно было бы считать правящей. Лишь октябристы в столыпинские времена претендовали на эту роль, но затем и они оказались в оппозиции. Таким образом, ни одна из партий не проходила испытания на власть, не имела ни малейшего опыта практического государственного управления.

Октябристы перешли в оппозицию режиму под влиянием военных неудач 1915 г. Либералы, ведущими представителями которых были кадеты во главе с профессором истории П.Н. Милюковым, изначально выступали оппозиционной силой. Вынужденные соперничать в борьбе за симпатии народа с исключительно радикальными социалистическими организациями, либералы занимали гораздо более левые позиции, чем аналогичные группы в Западной Европе. Так, многие из них не имели ничего против экспроприации крупных помещичьих имений, государственных и церковных земель. Кадеты были инициаторами формирования большой оппозиционной коалиции, которая обсуждалась ещё до войны и нашла своё воплощение в Прогрессивном блоке, куда вошло большинство депутатов Государственной думы.

Немногочисленные левые партии, в которых в начале войны были сильны оборонческие настроения, стремительно радикализировались (эсеры, энесы, трудовики). Однако организации народников были слишком малочисленными, чтобы сыграть сколько-нибудь заметную роль в подготовке Февральской революции.

То же можно сказать о социал-демократах. По формальным критериям, к 1917 г. РСДРП — меньшевики и большевики — оставалась единой партией. Малочисленные организации, в одних местах объединённые, в других — расколотые и слабые сами по себе, оказались сверху донизу пронизаны полицейской агентурой. В РСДРП не было единства по вопросу о целесообразности ре-

волюционных действий во время войны. Лидер большевиков В.И. Ленин полагал, что “превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг” [6, с. 13]. В меньшевистской среде однозначно оборонческую позицию занял Г.В. Плеханов, а другие лидеры — Н.С. Чхеидзе, И.Г. Церетели, Ф.И. Дан — осуждали агрессивную политику всех великих держав, выступая за скорейшее заключение демократического мира. Сотрудничали же большевики с меньшевиками-интернационалистами во главе с Ю.О. Мартовым, выдвигавшими лозунги мировой антиимпериалистической и российской демократической революций. Накануне Февральской революции численность самой боевой социал-демократической группировки — большевиков — не превышала, по разным оценкам, 12–24 тыс. человек, а их вожди были в эмиграции или ссылке. Ситуация в корне изменилась в результате Февраля, открывая крайне левым все шансы, которыми они в итоге и воспользуются.

На протяжении всех предреволюционных лет оппозиция опиралась на государственные и полугосударственные институты, находившиеся в перманентном конфликте с правительством, — Государственную думу и самостоятельные организации, которые выступают могучим революционным тараном. Госдума, с первых дней своего создания, за исключением Третьей Думы, представляла собой не столько законодательный орган, сколько антиправительственный митинг. Четвёртая Дума, с которой Россия встретила революцию, отличалась особой политизацией, поляризацией и оппозиционностью. Центром оппозиции стал Прогрессивный блок, объединивший шесть фракций Думы — прогрессивных националистов, центра, земцев-октябристов, Союза 17 октября, прогрессистов и кадетов.

Огромную роль в подготовке Февральской революции сыграли созданные во время войны самостоятельные организации — Всероссийские Земский и Городской союзы, а также военно-промышленные комитеты. Их руководство сосредоточилось в Москве — центре оппозиционных настроений в отношении официального и бюрократического Санкт-Петербурга. Именно во второй столице — в домах князей Долгоруковых, Рябушинского, Коновалова — традиционно проходили оппозиционные собрания Земгора, здесь была главная твердыня кадетов, профессура Московского университета обеспечивала работу либеральных думских фракций. Именно председатель Земского союза князь Г.Е. Львов сменил Николая II на посту главы российского государства. Самостоятельные организации насчитывали около 8000 учреждений с сотнями тысяч служащих, которые получали освобождение от военной служ-

бы, но носили военного вида форму и были прозваны в народе “земгусарами”.

Хотя царю хорошо было известно об оппозиционных настроениях, доминировавших в Земгоре и военно-промышленных комитетах (ВПК), он шёл на сотрудничество с ними, видя практическую пользу в подключении бизнеса и общественности к помощи армии. Военно-промышленным комитетам был придан официальный статус. В земгоровских кругах ещё в 1915 г. составили списки будущего правительства, которые почти полностью совпали с составом первого Временного правительства, возникшего после Февраля. Всех будущих министров объединяла принадлежность к Земгору, ВПК, Прогрессивному блоку Думы, либеральному крылу правительства и, как потом выяснилось, к масонским ложам. Из этих же кругов вышла и широко распространявшаяся по стране концепция “блока чёрных сил”: германофильской придворной партии, связанной с германской военной аристократией и выступавшей за сепаратный мир. Главой немецкой партии объявлялась императрица Александра Фёдоровна и Григорий Распутин. Эта концепция ляжет в основу идеологии, агитации и пропаганды всех оппозиционных партий и групп. Многие приписывали авторство концепции А.И. Гучкову.

Ещё одним, не менее важным, направлением работы самостоятельных организаций стало развёртывание ими антиправительственного пролетарского движения в виде рабочих групп ВПК во главе с Кузьмой Гвоздевым, который станет инициатором создания Петроградского Совета в первый день Февральской революции.

Революция не была результатом развёртывания национально-освободительного движения по окраинам “тюрьмы народов”. Первая мировая война показала недостаточность формулы “единой и неделимой” России, особенно в условиях, когда австро-германская коалиция предпринимала безуспешные попытки расчленить Россию, разыгрывая карту национальной самобытности и прав на самоопределение населявших её народов. Особенно успешно это удавалось делать в Польше, Финляндии, Прибалтике, Украине. Брожение наблюдалось и в других регионах — в Закавказье и даже в Средней Азии. Однако до Февраля нигде, за исключением Польши, почти полностью оккупированной центральными державами, сепаратистские движения не приняли масштабов, угрожающих целостности государства или прочности власти.

В революции сыграли роль внешние силы. Как и другие воюющие страны, Россия была объектом подковёрной дипломатии, подрывных усилий спецслужб, международных пропагандистских кампаний, финансовых махинаций. Центральные державы вели подрывную деятельность про-

тив России. До войны особую активность проявляла Австро-Венгрия. С началом войны австрийские центры подрывных действий перешли под руководство Германии, которая поставила эту работу на широкую и систематическую основу в рамках “стратегии апельсиновой корки”: расчленив Россию “как апельсин, без ножа и ран, на её естественные исторические и этнические составные части” — Финляндию, Польшу, Бессарабию, Прибалтику, Украину, Кавказ, Туркестан, которые должны стать независимыми государствами под германским контролем [7, с. 19–21]. Наиболее яркой “звездой” на фоне этого собрания международных авантюристов и организаторов революционного процесса по прошествии почти столетия выглядит Александр (Израиль) Гельфанд, известный также как Парвус. В центре его политической паутины была неправительственная организация в Копенгагене — Институт изучения социальных последствий войны. Гельфанд вошёл в историю прежде всего как спонсор Ленина и большевиков, но спонсировал он не только их.

Вклад в нарастание революционных настроений внесли и союзники России. Их политика в отношении нашей страны была, как минимум, трёхслойной. На первом, высшем уровне, где взаимодействовали главы государств, степень доверительности была высокой. На втором, элитном уровне, к России относились плохо, считая, что там правит диктатура, а русские — это полуварварское племя. На третьем уровне — общественно-политическом — осуществлялась поддержка оппозиции внутри страны. А когда политика Запада была другой?

К моменту Февральской революции Россия была готова в военном и экономическом отношении к успешному продолжению военных действий. Страна вооружилась, снабдила и выставила на поле боя 60 армейских корпусов вместо тех 35, которыми располагала в начале войны. Численность действующей армии, колебавшаяся осенью 1915 г. между 3 и 4 млн., к концу 1916 г. достигла 7 млн. военнослужащих. Фронтовые части оставались вполне боеспособными, о чём свидетельствовал героизм, проявленный войсками в операциях 1916 г. — как в наступательных, которых было больше, так и оборонительных. Авиация оформилась как род войск, быстро рос российский флот. Чувствовать себя обречёнными куда больше оснований имелось у стран четверного союза во главе с Германией. Уже стало ясно, что в войну на стороне Антанты в ближайшее время вступит экономически наиболее сильная страна мира — Соединённые Штаты Америки. В гораздо большей степени, чем в начале войны, наладилось взаимодействие между союзниками, стала поступать реальная военно-техническая помощь с Запада.

Наша страна значительно нарастила собственную оборонную промышленность, по сравнению со временем начала войны в 1916-м производство пулемётов выросло в 6 раз, лёгких орудий — в 9 раз, 3-дюймовых снарядов — в 16 раз. Рекордными темпами — за 12 месяцев — удалось построить 1050-километровую железнодорожную колею до Мурманска, куда в основном поступала внешняя помощь, а всего к 1917 г. было проложено 12 тыс. км полотна железной дороги из 17 тыс., намеченных военно-транспортной программой правительства. В относительно удовлетворительном состоянии находились финансы.

Ситуация в народном хозяйстве во время войны везде была непростой, а беспорядка в России всегда хватало. Однако следует заметить, что продовольственные трудности в России имели меньшие масштабы, чем в других воевавших странах, наблюдались они только в крупных городах, а основную массу населения — крестьянство — не затронули вообще. Голод и разорение России зимой 1916/17 г. не грозили, хлеба хватало, промышленность росла. Голод и экономический коллапс наступят годом позже как результат деятельности постреволюционных правительств.

Людские жертвы войны оказались огромными, но гораздо меньше, чем будет принято считать в советские времена. Наши потери убитыми, умершими от ран и ранеными (5.5 млн. человек) были меньше, чем у Германии (6.05 млн.), сражавшейся на два фронта, а по отношению к общему числу мобилизованных оказались вообще наименьшими из всех основных воевавших стран — 35.5%, если сравнить с 47% у Франции и 55% у Германии. Ситуация с людскими ресурсами в России также была лучше. За всю войну у нас мобилизовано в армию 8.7% населения страны, тогда как в Великобритании — 10.7, во Франции и Австро-Венгрии — 17, а в Германии — 20.7%.

Известно, что история не терпит сослагательного наклонения, и нам не дано знать, когда и как закончилась бы Первая мировая война, не свершись революция, следствием которой действительно стало позорное поражение России и унижительный сепаратный Брестский мир. Но мы знаем, как война реально закончилась: Германия капитулировала в ноябре 1918 г. Логично предположить: если бы Россия осталась в числе воюющих стран, если бы были реализованы согласованные стратегические планы союзников, война могла бы кончиться тем же — триумфом Антанты, но только намного раньше и с участием России.

Армия, становясь более многочисленной, лучше вооружённой и управляемой, в то же время теряла в качестве личного состава и моральном духе. Война становилась всё более позиционной и окопной, что неизбежно вело к деморализации проводящих много времени в бездействии военнослужащих. Нравы огрубели. Реквизиции — не-

избежные спутники любой войны — подрывали понятия о собственности или законности. Но самой взрывоопасной была ситуация в запасных батальонах. Особенно много призывников оказалось в столице, где располагалось до 20 запасных частей численностью около 200 тыс. человек, которым абсолютно не хотелось отправляться на передовую. Именно они выступят главной вооружённой силой революции.

“Прогерманская партия” существовала только в сознании оппозиции. Распутин — ловкий и бывалый сибирский мужик, который умел блестяще играть на человеческих слабостях и религиозно-мистических струнах, — безусловно, пользовался доверием и симпатией Александры Фёдоровны, в чём едва ли не главную роль сыграла гемофилия наследника, которую Распутин умел лечить. В годы войны его имя как символ аморальности власти всё активнее поднималось на щит оппозицией. Да и сам “старец” давал для этого основания. Распутин оказался подлинным проклятием Романовых.

Императрица — немка, но по самоощущению, родному языку, кембриджскому образованию внучка самой великой английской королевы — Виктории — была, скорее, англичанкой, говорила по-русски или по-английски (реже по-французски). Женщина деятельная, она стала одним из крупнейших организаторов санитарного дела в России. Только в Царском Селе императрица организовала 10 госпиталей, число которых затем возросло до 70. В лазарет превратится и Зимний дворец в Петербурге. Уникальный случай в истории: в течение трёх лет императрица и её старшие дочери прослужили сёстрами милосердия, причём отнюдь не декоративными. Правда, это мало кто оценил.

Внутри России спецслужбы в качестве основного источника слухов об императрице и Распутине уверенно называли А.И. Гучкова и его круг, но не только. Темы измены императрицы, — а она не была предательницей, — и засилья распутинщины не просто доминировали, они были едва ли не единственными обсуждаемыми в столицах и, достигая чудовищных размеров, стали важнейшим инструментом разрушения династии.

Российская государственность пала жертвой нескольких разрушительных потоков, которые сойдутся в двух точках — на улицах столицы и в Ставке. Все эти потоки носили форму мало скрываемых заговоров, которые вынашивались в думских, аристократических, земгоровских и социалистических кругах и уже в полной мере затронули армейскую верхушку. Первым залпом революции стали выступления П.Н. Милюкова и ряда других депутатов на открытии сессии Думы 1 ноября 1916 г., в которых руководство страны обвинялось в измене.

Для правых монархистов, включая членов царской семьи, всё зло мироздания воплотилось в именах императрицы и “сибирского варнака” (слова В.Н. Коковцова). В ночь с 16 на 17 декабря князь Феликс Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович и черносотенец В.М. Пуришкевич исполнили приговор знати, убив Распутина. Дворцовый комендант В.Н. Воейков с изумлением вспоминал: “Совершенно непонятно, почему члены императорской фамилии, высокое положение и благосостояние которых исходило исключительно от императорского престола, называли его режимом абсолютизма и произвола по отношению к народу, о котором они, однако, отзывались как о некультурном и диком, исключительно требующем твёрдой власти” [8, с. 209].

Вокруг трона вовсю плелись заговоры, имевшие целью “спасение монархии от монарха”. В центре одного из них, готовившего отречение Николая в пользу наследника Алексея при регентстве брата царя, Михаила Александровича, стоял А.И. Гучков, опиравшийся на близкие ему армейские круги, вдохновляемые опытом декабристов. Предложенный именно этой группой план свержения Николая II — задержание императорского поезда на дальней станции и принуждение к отречению под воздействием авторитета армии или угрозы силой — и будет претворён в жизнь. Гучков вёл активную переписку с руководителем Ставки генералом М.В. Алексеевым, который представит царю самый убедительный аргумент в пользу отречения — позицию армейской верхушки.

О заговорах и нарастании революционных тенденций было известно спецслужбам. Почему же они не смогли предотвратить развитие событий по катастрофическому сценарию? Потому, что они создавались для борьбы с революционным движением снизу, со стороны пролетарских, разночинных масс и их политических партий. А удар по государственности наносился из тех сфер, куда офицерам спецслужб вход был заказан. Чего заговорщики не учитывали, так это своей неспособности контролировать раскрепощённый народ на улице, куда объективно звала их нескончаемая антиправительственная пропаганда.

Февральское восстание в Петрограде было порождено антиправительственной пропагандой, паническими настроениями и подкреплено бунтом запасных батальонов. Легитимизацию переворота обеспечила Дума. На протяжении трёх первых недель февраля стояли исключительные холода, в Петрограде средняя температура приближалась к -30°C . Снег засыпал железнодорожные пути, по всей стране простаивали десятки тысяч вагонов с продовольствием и топливом. Продуктов питания в столице ещё вполне хватало, но кончались топливные запасы, из-за чего стали закрываться хлебопечкарни и даже крупные предприятия. С 21 февраля

по этой причине остановил производство крупнейший Путиловский завод, и тысячи рабочих хлынули на улицы. К началу 20-х чисел поползли слухи о введении нормирования отпуска хлеба. Люди в панике бросились к булочным, где образовались дикие очереди, стоявшие ночь напролёт на лютom морозе. «По “законам экономики” беспокоиться было не о чем, — пишет историк В. Булдаков. — По законам массовой психологии ситуация была чревата взрывом» [9, с. 79].

22 февраля (8 марта), когда убеждённый в полном контроле МВД над ситуацией император отправился в Ставку — в Могилёв, стало резко теплеть, показалось солнце. Уставшие от долгих холодов люди всех возрастов и профессий присоединились к женской процессии с требованиями хлеба. С этого момента забастовочная и митинговая волны стали стремительно нарастать. Руководство Петроградского военного округа приняло крайне опрометчивое решение отправить в наряды воинские части — те самые запасные полки. Оказавшись на улицах, военные патрули, равно как и казаки наряды, вели себя чересчур пассивно, явно сочувствуя митинговавшей публике. Очевидная мягкость силовиков немедленно сообщила уверенность толпе, над которой уже витал дух вседозволенности.

27 февраля начался бунт запасных частей, приведший к уничтожению центральной правительственной власти и переходу её в стены Таврического дворца, где сформировались и Временный комитет Думы, и Петроградский Совет. Возникло знаменитое двоевластие, которому суждено было парализовать российский государственный механизм.

Император отрёкся под давлением армии. Николай полагал возможным пресечь восстание силой, однако этот сценарий был фактически просаботирован армейской верхушкой. 1 марта в Пскове, где оказался императорский поезд, командующий Северным фронтом Н.В. Рузский и начальник Генштаба генерал М.В. Алексеев уговорили Николая II во имя успешного завершения войны отказаться от подавления восстания, согласиться с созданием ответственного перед Думой правительства. К двум часам дня 2 марта Рузскому стали поступать телеграммы от военачальников в ответ на телеграмму Алексеева: от командующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова, Западным фронтом — генерала А.Е. Эверта, Кавказским фронтом — великого князя Николая Николаевича, Румынским фронтом — генерала В.В. Сахарова. Все призывали царя принести жертву на алтарь Отечества и отречься. Царь сложил корону к ногам предавшего его армейского руководства, отрёкшись в пользу своего брата Михаила. “В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман”, — эти справедливые слова

Николай II написал в своём дневнике, когда поезд тронулся в Могилёв [10, с. 625]. 3 марта от престола отрёкся и Михаил Романов. Многовековая Российская империя прекратила своё существование.

Временное правительство разрушило российское государство. Учёные, земские деятели, юристы, промышленники — они неплохо разбирались в общеполитических вопросах и парламентской практике, но никто из членов кабинета не обладал опытом административной или государственной работы. Премьер — князь Г.Е. Львов — был бездеятельным, мягким и благодушным популистом, безгранично верившим в добрую душу народа и испытывавшим отвращение к любому централизованному управлению. В заявлении об образовании Временного правительства вслед за его составом шли “основания” его деятельности, которые почти дословно воспроизводили восемь пунктов, сформулированных Петросоветом. Слабый либеральный кабинет с сомнительной легитимностью был связан необходимостью реализовать социалистическую программу и мог пользоваться властью лишь с молчаливого согласия энергичных советских лидеров, дожидаясь Учредительного собрания, выборы в которое ещё долго не будут назначены.

Воевавшей стране, привыкшей на протяжении последнего тысячелетия к централизованной системе власти, была предложена крайняя форма политического либерализма. Действуя в твёрдом убеждении, что представители прежней власти по определению являются некомпетентными, антинародными и склонными к предательству элементами, Временное правительство в здравом уме и твёрдой памяти самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат России, оставив потом большевиков с их идеей слома старой государственной машины практически без работы.

Исчезла вертикаль исполнительной власти. 7 марта 1917 г. премьер Львов говорил: “Временное правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. В местах выберут... Будущее принадлежит народу, явившему в эти исторические дни свой гений” [цит. по: 11, с. 17]. В регионах в результате остались только председатели земских управ. Одновременно повсеместно возникли Советы, воспроизводя ситуацию “двоевластия” на местах. На деле же получалось “многовластие”, что тождественно безвластию: административные функции осуществляли подобию комитетов общественной безопасности, куда на равных основаниях входили и Советы, и подновлённые органы земского самоуправления, и профсоюзы, и все наличные партии и общественные организации. Машина местной администрации в России перестала функционировать. Керенский был в ужасе от содеянного: “Огром-

ные пространства страны попали в руки абсолютно неизвестных людей!” [12, с. 159].

В марте 1917-го Временное правительство полностью уничтожило российскую правоохранительную систему. Были упразднены особые гражданские суды, охранные отделения, отдельный корпус жандармов, включая и железнодорожную полицию. На места разослали инструкции о создании отрядов народной милиции под командованием армейских офицеров, выбранных земствами и Советами. Дееспособность такой милиции была низкой, тем более что в неё в массовом порядке стали записываться криминальные авторитеты, выпущенные на волю в рамках всеобщей политической и уголовной амнистии. Функции охраны порядка всё больше приходилось брать на себя вооружённым силам, которые оказались в состоянии прогрессирующего разложения. Ситуацию в армии усугубляло и само Временное правительство, открыто выражавшее недоверие старому генералитету и офицерскому корпусу, и Совет, не только выпустивший “Приказ № 1”, который уничтожил армейскую дисциплину, но и неоднократно заявлявший об общности интереса народов всех воевавших стран к прекращению захватнической политики собственных правительств.

Страна оказалась в расплавленном состоянии, во власти взбудораженного от неожиданного события народа, который почувствовал неограниченную свободу, всегда им трактовавшуюся как отказ от самоограничения, и страшно уставшего от войны.

На промышленных предприятиях свои порядки стали устанавливать повсеместно возникшие фабзавкомы. Производство дезорганизовывалось скачкообразно. Начались серьёзные перебои с транспортом, разладилась система распределения. В конце марта правительство установило государственную монополию на торговлю хлебом, предписав крестьянам сдавать зерно по твёрдым ценам, ввело карточную систему. Крестьяне в смутные времена хлеб придерживали ещё больше, на железных дорогах участились грабежи составов с продуктами. Голодные бунты и погромы шли по всей России. Крестьянство повсеместно восприняло революцию прежде всего как начало реализации мечты о “чёрном переделе”. Не в силах собирать налоги, власть прибегла к печатному станку, резко провоцируя инфляцию. В расстройстве пришла вся финансовая система.

Страна пошла вразнос. На Дону и на Кубани — казачьи республики, Советы разогнаны. Финляндия провозгласила автономию и требовала вывода русских войск со своей территории. Украинская Рада объявила о включении в свой состав земель юга России чуть не до Урала, приступила к формированию собственной армии и готовила сепаратный мир с Германией. Кавказ и Сибирь

требовали для себя отдельных учредительных собраний. И по всему пространству необъятной страны прокатывались огромные беспорядочные волны дезертиров. Медвежьёу услугу правительству оказывали союзники, требовавшие от него скорейшего наступления на фронтах и усиленной пропаганды либеральных ценностей в качестве условия поддержки.

Уже через несколько месяцев Временного правительства не станет, у него не окажется защитников, а валяющуюся на земле власть подберёт ультралевая маргинальная партия, которая установит свою безраздельную диктатуру, страна окажется ввергнутой в братоубийственную гражданскую войну.

Победителями Февральской революции оказались... большевики, которые принимали в ней весьма скромное участие. В апреле в Петроград из Швейцарии вернулся Ленин, сразу поразивший воображение масс лозунгами немедленного мира, передела собственности и перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую. К осени большевики имеют преобладающие позиции в Советах, опираясь на которые Ленин объявит себя верховной властью после стремительной операции собственных вооружённых отрядов. Большевики породили надежду на мир и землю, что обеспечило им поддержку армии. Идея экспроприации экспроприаторов нашла более короткий путь к народной душе, чем концепции конституционализма.

По словам Н.А. Бердяева, “России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться” [13, с. 109]. Большевизм воплотил и широко разлившуюся после целого года хаоса потребность в порядке. Оппозиция большевикам оказалась относительно слаба и потому, что она имела дело не с функционирующей государствен-

ной системой, разрушенной Временным правительством, а с анархией. На первых порах с правительством Ленина почти некому было бороться, да никто и не спешил бороться, поскольку существовала стойкая уверенность, что большевики — “калифы на час” и продержатся максимум до Учредительного собрания.

Продержались 74 года. А затем их власть пала в новом революционном крушении 1991 г. Ещё одной революции Россия может не выдержать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987.
2. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.
3. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М.: Госстат, 1956.
4. *Мельгунов С.П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М.: Вече, 2006.
5. *Хорькова Е.П.* История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998.
6. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49.
7. *Шиссер Г., Трауптман Й.* Русская рулетка: немецкие деньги для русской революции. М.: АСТ, 2004.
8. *Воейков В.Н.* С царём и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя Николая II. М.: Воениздат, 1995.
9. *Булдаков В.* Октябрь и XX век // Международная жизнь. 1997. № 11–12.
10. *Дневники императора Николая II.* М.: Орбита, 1992.
11. *Милюков П.Н.* История второй русской революции. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1921.
12. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993.
13. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

DOI: 10.7868/S0869587313060108

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

ДОКЛАД АКАДЕМИКА Г.А. КУМАНЁВА
И ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК В.А. ЗОЛОТАРЁВА

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. явилась одной из важнейших вех в многовековой истории России. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, Великая Отечественная стала для россиян самым выдающимся событием прошлого века.

Подвиг наших предков поистине велик. Советско-германский фронт не знал себе равных в истории по размаху, продолжительности и интенсивности борьбы. Его протяжённость составляла от 3000 до 6200 км, тогда как протяжённость североафриканского и итальянского фронтов не превышала 300–350 км, германо-французского – 800 км. Из 1418 дней и ночей существования советско-германского фронта активные боевые действия здесь велись 1320 суток, тогда как на западноевропейском – 293, на североафриканском – 309, на итальянском – 492.

Из общего числа людских потерь, которые понесла немецко-фашистская армия во Второй мировой войне, более 73% приходится на советско-германский фронт. Именно здесь были разгромлены главные силы агрессивного блока – 607 дивизий, в то время как англо-американскими войсками 176 дивизий. Вооружёнными силами СССР была разгромлена и подавляющая часть уничтоженной за годы войны вражеской боевой техники.

Великая Отечественная война стала самым разрушительным военным конфликтом, который знала наша страна. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников рассмотрела около 4 млрд. актов об ущербе, причинённом советскому народу за время оккупации. Установлено, что только прямой ущерб составляет 679 млрд. руб. (в ценах 1941 г.), или 128 млрд. долл. США. В целом материальный ущерб, нанесённый Советскому Союзу за годы войны, достигает 2569 млрд. руб. Это треть национального богатства. Для сравнения: потери СССР – 128 млрд. долл., Франции – 30 млрд., Голландии – 10 млрд., Греции – 3 млрд. Поражают цифры людских потерь. В Советском Союзе по-

гибли почти 27 млн., из них около 10 млн. – на полях сражений. Почти 18 млн. советских солдат и командиров получили ранения или заболели при исполнении служебных обязанностей, многие из них потеряли трудоспособность, стали инвалидами. Около 6 млн. советских людей оказались в фашистском плену, 4 млн. из них погибли. Во вражеском тылу погибли почти 4 млн. партизан и подпольщиков. В результате всех этих потерь резко сократилась численность трудоспособного населения страны. Горе безвозвратных потерь посетило почти каждую советскую семью.

Великая Отечественная война стала самым важным – и самым страшным – событием истории России XX столетия, вошла в жизнь нескольких поколений, наложила отпечаток на современную русскую культуру. Военная тема звучит в литературе, живописи, кино. Активно развивается поисковое движение, которое возвращает имена тысячам безымянных героев. Стоит также отметить работу Комиссии при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. За 12 лет её существования удалось установить судьбу около полумиллиона, а совместно с аппаратом Книги Памяти – свыше 1 млн. граждан нашей страны.

Победа, стоившая советскому народу много-миллионных жертв, нашла своё воплощение в уникальном издании – Книге Памяти. Книга содержит поимённые списки граждан России, погибших (в том числе умерших от ран и болезней), пропавших без вести в ходе боевых действий и при выполнении служебных обязанностей по защите Отечества, а также документы и научно-публицистические материалы, раскрывающие вклад регионов и Российской Федерации в целом в достижение победы над врагом. Её основу составляют республиканские (в составе Российской Федерации), краевые, областные, городов Москвы и Санкт-Петербурга поимённые книги, обзорный том Всероссийской Книги Памяти. По два экземпляра всех Книг Памяти будут вечно храниться на Поклонной горе в Москве в Централь-

ном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Сегодня нашей исторической науке и всему российскому обществу нужна полная правда о Великой Отечественной войне, правда без каких-либо купюр. Достоверная научная история войны должна помочь сделать обоснованные выводы из прошлого опыта и без новых трагических ошибок решать сложнейшие проблемы современности. Народы России выстрадали право на знание своего прошлого. Без осмысления и усвоения уроков минувшего невозможен успех преобразований в нашей стране. Только таким образом мы обретём себя в настоящем и обеспечим себе достойное будущее. Этой благородной цели служит 50-томная серия сборников документов “Русский архив: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Документы и материалы”, над которой сейчас ведётся работа.

История всегда играла важную роль фактора национальной самоидентификации. Необычайно возросшая роль истории в современной России определяется тем, что привычные социально-политические, культурные, духовные ценности подвергаются переоценке, а новая их система до сих пор не сложилась. Образовавшийся вакуум заполняется концепциями и версиями, чуждыми России по своему духу, а порой и вообще разрушительными.

Процесс пересмотра национальных ценностей в полной мере затронул историческую науку. Появились новые или модернизированные трактовки нашего прошлого, особенно отечественной истории XX в., часто заимствованные из разного рода западных концепций. Искажение истории советского периода стало своеобразной модой. Примечательно, что в роли наиболее предвзято настроенных критиков выступают большей частью литераторы, публицисты, журналисты, а не профессиональные историки. Одним из ярких примеров являются попытки дискредитации подвига 28 воинов-панфиловцев, документально подтверждённого и ставшего в лучшем смысле этого слова хрестоматийным. Поток конъюнктурных версий, псевдосенсаций обрушила на нас коммерциализированная литература. Здесь есть над чем поразмыслить. Важным шагом в противостоянии этой тенденции могло бы стать образование на государственном уровне специального органа, ядро которого составили бы учёные РАН и который располагал бы полномочиями влиять на процесс интеллектуального возрождения в области общественных наук.

Конечно, каждый имеет право на своё мнение относительно тех или иных исторических проблем, но допустимо ли бездоказательно навязыв-

ать его другим? Насколько достоверна база данных, объективен взгляд на события, глубок их анализ — вот те главные критерии, по которым учёные судят о подлинной ценности исторических изысканий. К сожалению, всё чаще на первый план выходят прагматизм и личный интерес. Эти мотивы оттесняют извечные ценности, идеалы добра, справедливости, коллективизма, издавна присущие народам, населяющим наше Отечество. В результате из исторического сознания нации постепенно вымываются подлинные национально-государственные ориентиры. Странно и удивительно, что в последние 20 лет на прилавках наших магазинов появилось огромное количество популярной литературы по истории, которая направлена не на укрепление национальной памяти, не на её обогащение, а, напротив, на её разрушение.

Неудивительно, что по данным ВЦИОМа, 47% опрошенных россиян в возрасте до 24 лет не знают точной даты начала Великой Отечественной войны, причём каждый второй из них не может назвать ни дня, ни месяца, ни даже года нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Как видим, память народа ослабевает, поскольку сейчас она представляет собой систему как истинных, так и ложных, искажённых знаний, представлений, понятий, образов. В немалой степени — это результат деятельности недобросовестных исследователей. Противостоять им призван новый фундаментальный многотомный труд, который готовится и издаётся сегодня под эгидой Министерства обороны РФ в соответствии с распоряжением Президента РФ № 240-рп от 5 мая 2008 г. Образована Главная редакционная комиссия под председательством министра обороны, утверждён структурный план и план-график разработки 12-томного труда “Великая Отечественная война 1941–1945 годов”, который планирует завершить к 70-й годовщине Победы.

Говорят, история учит тому, что ничему не учит. Наша задача применительно к истории Великой войны — преодолеть этот парадокс. Рукопись каждого тома готовится историками под началом руководителя авторского коллектива тома, который взаимодействует с председателем редакционной комиссии соответствующего тома. Подготовленная ими рукопись проходит техническую экспертизу, а затем рассылается для рецензирования в один из институтов Российской академии наук (Институт всеобщей истории, Институт российской истории, Институт экономики, Институт Дальнего Востока), а также в военно-научные центры (Военную академию Генерального штаба, Общевоинскую академию РФ, Российскую академию ракетных и артиллерийских наук) и другие научные организации. Затем проходят несколько

совместных заседаний авторского коллектива тома и Главной редакционной комиссии труда, на которых авторы получают замечания, а затем отчитываются об их устранении. Таким образом, каждый том проходит всестороннее и тщательное редактирование.

Масштабность и фундаментальный характер труда требуют широкого комплексного подхода к освещению событий кануна, хода и исхода Великой Отечественной войны, предполагающего раскрытие собственно военной, а также экономической, политической, дипломатической, социальной, духовной, личностной и других составляющих этого сложного явления. Этому подходу соответствует структура издания: 1-й том озаглавлен “Основные события войны”, 2-й — “Происхождение и начало войны”, 3-й — “Битвы и сражения, изменившие ход войны”, 4-й — “Освобождение территории СССР”, 5-й — “Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией”, 6-й — “Тайная война. Разведка и контрразведка в Великой Отечественной войне”, 7-й — “Экономика и оружие войны”, 8-й — “Искусство на грани возможного. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны”, 9-й — “Антигитлеровская коалиция”, 10-й — “Государство, общество и война”, 11-й — “Политика и стратегия Победы. Стратегическое руководство войной и Вооружёнными силами в годы войны”, 12-й — “Итоги и уроки войны”. В создании 12-томника принимает участие большой авторский коллектив — учёные, работающие в системе Российской академии наук, в научно-исследовательских учреждениях ряда министерств и ведомств.

Лейтмотив концепции труда — поведать не только о том, что было, но и почему было именно так. Уже пятый год идёт работа по реализации президентского проекта. Это увлекательная, интересная работа, в ходе которой порой возникают споры, дискуссии, иногда очень острые. Приходится преодолевать инерцию в описании, в оценках, в осмыслении истории Великой Отечественной войны. Но, как известно, в спорах рождается истина. Концепция труда вырабатывалась непросто. Работа рисковала обернуться преимущественным описанием боевых действий в ущерб политической, дипломатической, социальной составляющим при явном пренебрежении к мировоззренческому и воспитательному аспектам военной истории. Кое-кто предлагал сменить название: не использовать определение войны как “Великой Отечественной”, назвать труд “СССР во Второй мировой войне”. Аналогичным образом поступили немецкие историки, выпустив в свет упомянутый многотомник об участии Германского рейха во Второй мировой войне 1939—

1945 гг. Однако учёные из ФРГ прибегли к такой отстранённой формулировке, чтобы сгладить агрессивный, захватнический характер войны со стороны нацистской Германии. Отечественные авторы, пойдя они по этому пути, выхолостили бы идею справедливой, освободительной битвы с фашизмом. Главная редакционная комиссия отвергла такой подход.

В первом томе труда рассмотрены следующие вопросы: подготовка Германии к нападению на СССР; «Генеральный план “Ост”» — план порабощения и уничтожения народов Советского Союза; состояние советского общества, экономики и обороноспособности страны накануне войны; недостатки и просчёты, допущенные советским руководством в военном строительстве, перевооружении армии, в планировании мероприятий на случай войны; влияние негативных явлений во внутренней политике, в частности репрессий, на подготовку страны к войне; критический анализ степени готовности к войне.

Нацистский «Генеральный план “Ост”» предусматривал депортацию в течение 25—30 лет 80—85% населения из Польши, 85% из Литвы, 65% из Западной Украины, 75% из Белоруссии и по 50% из Латвии, Эстонии и Чехии. Не менее 31 млн. человек, “нежелательных по расовым показателям”, подлежали выселению в Сибирь; на освобождённые территории — “после разгрома СССР” — предполагалось переселить до 840 тыс. представителей “высшей расы”. В течение последующих двух-трёх десятилетий планировались ещё две волны немцев-поселенцев численностью 1.1 и 2.6 млн. В «Генеральном плане “Ост”» утверждалось, что “без полного уничтожения” или ослабления любыми способами “биологической силы русского народа” установить “немецкое господство в Европе” не удастся. Военнослужащим вермахта вручались памятки, в которых говорилось: “убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки”.

Авторы труда анализируют основные события, которые проходили на советско-германском фронте, их взаимосвязь с действиями союзников на других фронтах, рассматривают причины поражения советских вооружённых сил в начальный период войны и весной 1942 г., проблемы политического руководства фронтом и тылом, роль народной борьбы в тылу врага, развитие военного искусства, использование отдельных видов вооружённых сил, роль разведки и контрразведки, деятельность военачальников и полководцев, военное, экономическое и политическое сотрудничество союзников по антигитлеровской коали-

ции, решающую роль Советского Союза в разгроме фашистского блока.

Помимо собственно военных аспектов, рассматриваются и такие, как развитие научно-технической и минерально-сырьевой базы; трудовой подвиг народа, вклад общественных организаций и церкви в общую Победу, деятельность творческих союзов, роль культуры, средств массовой информации в войне. Раскрываются причины сотрудничества некоторых слоёв населения с оккупантами, борьба по вопросам послевоенного урегулирования, меры по наказанию агрессоров.

Одна из важных тем исследования — цена Победы. Речь идёт о людских потерях советских вооружённых сил, а также вермахта и его союзников. Существенная роль отводится анализу попыток пересмотра итогов войны, развенчанию мифов, в частности о “превентивной войне” со стороны Германии и её сателлитов, их стремлении “спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма”. В книге вскрыты истинные причины и цели войны нацистской Германии против СССР, показано, что цели Советского Союза в войне объективно соответствовали геополитическим и жизненным интересам как народов СССР, так и других стран.

Второй том посвящён предыстории нападения Германии на нашу страну и первым трём месяцам войны, то есть с 22 июня до 30 сентября 1941 г., до начала немецкой операции “Тайфун” — наступления на Москву. Это был наиболее критический и поэтому наиболее дискуссионный период, который определил весь дальнейший ход и исход войны. Страна, народ должны были выстоять или погибнуть, альтернативы не было.

Том включает шесть тематических блоков: историко-познавательные основы изучения Великой Отечественной войны; у истоков войны; начало Второй мировой войны и политика СССР; СССР накануне нападения Германии; вступление Советского Союза в борьбу с агрессорами; итоги первых месяцев войны; документальные и другие приложения с картами и иллюстрациями. Авторский коллектив попытался ответить на ряд актуальных дискуссионных вопросов. Можно ли было предотвратить Вторую мировую войну, а затем и нападение Германии на СССР? Почему сегодня усилились попытки обвинить нашу страну в развязывании войны, представить советских воинов в роли захватчиков? Как объяснить поражения советских войск в первые месяцы войны и огромные людские потери? Почему часть пленных советских солдат, офицеров и населения временно оккупированных территорий стала сотрудничать с врагом? Каковы основы материальных и духовных сил народа, совершившего на фронте и в ты-

лу исторический подвиг массового героизма в борьбе с захватчиками? На эти вопросы авторы тома стремились дать ответ на уровне современных научных знаний и руководствуясь принципом историзма.

В структуре, если вести речь о новизне, следует выделить главу “Историко-познавательные основы изучения Великой Отечественной войны”. К новым подходам можно отнести сбалансированное рассмотрение событий на Западе и на Востоке накануне войны; комплексный анализ советско-германского договора о ненападении и англо-польского соглашения о взаимопомощи, определивших расстановку сил к началу Второй мировой войны; переговоры СССР с Великобританией и США в 1939–1941 гг., которые подготовили почву для создания антигитлеровской коалиции — решающего успеха советской политики и дипломатии перед нападением Германии на СССР. Обстоятельно освещается подготовка Германии к войне, а также мобилизация сил нашей страны для отпора врагу, сражения начального периода войны, причины поражения Красной Армии. Впервые в подобном труде уделяется внимание повседневной жизни людей на фронте и в тылу с началом войны.

Во втором томе через призму геополитики, с учётом цивилизационного подхода рассматриваются противоречия между ведущими мировыми державами того времени. Цели Германии в отношении Советского Союза далеко выходили за рамки борьбы идеологий и включали уничтожение государственности, культуры русского и других народов СССР, физическое истребление народов Восточной Европы. Десятилетиями складывавшийся в Германии “образ врага” включал представления о вечной борьбе германцев против славян, культурном призвании и праве западных европейцев господствовать на Востоке Европы. В этой системе координат Советский Союз (Россия) рассматривался как законная добыча “третьего рейха”, которому “геополитически предопределено” расчленил СССР и установить на его территории господство “высшей расы”. Игнорирование этих обстоятельств, сведение сути мирового конфликта середины XX в. к столкновению нацизма с большевизмом с точки зрения современных научных представлений выглядит поверхностным.

Несмотря на всю трагичность начала Великой Отечественной войны, мы исходили из того, что главных целей блицкрига Гитлеру достичь не удалось. Конечно, к середине июля, когда завершился начальный этап войны, продолжавшийся 18 суток, агрессор добился крупных результатов. Латвия, Литва, значительная часть Эстонии, Белоруссии, Украины и Молдавии оказались окку-

пированными. Враг вторгся в пределы России. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась прямая угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника было незначительным. Хотя германское руководство считало, что первый этап плана “Барбаросса” выполнен успешно, стало очевидным, что в отведённый срок война с СССР не закончится и не будет иметь ничего общего с молниеносными кампаниями гитлеровцев в западных странах.

Том “Битвы и сражения, изменившие ход войны” посвящён анализу событий, происходивших с 30 сентября 1941 г. по конец 1943 г. Для достижения максимальной степени объективности авторы использовали большое количество архивных материалов, часть из которых впервые введена в научный оборот. Среди них документы Российского государственного военного архива, Центрального архива МО РФ, Архива Генерального штаба ВС РФ, Центрального военно-морского архива МО РФ, Центрального архива внутренних войск МВД РФ, Центрального архива ФСБ России, Архива Федеральной пограничной службы, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Российского государственного архива социально-политической истории, Национального архива Республики Беларусь, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины.

В третьем томе рассматриваются основные битвы и сражения первого и второго периодов Великой Отечественной войны, которые переломили ход всей Второй мировой войны. Это Московская, Сталинградская, Курская битвы, сражения за Ленинград, Кавказ, Днепр. Эти битвы привели к разгрому крупных стратегических группировок врага и достижению значительных политических и стратегических результатов. Помимо битв, проанализированы отдельные операции, проводившиеся группами фронтов, фронтами и армиями, повлиявшие на характер и ход вооружённой борьбы. В некоторых случаях они сдерживали продвижение противника, в других — становились предвестником крупных наступательных операций Красной Армии.

В труде отмечается, что битва за Москву проходила драматично, с переменным успехом. Противнику в ходе упорных и ожесточённых боёв удалось вплотную подойти к нашей столице. Однако советские войска смогли укротить гитлеровский “Тайфун”, в самый ответственный момент найти в себе силы и 5 декабря 1941 г. перейти в контрнаступление. Авторский коллектив аргументированно показал, что борьба за стратегиче-

скую инициативу с новой силой разгорелась в мае—июле 1942 г. После ряда поражений Красной Армии снова создалась критическая ситуация. Под угрозой находились Ленинград, Москва, Сталинград, Кавказ. Но победа под Сталинградом коренным образом изменила военно-политическую и стратегическую обстановку на советско-германском фронте, оказав существенное влияние на ход вооружённой борьбы на других фронтах Второй мировой войны. Она стала важным рубежом коренного перелома в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Произошло не только количественное, но и качественное изменение соотношения сил на мировой арене, стратегическая инициатива стала переходить к Советскому Союзу и его союзникам по антигитлеровской коалиции.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом создал благоприятные условия для расширения фронта наступления не только на юго-западном и западном направлениях, но и на северном. Появилась возможность создать мощную группировку и прорвать блокаду Ленинграда. Встречными ударами двух фронтов — Ленинградского и Волховского — по Шлиссельбургско-Синявинскому выступу было разорвано кольцо окружения и 18 января 1943 г. восстановлена сухопутная связь города на Неве с центральными районами страны. Вскоре был ликвидирован и демянский плацдарм.

Авторам удалось наглядно показать, что Курская битва стала свидетельством необратимости коренного перелома в Великой Отечественной войне: вермахт и его союзники уже были не в состоянии вернуть себе стратегическую инициативу. Курская битва характеризовалась решительностью, большим размахом, интенсивностью действий. Стало ясно, что разгром Германии на советско-германском фронте — вопрос времени. С советско-германского фронта пошли мощные импульсы по всем фронтам Второй мировой войны. Высоким воинским мастерством, самоотверженностью и массовым героизмом бойцов, командиров, политработников показательна битва за Днепр. В целом в течение 1941—1943 гг. произошли решающие сражения, которые привели к принципиальным изменениям стратегической обстановки на театрах военных действий. Германия вынуждена была отказаться от наступательной стратегии.

В сложные годы войны ярко проявилась сила советского, русского народа, который уже не в первый раз в мировой истории спасал цивилизацию от уничтожения. Массовый героизм советских людей обеспечил решение этой благородной задачи.

В труде акцентируется тот факт, что со стороны вермахта это была жестокая и беспощадная война, а со стороны советского народа — борьба за жизнь, свободу и независимость. Авторский коллектив не стал замалчивать ужасы и преступления, совершённые гитлеровцами и их сателлитами на нашей земле. На основе материалов Нюрнбергского процесса, других источников говорится о зверствах, которые совершали захватчики на нашей территории.

Каждый из томов (к настоящему моменту вышли в свет три тома) насчитывает более 1500 ссылок на архивные документы и фундаментальные труды учёных разных стран, в том числе на вышедший недавно на немецком языке “Германский рейх и Вторая мировая война” в 10 томах, “Дневник боевых действий вермахта”, 100-томную японскую “Историю войны в Великой Восточной Азии”, на работы военно-научного управления Армии США.

Среди авторов и членов редакционной комиссии труда известные учёные академики Г.А. Куманёв, В.В. Козлов, А.А. Кокошин, Ю.А. Поляков, А.А. Саркисов, Г.Н. Севостьянов, С.Л. Тихвинский, Е.П. Челышев, А.О. Чубарьян, профессора В.А. Афанасьев, Ю.М. Зайцев,

В.П. Зимонин, А.А. Кошкин, А.В. Опалев, О.А. Ржешевский, О.В. Саксонов, А.М. Соколов, В.С. Христофоров и другие. Большую помощь в подготовке многотомного труда оказывают Маршалы Советского Союза В.Г. Куликов, В.И. Петров, Д.Т. Язов, В.М. Михалкин.

В каждом из томов авторы пытались достоверно осветить события и соответствующие историографические проблемы. Кроме того, предпринимается попытка показать человека на войне. Самобытная земля, уникальные в своём многонациональном своеобразии народы нашего Отечества, глубокие корни их традиций, мужественность и выносливость, терпение и свободолюбие, редкая природная смекалка и изобретательность — те специфические черты, без понимания которых любое исследование проблем истории войны не может быть полностью объективным. Без учёта этого обстоятельства браться за такое дело вряд ли возможно и нужно.

Фундаментальный многотомный труд ставит своей задачей подвигнуть читателя к творчеству, к достоверному изучению нашего прошлого. Ибо народ, не помнящий своего прошлого, не понимает своего настоящего и не имеет самостоятельного будущего.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

DOI: 10.7868/S0869587313060030

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ РАН

АКАДЕМИК Е.П. ЧЕЛЫШЕВ

Доклады и сообщения членов секции историко-филологических наук РАН, на мой взгляд, заслуживают высокой оценки. Посвящённые различным эпохам, событиям, явлениям, личностям прошлого России они основываются на научном анализе источников, архивных материалах и свидетельствуют о необходимости для развития науки атмосфере в институтах историко-филологического профиля.

Допуская различного рода толкования, разнообразие точек зрения по важнейшим событиям и деятельности исторических лиц, они в то же время непременно должны содержать чёткую, научно обоснованную позицию. Невысказанность определённого отношения к этим явлениям наносит ущерб науке, ведёт к распространению искажённых представлений в общественном сознании российской нации. Именно это наглядно подтверждается в докладе доктора исторических наук генерал-майора В.А. Золотарёва. Под его руководством большой коллектив учёных-историков, в том числе сотрудников РАН, членов академии ведёт подготовку фундаментальной истории Великой Отечественной войны, выполняя поручение Президента России В.В. Путина. 19 июня 2012 г. на заседании Президиума РАН состоялась презентация первых двух томов 12-томного труда. Сообщение об этом событии опубликовано в «Вестнике РАН». Для меня этот доклад особенно интересен, так как его тема входит в сферу моих научных изысканий. Говорю и пишу я об этом ещё и для того, чтобы дать первый сигнал о грядущем лермонтовском юбилее, чтобы вовремя начать к нему подготовку. Юбилей великого русского поэта должен быть достойно отмечен и в России и за рубежом. Ведь, говоря словами Ираклия Андроникова, всё, что им создано за тринадцать лет творчества, — это подвиг во имя свободы и Родины.

Год российской истории ознаменован многими публикациями, связанными с двумя великими войнами — 1812 и 1941–1945 гг., в том числе, конечно же, переизданиями произведений двух на-

ших великих поэтов. Я хочу закончить своё выступление, представив несколько фрагментов из их стихотворений, уж очень они хороши! Из «Бородинской годовщины» А.С. Пушкина:

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда её вела!..
Но стали же мы пятою твёрдой
И грудью приняли напор
Племён, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор,
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Её, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид...

Обратите внимание, несмотря на мнение авторитетных историков того времени — Клаузевица, Богдановича и других, считавших, что Бородинское сражение выиграл Наполеон, Пушкин говорит о нечейном результате великой битвы. Упрёки, брань, негодование, конечно, всё это было — не могло не быть — и в России, и в других странах, завоёванных армией Наполеона. Но ушедшему из жизни великому полководцу, величию его личности должна быть отдана дань уважения. Поэтому Пушкин в стихотворении «Наполеон» (на смерть Наполеона, последовавшую 5 мая 1821 г. на острове Святой Елены), пишет:

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.

В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.

Очень важен конец стихотворения:

Да будет омрачён позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Думаю, первые четыре строки концовки пушкинского “Наполеона” можно отнести не только к ушедшему из жизни императору. Мысль эта развивается и в одном из последних, ставшем хрестоматийным стихотворении М.Ю. Лермонтова “Воздушный корабль”.

АКАДЕМИК В.А. ЧЕРЕШНЕВ

Вполне уместно в Год российской истории на Общем собрании Академии наук сказать несколько слов об истории Российской академии наук.

Всё началось 288 лет назад, когда Пётр I подписал указ об учреждении Санкт-Петербургской академии наук и художеств, которая затем была переименована в Императорскую Санкт-Петербургскую академию наук, после мая 1917 г. — в Российскую академию наук. С 1925 г. это Академия наук СССР и с 1991 г. — вновь Российская академия наук.

Пётр вынашивал идею создания академии на протяжении 25 лет. С 1696 г. он переписывался с гениальным Лейбницем, они трижды встречались, обсуждали, как в неграмотной феодальной стране поднять науку и образование. Пётр понимал, что прежде чем “выращивать”, как он говорил, академию, надо создать систему образования. Но времени на это не было. Поэтому в своём указе он объединил обе важнейшие функции — научно-исследовательскую и образовательную — и создал академию, университет и гимназию. Естественно, всем этим надо было управлять, заниматься, но кадров не было. Решили приглашать молодых иностранцев — европейские знаменитости в Россию не поехали бы.

Первые академики были избраны в 1725 г. И если астроном Жозеф Николя Делиль и физик Георг Бюльфингер перешагнули 30-летний рубеж, то Даниилу Бернулли было 25 лет, математи-

ку Георгу Крафту — 24 года, а гениальному Леонарду Эйлеру — всего 19 лет. Первым русским академиком в 1733 г. стал в 24 года математик Василий Евдокимович Ададуров. В 1742 г., через 9 лет, были избраны 3 января Григорий Николаевич Теплов и 8 января Михаил Васильевич Ломоносов, затем в 1745 г. — великий путешественник Степан Петрович Крашенинников и основатель русской поэзии Василий Кириллович Тредиаковский.

Следует обратить внимание на тот факт, что хотя Ломоносов хронологически стал третьим русским академиком, по вкладу в науку он, безусловно, первый, тут никаких споров быть не может. Он первый русский учёный высочайшего мирового уровня, гений, работавший по многим направлениям. Нельзя не обратить внимания на его организаторскую деятельность. Последние четыре года жизни он возглавлял и университет, и гимназию, делал всё для того, чтобы привлечь в науку молодёжь. А привлечь в то время было очень трудно.

В некоторые годы на 17 академиков Петербургской академии наук приходилось всего три ученика. Поэтому в 1767 г., спустя два года после смерти Ломоносова, Петербургский университет был закрыт. Возрождать его в 1819 г. пришлось почётному академику графу Сергею Семёновичу Уварову, президенту академии, Александр I подписал соответствующий указ. Но это был уже не академический университет. А Николай I, младший брат Александра Павловича, спустя 15 лет поручил Уварову возглавить ещё и Министерство народного просвещения. Вот так тогда реализовалась непосредственная связь науки и образования.

Обратите внимание, какие задачи поставил Николай I перед С.С. Уваровым: “Приноровить общее всемирное просвещение к нашему народному духу. Привлечь в Университет детей высшего класса, положив конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами. Уменьшить господство страсти к иноземному образованию. Исходить из начала русского в пределах науки без всякой примеси современных идей политических”.

Благодаря Академии наук в стране было создано уникальное в своём роде научное сообщество. Академическая наука стала вершиной творческой деятельности в России, и весь мир увидел, что это — наука высшей пробы — и в отношении фундаментальности, и в отношении достоверности.

В науке с особой силой проявляется роль личности. Есть учёный — есть направление. Нет учёного — не о чем говорить. Особенно это касается личности руководителей, президентов Академии

наук. На протяжении 200 лет учёные добивались права избирать не только членов академии, но и её президентов. Обрели они это право в мае 1917 г., указом Временного правительства.

За всю её историю академию возглавляли 20 президентов. Все они были интереснейшими людьми. Например, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, ставший президентом в 18 лет и остававшийся на этом посту в течение 52 лет. Граф Сергей Семёнович Уваров был президентом академии на протяжении 37 лет, великий князь Константин Константинович Романов — 26 лет. Постепенно во главе академии уже и в дореволюционное время всё чаще оказывались выдающиеся учёные: например, Фёдор Петрович Литке и Дмитрий Андреевич Толстой. Кстати, Д.А. Толстой в 24 года получил Демидовскую премию за фундаментальный труд “История финансовых учреждений России со времени основания государства до конца правления императрицы Екатерины II”. После революции должность президента Академии наук стала выборной. Первый избранный президент — академик, геолог Александр Петрович Карпинский.

Надо сказать, что в России Академия наук всегда была мощнейшим каналом социальной мобильности, силой, которая взламывала привилегии породы, близости к власти, влияния денег. Это стало возможным только потому, что с первых дней своего существования Академия наук являлась государственным учреждением, и только благодаря государству она развивалась. “В лучшие времена, — писал Лев Андреевич Арцимович, — она всегда чувствовала тепло рук государства”. Тесную связь Академии наук и государства иллюстрирует академическая печать 1735 г., эскиз которой предложил первый учёный секретарь академии Христиан Гольдбах. На печати на фоне символа императорской власти — двуглавого орла — расположен щит, на котором изображена римская богиня науки и мудрости Минерва. По краю щита идёт надпись по-латыни “*Nic tuta perennat*”, что означает “Здесь она в безопасности на долгие годы”. Давайте пожелаем, чтобы эти традиции сохранялись и приумножались.

ИНОСТРАННЫЙ ЧЛЕН РАН, АКАДЕМИК НАН УКРАИНЫ П.П. ТОЛОЧКО

Я нахожусь под впечатлением доклада Вячеслава Алексеевича Никонова. Тем не менее, чувствую необходимость вернуться к более раннему историческому периоду, которому посвящён доклад В.Л. Янина, Н.А. Макарова и Е.Н. Носова.

Должен сказать, что в новом моём звании мне нравится всё, кроме слова “иностранный”. Свык-

нуться с ним не могу. Если бы 20 с лишним лет назад мы праздновали юбилей подобного события, то он отмечался бы как знаменательная дата в истории государственности трёх славянских народов — русского, украинского и белорусского. Сегодня, к сожалению, речь идёт только о русском народе, другие не очень-то и упоминаются. После распада Советского Союза возник своеобразный вакуум между общим древнерусским наследием и тремя суверенными государствами, каждое из которых вдруг озаботилось написанием собственной национальной истории и поисками в глубине веков своей исторической и этнокультурной идентичности. Русские занялись поиском первой столицы России, и, разумеется, на своей территории. На эту роль предлагаются то Ладога, то Новгород. Белорусы заговорили о “Полоцкой белорусской державе”, тем самым пытаясь как-то отмежеваться, отделить свою историю от общерусской. А мы, украинцы, в свою очередь, оживили давнюю националистическую теорию исключительно украинского происхождения Киевской Руси. В результате, по существу, разодрали общедревнерусскую историю и разнесли её по нынешним национальным квартирам.

И если ещё можно, как-то, понять украинских и белорусских историков, то совершенно невозможно — российских. Почему им так хочется найти собственное начало и обязательно доказать, что Киевская Русь не была единым государством?

Мы прослушали яркий доклад Янина, Макарова и Носова, показавших, благодаря артефактам, что никакого распада Руси не было. Я всегда говорю своим молодым коллегам, что если находки какого-нибудь одного сезона, раскопанные в Новгороде, Киеве, Чернигове, Рязани, Владимире на Клязьме, рассыпать на длинном столе и перемешать, а потом попросить снова рассортировать их по городам, никто не справится с этой задачей. Настолько была единой материальная культура по всей Руси. И археологи это единство ощущают почти физически.

По существу, нет сколько-нибудь убедительных данных о распаде Древнерусского государства и в письменных источниках. В исторической литературе, посвящённой этому времени, часто можно встретить утверждение о войнах между древнерусскими землями и городами. На самом деле никаких войн между землями и городами не было — были ссоры внутри правящего княжеского рода, который в продолжение всей истории Руси являлся залогом её единства. Борьба князей друг с другом велась не за отделение, а за обладание Киевом, его великокняжеским столом. И когда “Мономаховичи” обвинили черниговских “Ольговичей” в незаконных посягательствах на Киев, то получили такой ответ: “Мы есмы не Уг-

ре, не Ляхове, но единого дѣда есмы внуци; при вашем животе его не ищем, аж по вас, кому Бог даст”.

Это осознание единства, наличия общего корня — чрезвычайно важный момент. Когда мы знакомимся с письменными источниками, летописями, художественными произведениями, в числе которых “Слово о полку Игореве”, то не видим там никакой другой Родины, кроме Руси. То же самое и в былинах: богатыри едут в Киев, чтобы защищать славный Киев-град и Святую Русь. В силу сказанного, тенденция искать особенное и терять общее, возобладавшая после распада Советского Союза и образования суверенных восточнославянских государств, мне представляется не только неверной, но и безнравственной.

В заключение хотелось бы вспомнить изумительные слова Николая Михайловича Карамзина, о том, что Родина — это не красоты местных пейзажей, но “пленительные” воспоминания. Сегодня у каждого из трёх восточнославянских народов свои красоты пейзажей, но пленительные воспоминания всё равно общие. Потому, что общей была их история.

АКАДЕМИК Р.И. НИГМАТУЛИН

Осмелюсь сказать несколько слов про историю, не являясь историком. Прежде всего должен засвидетельствовать, что все доклады и выступления после докладов чрезвычайно интересные. Безусловно, такого рода исторические экскурсии нужно популяризировать, например через телеканал “Культура”.

У меня и многих из нас есть ощущение, что русская, российская история, история нашего Отечества особая, есть в ней что-то, чего нет в истории других народов. Возможно, я ошибаюсь, и такое ощущение испытывает гражданин любой страны, но всё же мне кажется, я не далёк от истины.

Особому характеру истории России есть естественно-научное объяснение. Это объяснение не ново, но здесь об этом не говорилось. Я имею в виду тот очевидный факт, что российская история складывалась в крайних климатических условиях с очень длинной и холодной зимой. Наш народ создавал свою цивилизацию в самых холодных регионах, в каких возможно самостоятельное развитие цивилизации. Напомню, что из-за близости к Гольфстриму зима в приполярных регионах Норвегии, Швеции и Финляндии, около Осло, Стокгольма и Хельсинки, где живёт основная часть населения этих стран, теплее, чем в Киеве. Специфические природные условия на основной части территории России, резкие климатические

контрасты создают в народе некое состояние неустойчивости. В этом году — хорошо, в следующем году — плохо. День год кормит. Проспал этот день — обречён на нищету. Если ты талантливый хозяин (а талантливых всегда меньшинство), то тебе удастся выживать и радоваться жизни, если нет, то ты бедняк и нищий. Зависть неудачников и борьба за справедливость порождали разрушителей.

Всё это обуславливает в нашем народе “колебательное” состояние с большой амплитудой. Мне представляется, что этим, в частности, объясняется ожесточённость в отношениях между людьми, сохранившаяся до сегодняшнего дня. С какой ненавистью журналисты, политики, научные работники орут друг на друга на телевизионных диспутах. А ведь смотрит на этих “властителей дум” весь народ. Мы сталкиваемся с полярными оценками всех царей и лидеров России. Вот уже 60 лет прошло со смерти Сталина, но сохраняются резко противоположные, полярные, эмоционально окрашенные оценки этой личности, и это разделяет наших людей, ожесточает одних против других.

Каждая историческая личность противоречива. Оценивая историческую личность, нельзя ограничиваться одномерной шкалой, в частности шкалой добрый—злой. У Петра Великого были как достижения, так и жесточайшие акции, которые можно назвать преступлениями. Ленин, Сталин, как и Петр I, уничтожали как своих врагов, так и ни в чём не повинных современников. Про каждого из них можно сказать, что они вздыбли Россию. Но несмотря на жестокость Петра, его признают великим. Мы знаем об антигуманных акциях при завоевании белыми европейцами Америки, но в то же время признаём достижения последующих поколений при освоении и строительстве новой Америки. Сталин правил страной в эпоху, следовавшую за братоубийственной Гражданской войной, когда гуманность и святость человеческой жизни отошли на второй план, а на первый план вышла цель победить и преобразовать страну по своим “лекалам” во что бы то ни стало. А кто хотя бы чуть “не с нами”, тот против нас. Даже писатель Максим Горький заявил: “Если враг не сдаётся, его уничтожают”.

Я призываю не к оправданию преступлений и жестокости, а к всесторонней оценке прошлых эпох и исторических личностей с учётом условий, в которых они действовали, причём без эмоций и негодования, неуместных в науке. Лучше извлекать правильные исторические уроки, чем публично негодовать.

Несмотря на гениальность русского народа, народа, который населяет нашу территорию, мы

осознаём, что в области культуры идём за Европой. Это можно объяснить тяжёлыми природными условиями, в которых развивалась русская цивилизация. Первый русский учёный Ломоносов получил образование в Германии. А всего через полтора века Россия стала великой научной державой. То же в культуре. Русские, услышав итальянскую оперу, создали великую русскую оперу. Увидев французский балет, создали великий русский балет. Включившись в европейский спорт, стали крупной спортивной державой. Европа чтит русскую литературу и русскую живопись. Россия создала великую авиацию и космонавтику. Во всех сферах мы показываем, что можем достигать колоссальных высот.

Сейчас ведётся много разговоров о том, каким должен быть учебник истории для подрастающего поколения. На мой взгляд, нужно, чтобы он был позитивно заряженным. Не следует заниматься раздирающим народом и общественным мнением на диаметрально противоположные оценки. У каждого царя и революционера, в каждой эпохе надо отмечать как достижения, так и провалы и даже преступления. Но в любом случае нужно воспитывать единое ощущение причастности к своему Отечеству и своей истории, чтобы на первый план выступали, как сказал украинский коллега, “пленительные воспоминания”, а не негодование и поношение своих царей, генсеков, президентов и революционеров.

АКАДЕМИК Ю.В. ЦВЕТКОВ

Я с большим удовлетворением прослушал доклад генерала В.А. Золотарёва. Действительно, нам надо обнародовать правду о войне. Но это должна быть настоящая правда. Не нужно так уж акцентировать внимание на наших потерях, что, мол, завалили мы фашистов трупами. Не этим была достигнута победа. Мы создали куда больше оружия, причём более высокого качества, чем это могла сделать Германия, на которую работала вся Европа.

Ведь до чего дошло? Обвиняют нас в том, что Советский Союз развязал войну, подписав пакт Молотова—Риббентропа (Игорь Чубайс об этом говорил и многие другие). В то же время забывают, что если бы Англия и Франция потребовали от Германии выполнения Версальского договора, сотысячный вермахт даже на Данию напасть бы не смог. Существовала Рейнская демилитаризованная область. Но в 1936 г. туда вошли немецкие войска с условием, чтобы там не появился ни один французский солдат. И он там и не появился. Затем аншлюс, насильственное присоединение Австрии к Германии — никакого эффекта.

А далее продают Чехословакию, когда Советский Союз один вместе с Чехословакией был готов воевать с Германией.

Возьмём Польшу, Сейм которой сейчас принимает решение о том, что в ходе Второй мировой войны на неё напали две тоталитарные державы. Но замалчивается тот факт, что именно Польша сорвала англо-французско-советские переговоры, отказавшись пропустить через свою территорию советские войска для противостояния Германии в случае войны. Отечественные историки должны отстаивать нашу точку зрения, показывать, как всё происходило на самом деле.

Я родился и вырос в Советском Союзе, и мне очень больно, когда мою страну поливают грязью, в том числе и наши коллеги по Академии наук. Я последовательно прошёл всё — и подвал, и коммуналку, и бомбёжки в войну. Но я до сих пор слышу морозный звук сапог добровольческой коммунистической дивизии. Я помню первые салюты, помню День Победы, который я провёл в допризывном лагере под винтовкой. Ещё раз повторю: Победа была достигнута благодаря индустриальной мощи, созданной Советским Союзом. Развал Советского Союза — преступление, и об этом надо говорить прямо.

Два слова о 1917 годе. Я согласен с тем, что здесь было сказано, за одним исключением: не думаю, что Россия, “которую мы потеряли”, была такой уж замечательной страной. Это же неправда! Неправда потому, что это была неграмотная страна, а её промышленность практически полностью принадлежала иностранцам.

И ещё я хотел бы, чтобы академик Ю.С. Пивоваров принёс извинения за своё публичное заявление по телевидению, будто бы Советский Союз был самым людоедским режимом в мировой истории. Только что здесь говорилось о Германии, о том, что они хотели сделать с нами. А вспомните, каким было становление капитализма в Англии. Говорилось о том, что овцы съели людей. Да не овцы. Это люди изгоняли людей с земли, делали их бездомными, а дальше их ждала намыленная верёвка. Около 30% населения Англии было тогда повешено. Вот что такое настоящее людоедство.

А вот пример голодомора. В Ирландии в 1845—1849 гг. был Великий голод. Англичане, имея зерно, им не делились. Ирландцы вынуждены были питаться одной картошкой, но и картошка не уродилась. В результате сейчас в Ирландии 4.5 млн. населения, а в 1841 г. было 8 млн. Вот где голодомор, вот где настоящее людоедство!

Я инженер-технолог, физикохимик. Во времена советской власти я мог внедрять свои разработки повсюду — от Прибалтики до Средней Азии. В Средней Азии я создал первое в мире про-

умышленное производство нановольфрама. Кому сейчас это нужно, хотя я в значительной степени усовершенствовал технологию? Не надо ругать советскую власть, тем более называть её людоедской. За время советской власти население у нас практически удвоилось.

Я просил бы, чтобы вы извинились перед людьми, которые строили и защищали СССР. Да и перед моей женой, которая в 14 лет пошла к станку.

Академик А.Д. Некипелов: Коллеги, хотел бы призвать вас быть терпимее друг к другу. По крайней мере сегодня я такого рода слов от Юрия Сергеевича Пивоварова не слышал. Наверное, у нас могут быть взаимные претензии, но важно действовать в рамках научной этики. Мы люди науки и не можем позволить себе смотреть на социальные явления ни через розовые, ни через чёрные очки. Но не следует и упрощать взгляды друг друга.

АКАДЕМИК С.С. ГРИГОРЯН

Первое, о чём я хотел сказать, это о большой моей благодарности и, думаю, всех нас за то, что была организована Научная сессия по истории, главным образом по истории нашего Отечества. Здесь были представлены замечательные доклады, потрясающие по глубине, по ясности изложения и по важности содержания. Правда, к некоторым докладам у меня есть некие претензии, состоящие в том, что они были (предмет у них был такой) несколько, как бы это сказать, нейтральными по отношению к явлению, которое называется историей.

История — самая острая, самая политизированная наука. Историю почти все перевирают, так сказать, из политических, корыстных и иных, не демонстрируемых явно, соображений. С этим надо считаться, слушая, в частности, и научные доклады. Часто говорят, что вот, дескать, у нас представления исторических событий и процессов — это идеология. Можно подумать, что в других странах, при других режимах нет идеологии. Это теперь внедряется в сознание населения (умышленно, целенаправленно), что у нас сейчас в стране — деидеологизированное общество. Ничего подобного, это ложь и дезинформация, об этом я могу прочитать целую лекцию!

В этом смысле наша Научная сессия была лишена остроты. Конечно же, это было сделано сознательно, и в связи с этим некоторые важнейшие разделы, важнейшие обстоятельства, связанные с историей нашего Отечества, просто не были затронуты.

Очень хороший доклад был сделан о Великой Отечественной войне. Но про Советский период

русской истории здесь доклада не было. И это очень странно...

Только что мы услышали очень эмоциональное выступление о безобразных искажениях истории грандиозной войны с фашистской Германией и в целом истории Советского Союза. А ведь задача исторической науки как раз в том, в частности, и состоит, чтобы весь ужас, который ныне творится по поводу Советского Союза во всём мире и особенно здесь, в России, был бы решительно и предметно отмечён и чтобы была написана и издана настоящая история Советского Союза — подлинная, научная. Я думаю, что наши специалисты-историки, настоящие россияне, были бы в состоянии это сделать и представить здесь, с этой высокой трибуны добротный научный доклад. Этого, увы, сделано не было.

Не было и доклада о роли религии в России и в истории в целом. Александр Оганович Чубарьян говорил в своём докладе о России, о том, что она во всех отношениях отличается от прочих стран мира, о её великой духовности, культуре и так далее. Всё это правильно. Но излагать настоящую историю без её существенных компонентов нельзя. Во все времена у всех народов, обращаю на это ваше внимание, была и есть религия, и так будет всегда. Это грандиозное явление обязательно должно быть научно исследовано. “Особость” России, её уникальная духовность связаны, в частности, с православием (ортоδοξία греч.) — греческой ветвью христианства, принятой здесь, на Руси, и трансформировавшейся в его особую разновидность — Русскую православную церковь. Это особая конфессия, особый духовный мир — Русская православная церковь. Вы хорошо понимаете, что я хочу сказать. Приведу только слова из стихотворения Владимира Высоцкого:

“Купола в России кроют чистым золотом,
чтоб Господь с высоты их признавал...”
(цитирую по памяти).

Без этого истории России нет. На эту тему можно целый курс лекций прочитать. А здесь об этом важнейшем компоненте истории русских народов, Российского государства, Российской империи не было сказано ни слова. Это неправильно, как и неправильно излагать историю любой страны и историю мира в целом без учёта религии. Без религии нет истории.

Не было здесь доклада о русском азиатском, так сказать, компоненте истории. Влияние Золотой Орды, влияние всего множества взаимодействий России с Востоком, с Дальним Востоком, Южным Востоком — это потрясающий феномен истории. Об этом нельзя не говорить!

Этот феномен формировал Россию, сделал её такой, какой она стала. Так же история России немыслима без деяний дома Романовых, без фантастического творчества великого реформатора царя Петра Романова, который подверг Россию сильнейшему влиянию со стороны Германии. Это важнейший фактор в истории России, об этом надо делать специальные публикации и доклады.

Таким образом, сегодняшняя высокая Научная сессия была, мягко говоря, нейтральной, а острые, важнейшие факторы истории Российского государства остались вне этого зала. Я не историк, но то, что я говорю, по-моему, “это элементарно, Ватсон”, как говаривал Шерлок Холмс.

Как можно проводить такую сессию, не учитывая важнейшие моменты истории нашего Отечества. Тем более что сейчас все кому не лень коверкают, фальсифицируют, оплёвывают историю нашего Отечества — из жёстких политических и масштабных конкурентных соображений. На это надо отвечать жёстким же образом, идеологическим и политическим наступательным отпором. Никто в России не должен забывать, что она — великая держава! Так было угодно Истории!

Я должен обязательно сказать ещё одну очень важную вещь. Здесь делал доклад академик Ю.С. Пивоваров. Он был избран по специальности “Отечественная история”, то есть он специалист в этой области и, казалось бы, должен был бы сделать несколько более содержательный доклад. Да, Сперанский, интересно, конечно, знать историю политической мысли в России. Однако это не самое важное в истории. А летом я видел передачу по телевизору с его участием.

Академик взаимодействует с лицами, которые есть явные и, увы, многочисленные противники России. Он вместе со Сванидзе, одним из самых ярких недругов СССР и России, вели ток-шоу, говорили о том, что роль власти, роль Сталина в Великой Отечественной войне и в нашей Победе была ничтожной, а победил в этой грандиозной войне народ. Это вроде того, что народ взял вилы наперевес, пошёл против немецких танков и победил их. Это было заявлено на весь мир! Заявлено, что был бы Сталин или не было бы его, была бы Советская власть или не было бы её, неважно, важно, что мы победили.

Этот нелепый эпизод на телевидении — базальная иллюстрация к знаменитой басне великого Ивана Андреевича Крылова “Слон и моська”: “Ай, Моська, знать она сильна, что лает на слона!”

Между тем эта власть, жёстко и талантливо руководимая И.В. Сталиным, за три месяца (!) переместила промышленность страны на Восток. Ко-

гда танки и авиация Германии, бронированная машина фашизма перемалывала нашу живую силу, наша промышленность была быстро смонтирована на новых местах и начала производить оружие возмездия, оружие Победы! Мальчики моего возраста, 12-летние мальчики стояли на деревянных ящиках за металлорежущими станками и точили корпуса для артиллерийских снарядов. И фронт получал необходимое оружие, материальное и продовольственное обеспечение!

Я в то время жил в Карабахе, где в деревне вязал за женщинами-жницами снопы, и сам серпом жал хлеб, делал всякую сельскую работу, выращивал шелковичных червей, которые создавали внутри себя золотистую тягучую жидкость — шёлк, очень нужный для производства парашютов материал. Во всех домах Карабаха в обязательном порядке выращивали этих червей, чтобы был шёлк для парашютов. Тогда ведь никаких искусственных тканей для этого не было.

А теперь вот говорят, что власть не участвовала в Победе. У меня даже пересохло в горле от гнева и возмущения. На весь мир говорить то, что говорил в телепередаче русский человек, академик Юрий Сергеевич Пивоваров, — это, знаете ли, возмутительно, предосудительно и преступно.

Имейте, пожалуйста, многоуважаемые коллеги, в виду это всё, имейте точное представление о правде: она всегда одна, надо держаться только её, а неправд — миллион! И обязательно отличайте добро от явного зла.

АКАДЕМИК Л.В. РОЗЕНШТРАУХ

Я хотел бы поделиться теми впечатлениями, которые произвела на меня научная сессия. Я не историк, я далёк от этого предмета, но, как любой член академии, испытываю большой интерес к затронутым темам. Мне думается, что именно это может всех нас объединить внутренне, духовно, сделать единомышленниками.

Понятно, что в рамках одной сессии невозможно рассмотреть все сюжеты нашей тысячелетней истории. Но людям, которые историей специально не занимаются, то, что здесь сегодня было сказано, представляется исключительно важным. До сих пор мы таких докладов не слышали.

АКАДЕМИК Ю.А. ИЗРАЭЛЬ

Считаю необходимым обратиться к президиуму Научной сессии и к редакционной комиссии. Хотя у нас теперь полная демократия, совершенно недопустимо заявлять на весь мир, будто бы

советская власть принесла стране одни лишь беды. Ведь все мы из этой страны вышли, эта страна поломала фашизм, и вряд ли нам удалось бы побороть фашизм, если бы не было этой страны! Подводя итоги нашего разговора, об этом обязательно надо сказать.

АКАДЕМИК А.Д. НЕКИПЕЛОВ

Насколько я помню, в течение всей сегодняшней сессии не прозвучало никаких оскорбительных высказываний в адрес Советского Союза. Мне кажется, это какое-то недоразумение. Мы все родились в Советском Союзе, получили образование, занимались наукой, многие знают друг друга с советских времён.

Была страна, у которой были свои выдающиеся достоинства, но были обстоятельства, на которые сегодня мы смотрим иначе, чем смотрели в то время. Так тоже бывает. По-моему, ничего оскорбительного ни в адрес СССР, ни людей, которые жили в Советском Союзе, сказано не было.

Историческая наука, как и вообще общественные науки, очень глубоко затрагивает каждого из нас. Но это не означает, что те, кто занимается общественными и гуманитарными науками, не должны стремиться объективно рассматривать предмет своего исследования. Представленные здесь доклады были выдержаны исключительно в научном духе, из чего, разумеется, не следует, что все мы должны быть согласны с высказанными положениями.

**НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

DOI: 10.7868/S0869587313060212

**РЕЗОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
“ИСТОРИЯ РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ”**

Общее собрание Российской академии наук рассмотрело состояние и перспективы развития академической исторической науки, её место в современной мировой историографии и отмечает, что исследования в области истории являются одним из приоритетных направлений деятельности Российской академии наук. В докладах научной сессии были продемонстрированы многообразие и эффективность существующих направлений академической историографии, высокий уровень исследовательских разработок. Постановка крупномасштабных вопросов в трудах учёных-историков сочетается с анализом локальных тем, рассматриваются макро- и микроаспекты исторического процесса, используются как классические методы исследований, так и современные компьютерные технологии.

Нынешний 2012 год — Год российской истории отмечен рядом крупных достижений академической историографии. Утверждённый федеральный план мероприятий по Году российской истории Российской академией наук в целом успешно выполнен. Проведены крупные научные конференции с участием зарубежных учёных, организованы выставки, выпущены фундаментальные монографические исследования по важным датам юбилейного года — 1150-летию зарождения российской государственности, 400-летию освобождения Москвы от иноземных захватчиков, 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года.

В области исторических наук сделаны фундаментальные открытия по проблеме происхождения человечества, дано обобщение археологических материалов по истории средневековой Руси, разработаны полные историко-этнографические описания ряда народов Российской Федерации, ведётся работа по изданию фундаментального труда “Всемирная история”. Значительно расширилась источниковедческая база отечественных гуманитариев, что связано с возможностью использования ранее недоступных архивных мате-

риалов. Учёными Российской академии наук на основе большого, в том числе впервые введённого в научный оборот материала, скорректированы сложившиеся представления об узловых проблемах всемирной истории, изучены основные этапы формирования Российского государства как уникальной евразийской державы.

Институты исторического профиля Российской академии наук являются крупными исследовательскими центрами, в состав которых входят историографические школы, получившие широкое признание мирового научного сообщества. Ежегодно ими выпускается более 800 книг — монографий, сборников статей, документов, справочных изданий по широкому кругу вопросов исторической науки. Разработан план подготовки многотомной “Истории России”.

Общее собрание Российской академии наук отмечает, что историческая наука должна быть представлена в перечне важнейших приоритетов развития науки и образования в Российской Федерации. Научную работу следует рассматривать также как один из центральных аспектов деятельности учреждений архивного и музейного профиля. Общее собрание Российской академии наук выражает озабоченность тенденцией сокращения планового набора студентов на исторические факультеты вузов страны. Работы учёных-историков Российской академии наук должны активнее учитываться в общественной жизни современной России, способствовать формированию исторически мыслящего российского гражданина, владеющего фундаментальными знаниями по истории своего Отечества.

*Президент
Российской академии наук
академик Ю.С. ОСИПОВ,
главный учёный секретарь
Президиума Российской академии наук
академик В.В. КОСТЮК*

DOI: 10.7868/S0869587313060121

Автор публикуемой ниже статьи даёт оценку российской системе по регистрации научной цитируемости, действующей с 2005 г., и делится своими соображениями по её усовершенствованию.

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

ВЗГЛЯД ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

О.В. Михайлов

На тему цитирования и цитируемости написано превеликое множество работ. Значение этой проблемы видно уже по тому факту, что ещё 40 лет назад в США был создан Институт научной информации (Institute of Scientific Information – ISI), который ныне является фактически международным научным учреждением, отслеживающим цитируемость учёных по всему миру (включая и страны бывшего СССР) в рамках системы Web of Science (WoS). Статистика цитируемости в мировом масштабе в той или иной степени отражается и в других базах данных, в частности Scopus, Social Sciences Citation Index, Arts and Humanities Citation Index. Это – международные системы, но в ряде стран существуют и свои национальные системы по регистрации цитируемости, например в Китае, где их даже не одна, а две – Chinese Science Citation Database и Chinese Sci-tech Paper and Citation Statistical Database [1–3].

В 2005 г. появился аналогичный отечественный продукт – Российский индекс научного цитирования (РИНЦ, RISC), который предназначен для отслеживания цитируемости российских учёных в российских научных изданиях (прежде всего в журналах), которые не фигурируют в вышеуказанных базах данных в силу своей малой востребованности на международном уровне и,

соответственно, имеют весьма низкие (0.05 и менее) значения импакт-фактора. Создание РИНЦ представляется полезным для наших учёных, которые по сей день в большинстве своём мало публикуются в международных и даже в российских научных журналах с более или менее значительными импакт-факторами по ISI. К таковым фактически относятся лишь журналы, издаваемые под эгидой Российской академии наук, в первую очередь журналы МАИК “Наука”. Не последнюю роль в появлении РИНЦ сыграло и то обстоятельство, что публикации по многим важным направлениям отечественной науки, и прежде всего по общественным и гуманитарным, ни в WoS, ни в Scopus практически не представлены.

Не вдаваясь в подробности, отметим здесь лишь ключевые количественные параметры системы, помещённые на сайте [4]. “Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) – это национальная информационно-аналитическая система, аккумулирующая более 2.3 миллионов публикаций российских авторов (здесь и далее подчёркнуто мной. – О.М.), а также информацию о цитировании этих публикаций из более 3500 российских журналов.... РИНЦ позволяет на основе объективных данных оценивать результативность исследовательской работы и детально исследовать статистику публикационной активности более 600 тысяч российских учёных и 6100 научных организаций, относящихся ко всем отраслям знаний... Хронологический охват системы – с 2005 года по настоящий день, по многим источникам глубина архивов больше. Общий объём публикаций, поступающих в РИНЦ ежегодно, составляет более 280 тысяч статей... Кроме того, из 3300 журналов, обрабатываемых в РИНЦ, более 2500 представлены в полнотекстовом виде на платформе eLIBRARY.RU, в том числе 1400 журналов – в открытом доступе, что позволяет в большинстве случаев ознакомиться и с тек-

МИХАЙЛОВ Олег Васильевич – доктор химических наук, главный научный сотрудник и профессор кафедры аналитической химии, сертификации и менеджмента качества Казанского национального исследовательского технологического университета.

стом оцениваемой публикации. В планах РИНЦ — обеспечить к 2013 году полное покрытие 1500 самых авторитетных российских журналов за 10 лет (с 2003 по 2012 год)".

Вышеуказанные цифры, прямо скажем, впечатляют; при этом упор сделан на журнальные статьи, что вполне естественно, ибо в развитых в научном отношении странах наиболее значимыми считаются именно статьи в научных журналах, а не монографии, патенты, диссертации и тем более не отчёты и тезисы докладов. При этом для всех российских журналов в РИНЦ рассчитывается не только "классический" импакт-фактор I_F , который широко используется во всём мире для оценки уровня научных журналов (и который, кстати, во многих случаях весьма существенно отличается от импакт-фактора по базе данных ISI), но и более сложные библиометрические показатели: объём, состав и хронологическое распределение журналов в базе данных, число соавторов в каждой из конкретных публикаций конкретного исследователя и т.п., вплоть до "возраста" публикации. Очень важным моментом в отслеживании цитируемости отдельно взятых авторов является дифференциация так называемого самоцитирования и цитирования другими соавторами (чего до сих пор нет ни в WoS, ни в Scopus). Предусмотрены и такие позиции, как "распределение по тематике, году, журналу, в котором была опубликована работа, соавторам, организациям, в которых выполнялись работы, типу публикаций и т.д." [4].

Аналогичные показатели могут быть рассчитаны и для учреждений науки, образования и др., где работают соответствующие исследователи. В качестве иллюстрации в таблице представлены библиометрические данные по WoS и РИНЦ для самого цитируемого ныне исследователя в Российской Федерации — профессора Уфимского государственного авиационного технического университета Р.З. Валиева, взятые из источников [4, 5]. Рассматриваемые системы цитируемости делают акцент, в общем-то, на разные параметры — из более чем 20 перечисленных в таблице показателей общими оказываются лишь 4. При этом "самостоятельных", то есть присутствующих лишь в одной из двух систем, показателей в WoS — 10, в РИНЦ — 9, можно говорить, что они как бы дополняют друг друга.

Заметим в связи с этим, что РИНЦ имеет соглашения с компаниями Thomson Reuters и Elsevier, позволяющие делать запросы непосредственно в базы данных WoS и Scopus и получать оттуда текущие значения показателей цитирования публикаций. Таким образом, в принципе в интерфейсе РИНЦ можно будет "увидеть" одновременно число цитирований какой-либо публикации в каждой из трёх этих систем; такая возможность (причём бесплатная) доступна для всех зарегистрированных в РИНЦ авторов. Следует

добавить, что "база данных РИНЦ находится и будет находиться в открытом доступе, в том числе... всегда будут доступны основные библиометрические показатели, рассчитываемые для авторов, организаций и научных журналов, списки их публикаций и цитирований. Открытость РИНЦ... способствует свободному распространению информации о российских публикациях в мире, что приводит в конечном счёте и к повышению цитируемости этих публикаций. Отдельные сервисы для научных организаций и издательств, расширяющие возможности РИНЦ, могут предлагаться на платной основе, однако сам РИНЦ — это некоммерческий проект" [4]. Если это не просто красивые слова, то можно лишь порадоваться за наших учёных, получивших в своё распоряжение столь интересный и важный источник информации.

На базе РИНЦ ныне создаётся информационно-аналитическая система SCIENCE INDEX, позволяющая проводить более детальные аналитические исследования и рассчитывать более сложные наукометрические показатели, чем это имеет место ныне в базовом интерфейсе РИНЦ. Основное внимание на первом этапе развития данной системы предполагается уделить разработке функциональности, позволяющей улучшить качество информации в РИНЦ путём привлечения к работе по уточнению информации, исправлению ошибок и привязке публикаций и ссылок к авторам, организациям и журналам как научных организаций и издательств, так и самих учёных. SCIENCE INDEX в первую очередь рассчитана на научные организации, которые получают целый набор инструментов для управления списком своих публикаций и его анализа, в том числе возможность добавлять публикации, отсутствующие в РИНЦ (причём не только статей в научных журналах, но и других разновидностей научных публикаций).

Приведённая информация о РИНЦ, конечно, не исчерпывает того, что можно найти на сайте [4], но автор настоящей статьи не ставит своей целью изложение всех деталей и тонкостей данного программно-компьютерного продукта. Для рядового пользователя этой системы, к каковым автор относит и себя, более интересным, пожалуй, будет не то, что в ней есть, а то, чего в ней нет или что представлено не совсем подходящим образом.

Начнём с вопроса: зачем в базах данных по цитируемости сотрудников *любой научной организации* наряду с теми лицами, для которых эта организация является основным местом работы, фигурируют ещё и те, которые числятся там по совместительству или даже вообще в данный момент не работают, но имеют совместные публикации со штатными сотрудниками? Так, если в опции "Авторский указатель" графу "Город" не за-

Наличие библиометрических показателей цитируемости отдельно взятых исследователей в базах данных ISI и РИНЦ

Библиометрический показатель	Наличие данного показателя в базе данных WoS	Наличие данного показателя в базе данных РИНЦ
Суммарное цитирование CI_{tot}	23880	24509
Максимальное цитирование одной работы CI_{max}	2697	Нет
Суммарное цитирование работ, опубликованных в последние N лет CI_N	3903 ($N = 7$ лет)	12134 ($N = 5$ лет)
Суммарное цитирование статей с нормировкой цитирования каждой статьи на число её авторов $\sum CI_i/N_i$	6986.3	Нет
Суммарное цитирование статей, опубликованных за последние N лет, с нормировкой цитирования каждой статьи на число её авторов $\sum_{N \text{ лет}} CI_i/N_i$	1098.4	Нет
Суммарное цитирование работ, в которых данный исследователь является первым автором	11455	Нет
Максимальное цитирование одной из работ, в которых данный исследователь является первым автором	2697	Нет
Суммарное цитирование работ, в которых данный исследователь является первым автором, за последние N лет	1951	Нет
Максимальное цитирование одной из работ, в которых данный исследователь является первым автором, за последние N лет	1028	Нет
Индекс Хирша	71	66
Общее число работ, реферируемых в базе данных M_{ref}	500	Нет
Общее число упоминаний работ M_{all}	1145	980
Среднее число соавторов в публикациях исследователя N_{cp}	3.84	Нет
Год первой публикации, упомянутой в базе данных	1972	Нет
Средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых опубликованы статьи исследователя	Нет	1.926
Средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых процитированы статьи исследователя	Нет	1.946
Среднее число цитирований в расчёте на одну публикацию	Нет	29.27
Общее число различных соавторов в статьях исследователя	Нет	641
Число самоцитирований (% от общего числа цитирований работ исследователя)	Нет	3899 (15.9%)
Число публикаций автора, в которых процитированы работы исследователя	Нет	9005
Число публикаций исследователя, процитированных хотя бы один раз	Нет	832

полнять, в графе “Сортировка” задать “по числу цитирований”, а в графе “Порядок” — “по убыванию”, то для образовательного учреждения, в котором работает автор этих строк, — ФГБОУ ВПО “Казанский национальный исследовательский технологический университет” — РИНЦ выдаст весьма внушительный список из 1418 лиц. Пусть так, но вот незадача: первые 10 лиц из списка имеют основное место работы в других организациях; среди первых 20 лиц таковых 19, среди первых 30 — 28. Лица, для которых указанный университет является основным местом работы, занимают в этом списке 11-ю и 27-ю позицию соответственно. Заметим, что в списке немало людей из других городов (причём в первой десятке таковых 6). Причислять к “лику” нашего ува-

жаемого вуза подобных личностей (пусть даже и очень значимых по своей цитируемости) — всё равно что, скажем, в состав футболистов “Спартак” занести нынешних знаменитостей вроде Месси, Роналду, которые за этот футбольный клуб никогда не играли и, скорее всего, играть не будут. Правда, если в графе “Город” задать “Казань”, то в таком варианте представители указанного университета займут 6-, 15-, 16-, 17- и 20-ю позиции. Но сделать так, чтобы в списке фигурировали лишь те, для кого данная организация является основным местом работы, не получается. Конечно, не требуется какой-либо суперкомпьютерной грамотности, чтобы отделить при необходимости “своих” от “чужих”: в простейшем варианте можно просто скопировать соответству-

ющую страницу сайта и, используя какой-либо редактор Word, редактировать далее. Но всё же для пользователя это лишние усилия, без которых вполне можно было бы обойтись, если бы разработчики РИНЦ внесли соответствующие коррективы в данную систему.

На сайте РИНЦ можно найти следующую основную информацию: “С 2011 года авторы научных публикаций получили возможность зарегистрироваться и самостоятельно проверять и уточнять списки своих публикаций и цитирований в РИНЦ, на основании которых проводятся наукометрические расчёты. За год с момента открытия регистрации уже более 90 тысяч авторов воспользовались этой возможностью, что составляет примерно треть от общего количества публикуемых в настоящее время российских учёных. Каждый зарегистрированный учёный получает уникальный идентификатор (SPIN-код), позволяющий в дальнейшем однозначно идентифицировать его как автора научных публикаций”. Оспаривать эти цифры не берёмся, но заметим, что возможность для личной корректировки своих личных библиометрических показателей в РИНЦ пока остаются довольно ограниченными.

Действительно, в настоящее время автор, чьё имя зарегистрировано в системе SCIENCE INDEX, в определённых условиях может корректировать свои показатели цитируемости (через опцию “Обновить показатели автора”). При таком обновлении, однако, нередко наблюдается следующая картина. По мере того, как цитируются зарегистрированные ранее в базе данных РИНЦ статьи, общее количество ссылок на данного автора в той или иной степени растёт, а вот количество его статей либо не меняется, либо даже (что совсем уж непонятно) сокращается. К примеру, у автора этих строк в мае 2012 г. в базе данных РИНЦ значилось 342 статьи и 1733 ссылки на них, тогда как в середине января 2013 г. — 332 статьи и 1919 ссылок. Куда (и главное — почему) исчезли из базы данных РИНЦ ни много ни мало 10 статей — неизвестно. Ещё одно странное обстоятельство: на моей “персональной странице” в РИНЦ на конец января 2013 г. значились лишь статьи, увидевшие свет по 2011 г. включительно (да и то не все за указанный год), тогда как на “персональных страницах” ряда моих коллег из университета — и статьи 2012 г. (причём практически в полном ассортименте). В связи с этим, как мне представляется, было бы полезным предоставить зарегистрированным в SCIENCE INDEX авторам возможность самим корректировать свои показатели по числу статей путём добавления перманентно появляющихся у них новых публикаций — не декларативно, как это делается в приведённой выше выдержке, а на деле, что существенно повысило бы оперативность “отклика” РИНЦ на них в целом. Ведь в настоящее время,

похоже, корректировка числа статей каждого автора проводится лишь раз в год (причём в разное время в зависимости от первой буквы его фамилии), да и учитываются при этом зачастую лишь прошлогодние его статьи. С другой стороны, счёт авторов статей ныне идёт на десятки и сотни тысяч, если не на миллионы, и уследить за всеми их публикациями (пусть даже только статьями) РИНЦ вряд ли под силу. Предоставление указанного выше права может дать вполне реальные и полезные результаты, учитывая то, что и авторы, и организации, и журналы заинтересованы в том, чтобы касающаяся их информация в РИНЦ была максимально точной и полной.

Даже при беглом сопоставлении показателей, которые отражены в WoS и РИНЦ (см. табл.), видно, что среди показателей РИНЦ фактически никак не отражена значимость конкретного автора в его собственных публикациях. Например, в отличие от WoS в РИНЦ не представлены ни данные о среднем числе авторов в публикациях, ни сумма долей их вклада в отдельно взятые публикации и в их совокупность. Единственная цифра, которая способна хоть как-то пролить свет на данное обстоятельство, — так называемое общее число соавторов в публикациях. Имеется в виду “число авторов, совместно с которыми публиковались работы”, оно к тому же “может быть завышено из-за различных вариантов транслитерации фамилии и инициалов” [4]. Удивляться этому, однако, особенно не приходится, поскольку и в бывшем СССР, и в нынешней РФ эти показатели никогда не учитывались, скорее всего, потому, что у большинства администраторов и чиновников от науки они, мягко говоря, оказывались “не очень”.

На Западе уже давно существует соответствующая дифференциация исследователей с учётом указанных выше моментов. Более того, ряд научных фондов ставит одним из *обязательных* условий предоставления гранта тому или иному исследователю наличие у него некоторого количества статей в авторитетных научных журналах, в каждой из которых он является *первым* автором. У нас такого требования к соискателям грантов ни в одном фонде нет, даже в РФФИ и РГНФ. Как бы то ни было, оба вышеуказанных показателя в РИНЦ фигурировать, безусловно, должны.

Не менее полезным представляется и появление в РИНЦ ещё одного показателя, присутствующего в WoS, а именно, суммарного цитирования статей с нормировкой цитирования каждой статьи на число её авторов. Например, если автор имеет 3 статьи с общим числом ссылок на них, равным 100, с раскладом по статьям 30, 50 и 20, причём в первой из них 5 авторов, во второй — 10 и в третьей — 3, то доля цитируемости данного автора в них составит $(30/5 + 50/10 + 20/3) = 6.00 + 5.00 + 6.33 = 17.33$. Автор же всего лишь одной

статьи с количеством ссылок 40, в которой других соавторов нет, будет иметь долю цитируемости $40/1 = 40.00$. Целесообразно было бы ввести в РИНЦ и такой параметр, как средняя позиция конкретного исследователя в своих публикациях, определяемая как частное от деления совокупности произведений числа соавторов на номера мест данного автора в его публикациях на общее число этих публикаций. Так, если общее число публикаций у него равно 20, причём в трёх он находится на первом месте, в шести — на втором, в четырёх — на третьем, в двух — на пятом, в оставшихся пяти — на шестом, то средняя позиция составит $(3 \cdot 1 + 6 \cdot 2 + 4 \cdot 3 + 2 \cdot 5 + 5 \cdot 6)/20 = 67/20 = 3.35$. Последний параметр, кстати, уникален, его нет ни в WoS, ни в Scopus.

Как упоминалось выше, в настоящее время в РИНЦ и SCIENCE INDEX проводится дифференциация по цитируемости и самоцитируемости, но только этого недостаточно для характеристики личной цитируемости исследователя. Было бы неплохо ввести в рассматриваемую систему градацию ссылок с раскладкой их по категориям, перечисленным в работах [6, 7], а именно:

- цитирование публикации кем-либо из тех лиц, которые не являются её соавторами и которые никогда не были таковыми ни для данного исследователя, ни для его соавторов;
- цитирование публикации кем-либо из тех лиц, которые не являются её соавторами и которые никогда не были таковыми для данного исследователя, но были таковыми хотя бы для одного из других соавторов;
- цитирование публикации кем-либо из тех лиц, которые не являются её соавторами, но которые являются соавторами данного исследователя по другим публикациям (независимо от срока их выхода в свет);
- цитирование публикации кем-либо из её соавторов, за исключением того, для которого в данный момент определяется индивидуальный рейтинг научной деятельности;
- цитирование публикации тем из её соавторов, для которого в данный момент определяется индивидуальный рейтинг научной деятельности (самоцитирование).

Безусловно, во внимание следует принять ссылки всех пяти категорий, но при этом оттенить их различную значимость: совершенно очевидно, что любому исследователю труднее получить на свою публикацию первую из вышеуказанных ссылок и проще — пятую. Ещё более полезным бы-

ло бы подсчитать для каждого автора тот индекс цитирования, который описан в [6] и включает в себя целый ряд показателей (в частности, только что отмеченные пять разновидностей цитирования), каждый из которых может быть определён в рамках SCIENCE INDEX.

В данной статье затронут лишь весьма небольшой перечень тех проблем и недочётов, которые имеются в ныне действующих вариантах РИНЦ и SCIENCE INDEX. Осталась “за кадром”, например, проблема учёта “двойного цитирования”, связанная с существованием двух параллельных версий одной и той же по сути публикации, а именно русскоязычной и англоязычной, имеющих место в переводных журналах МАИК “Наука” (что может приводить к некоторому завышению количества публикаций и количества цитирований автора). В настоящее время остаётся ещё немало пробелов и “белых пятен” как в базах данных рассматриваемой системы, так и в том ассортименте библиографических показателей авторов, которые надлежит определять вообще и в частности. Тем не менее, подводя итоги вышесказанному, можно констатировать: в РФ создан свой, оригинальный программно-компьютерный продукт, позволяющий уже сейчас на достаточно высоком уровне отслеживать весьма разнообразные показатели, связанные с публикуемостью и цитируемостью российских исследователей в разных городах и весях. Как говорится, нет предела совершенству, и хотелось бы верить, что в будущем про эту систему с гордостью скажут: “Сделано в России”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Liansheng M.* Document database construction in China in the 1990s: A review of developments // The Electronic Library. 2000. V. 18. № 3.
2. *Wu Y., Pan Y., Zhang Y. et al.* China scientific and technical papers and citations (CSTPC): history, impact and outlook // Scientometrics. 2004. V. 60. № 3.
3. *Jin B., Wang B.* Chinese Science Citation Database: its construction and application // Scientometrics. 1999. V. 45. № 2.
4. Web-site <http://elibrary.ru/authors.asp>
5. Web-site http://expertcorps.ru/science/whoiswho/by_branch/chem
6. *Михайлов О.В.* Новый индекс цитирования исследователя // Вестник РАН. 2012. № 9.
7. *Михайлов О.В.* Блеск и нищета “индекса цитирования” // Вестник РАН. 2004. № 11.

DOI: 10.7868/S0869587313060236

СТРЕМЛЕНИЕ И ЛЮБОВЬ К НАУЧНОЙ ИСТИНЕ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН Г.В. ВУЛЬФА

Георгий Викторович Вульф. Начало 1890-х годов

В истории отечественной и мировой науки Георгий (Юрий) Викторович Вульф известен своим вкладом в становление и развитие физики кристаллов, работами в области кристаллооптики, рентгеноструктурного анализа, геометрической кристаллографии и минералогии [1], а также деятельностью в сфере просвещения и популяризации науки.

Г.В. Вульф родился 22 июня 1863 г. в Чернигове в многодетной семье учителя словесности, позже ставшего директором Черниговской, затем Полтавской и, наконец, 6-й Варшавской гимназии, в которой Вульф-младший получил хорошее школьное образование. В гимназические годы он увлёкся математикой, проявив незаурядные способности, а также естествознанием, в основном теми его вопросами, которые позволяли успешно применять полученные им математические знания.

Определившись с выбором будущего занятия, 17-летний юноша по окончании гимназии поступает на физико-математический факультет Варшавского университета. Математику там преподавал известный учёный Н.Я. Сонин, физику читали Н.Е. Егоров и П.А. Зилов, кристаллографию и минералогию — известный петрограф А.Е. Лагорио, которого Вульф считал своим учителем в этой области.

В годы обучения и первых шагов научной деятельности Вульфу помогло близкое знакомство с математиком Г.Ф. Вороным и механиком П.О. Сомовым. Исследования первого были близки к проблемам геометрической кристаллографии, занятия второго векторным анализом — к языку кристаллофизики — векторному и тензорному исчислениям. Физики Н.Е. Егоров и П.А. Зилов, не являясь крупными учёными, но будучи талантливыми педагогами, сумели на примерах показать Вульфу и убедить его в немалых возможностях эксперимента при исследовании физических свойств кристаллов, что позволило ему в дальнейшем создать собственное направление в изучении кристаллов, названное им кристаллофизикой [2].

Таким образом, освоение молодым учёным экспериментальной и теоретической физики как знаний и методов исследования началось в университетские годы, уже тогда он начал осознавать пользу физики для развития кристаллографии, поэтому уделял особое внимание её изучению и даже сделал первую опытную работу. С неё и началась научная деятельность Вульфа.

Темой работы, предложенной П.А. Зиловым, предоставившим для её выполнения оптическую аппаратуру, а также помогавшим своему ученику ценными советами, явилось изучение пьезоэлектрических свойств кристаллов кварца. За неё 21-летний кандидат-стипендиат по кафедре минералогии Г. Вульф был удостоен золотой медали, а позднее работа была опубликована в университетских «Известиях».

В 1885 г. Вульф окончил Варшавский университет со степенью кандидата и был оставлен при

Варшавский университет, в котором учился и работал Г.В. Вульф

кафедре минералогии для подготовки к профессорской деятельности. Отдавая предпочтение точным дисциплинам, он оказался в созвучии с наукой того времени, когда кристалл стал рассматриваться не только как геометрическое тело, но и “как физический объект, тесно связанный в своём росте с окружающей его средой” [3, с. 41]. Этот факт интересовал также В. Рентгена, П. Кюри, А.Ф. Иоффе и других учёных, чьими усилиями знание и методы физики нашли применение в кристаллографии.

В конце 1888 г. Вульф отправляется на полугодовую стажировку в Петербург, где знакомится с Е.С. Фёдоровым, впоследствии крупным учёным, сыгравшим важную роль в развитии структурной кристаллографии. Вульф был покорён личностью Фёдорова-учёного, учился у него и подражал ему, но скоро их отношения по ряду субъективных причин сойдут на нет.

Следующие два года Вульф работает в Мюнхенском университете, в лаборатории кристаллографа П. Грота, где, выбрав для изучения две соли — сернокислый бериллий и двойной сульфат калия и лития, приходит к выводу, что установить внутреннюю структуру кристаллов можно путём сопоставления внешней формы и симметрии с физическими, прежде всего оптическими, свойствами. Полученные им результаты были опубликованы там же, в Германии. Причём у Грота Вульф не только занимается наукой и знакомится с постановкой экспериментов с кристаллами у не-

мецких учёных, но и способствует публикации работ Е.С. Фёдорова в известном в Европе “Кристаллографическом журнале”, основателем и редактором которого был Грот. В журнале печатали свои работы и другие русские учёные.

Затем Вульф отправляется в Парижскую политехническую школу, где работает в лаборатории крупного французского физика профессора А. Корню. Здесь 28-летний русский учёный успешно занимается совершенствованием оптического метода Корню, повышением его точности при измерении деформации твёрдых тел. Результаты этой работы он обнаружит на родине лишь в 1893–1894 гг. в виде большой научной статьи в “Варшавских университетских известиях”.

В Париже Георгий Викторович обвенчался с Верой Васильевной Якунчиковой, их семейная жизнь продлилась 30 лет.

Обобщением проведённых за рубежом работ стала магистерская диссертация “Свойства некоторых псевдосимметрических кристаллов”, которую Вульф защитил в конце мая 1892 г. в Варшавском университете, где ему было присвоено звание приват-доцента кафедры минералогии. Тогда же он обратился к такому разделу кристаллографии, как рост кристаллов. Учёный обнаружил влияние силы тяжести на форму кристалла при его росте, изобрёл кристаллизатор, позволивший ему проводить необходимые измерения, разработал метод получения кристаллов правильной формы и вывел принцип минимума поверхност-

Вера Васильевна Якунчикова (1871–1923)

ной энергии при образовании кристалла в равновесных условиях (принцип Кюри–Вульфа). В его основе “лежит физика взаимодействия среды и кристалла, отражённая в поверхностной энергии граней. Именно она диктует, при термодинамическом равновесии, форму кристалла и скорость роста его граней” [4, с. 82]. Заметим, что творчество Вульфа уже со студенческих лет было тесно связано с исследованиями П. Кюри по пьезоэлектричеству, симметрии, а также по образованию кристаллов и роли в этом процессе капиллярных сил [5].

В 1895 г. Георгий Викторович представил учёному совету физико-математического факультета университета докторскую диссертацию “К вопросу о скорости роста и растворения кристаллических граней”. К этой теме он подошёл как физик, введя количественные характеристики и развивая соображения Кюри об энергетических закономерностях роста кристаллов. Возможно, поэтому диссертация не была тогда понята минералогами и не принята к защите. Защита состоялась в Новороссийском университете в 1896 г., а в следующем году, получив назначение из Министерства просвещения, Вульф становится экстраординарным профессором кафедры минералогии и кристаллографии Казанского университета. Однако, спустя три семестра, в звании ординарного профессора его назначают на кафедру минералогии Варшавского университета. Здесь он преподаёт, ведёт научную работу, продолжает экспериментальные исследования. В 1905 г. профессор организовал и возглавил Варшавское отделение

“Академического союза”, выступавшее за преподавание в университете на польском языке. По этой причине отношения между русскими преподавателями и студентами-поляками складывались непросто, и в итоге всё закончилось студенческими волнениями.

Тем не менее проведённые в Варшавском университете годы были для Вульфа довольно плодотворными. Здесь он сформировался как учёный с собственной методикой исследований. Преподавая минералогию и кристаллографию, он занимается геометрической кристаллографией. Об этом свидетельствуют его доклады “О систематическом уклонении углов кристалла от нормальных величин”, “О способе вычисления кристаллов из измерений с помощью теодолитного гониометра” и др. В них содержалась информация о его новых приспособлениях и методах, теоретических выводах и областях применения, позволивших ему внести существенный вклад в кристаллографию. Он предложил сконструированную им линейку, способ работы со стереографической проекцией и специальную сетку (сетка Вульфа), которую впоследствии применяли во всех лабораториях мира, а также познакомил с собственным методом анализа погрешностей при работе с гониометром.

Таким образом, занимаясь кристаллографией, Вульф подошёл к её законам, определяющим форму кристаллов, как физик-профессионал со своими представлениями, методами и подходами, “рассматривая их как любой физический закон, который выполняется с той или иной степенью точности. Это прежде всего касается двух основных кристаллографических законов: закона постоянства углов кристалла и закона рациональных параметров” [4, с. 95].

Одним из научных увлечений Вульфа стала симметрия кристаллов. Опираясь на открытия европейских и отечественных кристаллографов, он предложил принять за её основу плоскость зеркального отражения. В таком случае симметрия есть следствие отражения в одной или нескольких зеркальных плоскостях (плоскостях симметрии), действующих порознь, попарно и по три. Учёный предложил также номенклатуру классификации видов симметрии, но она не привилась. Не приняли кристаллографы и плоскости зеркального отражения Вульфа, однако как методический приём её широко использовали российские учёные. Так, в 1907 г. его применил ученик Е.С. Фёдорова А.К. Болдырев при выводе групп симметрии конечных и бесконечных систем, а затем Н.В. Белов с помощью этого метода наглядно вывел все 230 пространственных групп симметрии, предсказанных в своё время Е.С. Фёдоровым и А. Шёнфлисом.

Университет Шанявского, в котором Г.В. Вульф преподавал с 1911 г. по апрель 1917 г.

Как отмечалось, Вульф изучал и оптические свойства кристаллов. Свои выводы он опубликовал в 1888 г. в “Журнале Русского физико-химического общества”. В одной из статей описаны методы измерения угла поворота плоскости поляризации света и предложена конструкция поляризационных призм, в другой — изложен способ построения геометрическими методами “зажигательных кривых”.

В 1907 г. Г.В. Вульф — приват-доцент кафедры минералогии физико-математического факультета Варшавского университета, но спустя год он по выслуге лет выходит в отставку и переходит в Московский университет. В 1909 г. он перевозит в Москву лабораторию, которую создал на собственные средства, работая в Варшаве и выполняя ряд важных экспериментов с кристаллами. В Москве Георгий Викторович устанавливает научные и дружеские связи с П.Н. Лебедевым, А.А. Эйхенвальдом, Б.К. Млодзеевским и Н.А. Шиловым, принимает участие в работе физического коллоквиума университета, которым тогда руководил П.Н. Лебедев, выступает на его заседаниях с результатами своих исследований и гипотезами, касающимися кристаллов, а также знакомится с основами физики рентгеновских лучей.

Из письма П.П. Лазарева П.Н. Лебедеву: “<Вульф> показывал свою лабораторию, где у нас и состоялся коллоквиум, и после ряда весьма интересных демонстраций по кристаллооптике сделал сообщение о росте кристаллов. Между прочим, кроме теоретических соображений, он приводил ряд опытных данных, которые должны были показать, что кристалл растёт так, что его объём всё время стремится при данном количе-

стве вещества оставаться наименьшим” [6, с. 326]. Теперь всё внимание Вульф смог сосредоточить на исследованиях в области кристаллографии. При этом использованная им методика в изучении кристаллов, весьма эффективная “по своей точности, простоте и изяществу” [3, с. 42] содействовала развитию этой науки. Тогда же он организовал кристаллографическую лабораторию в Народном университете им. А.Л. Шанявского, привлекая для работы в ней новые таланты.

В 1911 г. вместе с группой прогрессивно настроенных профессоров — П.Н. Лебедевым, Н.А. Умовым, В.И. Вернадским, К.А. Тимирязевым и другими — Г.В. Вульф подаёт в отставку в знак протеста против введения полиции на территорию Московского университета и переходит в университет Шанявского заведующим кристаллографической лабораторией. В 1912 г. учёный становится заведующим и минералогической лабораторией, где продолжает исследования по физике кристаллов.

Между тем в апреле 1912 г. М. Лауэ вместе с В. Фридрихом и П. Книппингом на опытах обнаружили дифракцию рентгеновских лучей, что позволило выявить их волновой характер, подтвердить реальность атомов и даже измерить расстояние между материальными частицами, составляющими кристаллическую решётку. Благодаря открытию и применению рентгеноструктурного анализа началось активное изучение атомной структуры вещества.

В ноябре того же года У.Л. Брэгг вывел формулу, связывающую межплоскостные расстояния в кристаллах с длиной волны рентгеновских лучей

и углами отблеска. Позднее он подчеркнёт, что “с помощью рентгеновых лучей мы узнаём расстояние от некоторого слоя, в котором расположены атомные группы, до следующего слоя атомных групп, совершенно подобного первому”. И далее Брэгг с удовлетворением добавит: “В некоторых случаях анализ кристаллов зашёл так далеко, что мы точно знаем место каждого атома в единичной ячейке” [7, с. 136, 137]. С этого момента благодаря рентгеноструктурному анализу кристаллография, разумеется, учитывая внешнюю форму кристалла, должна была непременно основываться на точных сведениях о расположении атомов внутри кристалла.

Георгий Викторович с самого начала был в курсе научных событий, происходивших в Германии и Англии, сразу же оценил значимость проведённых там экспериментов с рентгеновскими лучами по исследованию структуры кристаллов и приступил к теоретическому осмыслению полученных результатов. Так, в письме к П. Гроту он подчёркивал, что из работ мюнхенских учёных следует вывод о сетчатой структуре кристаллов. Основываясь на опытах, проведённых в 1912 г. на рентгеновской установке вместе с Н.Е. Успенским, Г.В. Вульф приходит к заключению, что дифракционный спектр кристалла образован совокупностью лучей, отражённых не только его внешним, но и внутренними семействами плоскостей, что позволяет определить структуру кристалла. К сожалению, лишь в феврале 1913 г. Вульф опубликует полученные выводы в немецком журнале “*Physikalische Zeitschrift*” в статье “О рентгенограммах кристаллов”, приведя в ней свою формулу, совпадающую с брэгговской. С этого момента он пропагандирует применение рентгеновских лучей для изучения структуры кристаллов, разъясняя их научное и практическое значение в научных и популярных статьях, которые выходят в журнале “Природа” и других изданиях.

Поскольку Вульф провёл независимые от Брэгга исследования, которые привели его к той же математической формуле (причём Брэгг установил её лишь эмпирически, а Вульф — теоретически), то, по мнению отечественных учёных-кристаллографов и историков науки, справедливо называть эту формулу формулой Вульфа—Брэгга. Название это утвердилось в отечественной кристаллографии [8].

Полученная Брэггом и Вульфom формула остаётся основной формулой рентгеноструктурного анализа. Согласно Вульфу, теперь “учение о кристаллах должно ... стать главою физики, главою, усвоить которую необходимо всем, интересующимся не только физикой твёрдого вещества, но и физикой вообще, доказательство чему мы видим в учении о рентгеновских лучах” [2, с. 28]. Таким образом, в своём творчестве Вульф, начав с

решения задач кристаллографии и минералогии методами и средствами физики, в итоге стал тем профессиональным физиком, который при исследовании кристаллов успешно применял эксперимент и теорию. Физиками он был признан “своим” и по научным публикациям, и по активному участию в работе различных физических обществ и съездов.

Исследования Вульфа, как и других учёных, были надолго прерваны войной, революцией, разрухой. Возможно, этим объясняется незавершённость рентгеновских работ учёного, “их качественный характер на фоне стремительного развития на Западе прямых методов структурного анализа” [4, с. 192]. И потому формула Вульфа—Брэгга в мировой науке так и осталась формулой Брэгга.

В 1917 г. Георгий Викторович был восстановлен в должности приват-доцента кафедры минералогии Московского университета, избран членом совета Московского физического общества и председателем секции физики Научно-технического общества Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). В 1919 г. он создаёт Институт физико-химического исследования твёрдого вещества при ВСНХ, назначается его заведующим и руководителем отдела кристаллофизики. В 1919 г. учёного избирают профессором кафедры минералогии Московского университета, в 1921 г. — председателем Физического общества им. П.Н. Лебедева, членом-корреспондентом Российской академии наук и членом Российской академии художественных наук. В 1922 г. при Московском университете был создан Институт физики и кристаллографии (позднее Научно-исследовательский институт физики), который по праву возглавил Г.В. Вульф.

По воспоминаниям А.В. Шубникова, ученика Г.В. Вульфа, впоследствии академика, первого директора Института кристаллографии РАН, ныне носящего его имя, у Георгия Викторовича «была поразительная способность быстро ориентироваться в совершенно новых для него областях науки, попадать, как говорится, в самую точку. ...Известно было, что <он> “тянет” кристаллографию в физику...». Вместе с тем в повседневной жизни для него “характерны были замкнутость, медлительность, ненаходчивость, осторожность в суждениях...” [3, с. 45, 46].

Как учёный, сформировавшийся в среде специалистов разных наук, Вульф обладал широким научным кругозором. Достаточно назвать его работы по определению высоты кучевых облаков или роли метеоритов во Вселенной. Подчас это приводило их автора и к конфузам. Например, он приходит к выводу, что давление света влияет на давление в земной атмосфере. Расчёты физика П.Н. Лебедева показали: это давление так мало, что никакого заметного воздействия на распределение давления в атмосфере оказывать не может,

а в адрес Вульфа Лебедев скажет: “И охота ему была писать о том, что ему не известно!” [6, с. 345].

Своим творчеством Вульф оказал благотворное влияние на воспитание целого ряда молодых талантливых учёных — специалистов в области кристаллографии и кристаллофизики. В Варшавском университете это был С.А. Вейберг, в Московском университете и Университете Шанявского — Е. Дейша, Л.И. Лисицын, Н.Е. Успенский, А.Б. Млодзеевский, А.В. Шубников и другие. Впрочем, общение с молодыми талантами, сводившееся лишь к отдельным советам с его стороны, созданию собственной научной школы не способствовало. Но у него были самые близкие ученики, продолжатели его направлений и традиций в науке — А.В. Шубников (пьезоэлектричество и оптика кристаллов), Е.Е. Флинт (геометрическая кристаллография) и С.А. Вейберг (рост кристаллов). Стремление Вульфа убедить кристаллографов в том, что эта наука является органичной частью физики твёрдого тела, позднее нашло подтверждение в творчестве академика А.В. Шубникова. Он, следуя учителю, по существу завершил переориентацию кристаллографии (сохранив в ней метод симметрии) в физическую науку и тем самым узаконил её правила в изучении кристаллов.

Неотъемлемой частью деятельности Вульфа была педагогическая и просветительская работа. Причём научная деятельность в существенной мере определялась тематикой читаемых им лекций, а проводимые им исследования порождали новые спецкурсы. Например, когда он изучал процессы роста и растворения кристаллов, то читал студентам курс “О явлениях кристаллизации”. Вульф был убеждён в том, что вузовский преподаватель в идеале должен быть активно работающим исследователем в тех областях знаний, с которыми он намерен знакомить молодёжь: “Жизнь давно показала, что нельзя учить и учиться в высшем учебном заведении, не участвуя активно в прогрессе науки, что только там будет живой интерес к науке, где наука движется вперёд” [4, с. 213].

Преподаванием учёный занимался в Варшаве и Казани, в Москве и Петрограде. Его лекции, весьма содержательные, излагавшиеся на прекрасном литературном языке, были гармонично связаны с демонстрацией оригинальных экспериментов, соответствующих теоретическому материалу. Чтение лекций нередко приводило Вульфа к созданию учебных курсов, таких как “Руководство по кристаллографии” (1904), подобно современным курсам физики изложенное “предельно строго и математично”; “Кристаллы, их образование, вид и строение” (1917); “Основы

кристаллографии” (1923) и целый ряд лекционных курсов. Все они выходили под девизом: “Учение о кристаллах есть отдел физики, и его ведению подлежат... все твёрдые тела”.

Не менее глубокой и масштабной была научно-популяризаторская деятельность Вульфа. Его книги “Симметрия и её проявления в природе” (1908) и “Жизнь кристаллов” (1918), написанные увлекательно, доступно и к тому же отличающиеся изящным литературным стилем, остаются полезными и в наше время. Особый интерес представляет книга “Вселенная — машина и её служение человеку” (1920). Кроме того, Вульф оставил нам оригинальные статьи, посвящённые Р.Ж. Гаюи, У.Г. и У.Л. Брэггам, П.Н. Лебедеву, и рецензии на книги по кристаллографии известных учёных Е.С. Фёдорова, В.И. Вернадского, Я.В. Самойлова, привлекающие внимание и современных историков науки. В своих книгах и статьях он придерживался правила: “Теория сложна и трудна, пока она создаётся, но раз она сложилась и результаты её проверены на опыте, мы сплошь и рядом замечаем, на какое значительное упрощение она способна. Так точно и в жизни мы часто приходим к очень простым мыслям лишь после долгого размышления” [9, с. 680].

Современники помнили его популярные лекции. А.В. Шубников оценивал их так: “Вульф был прекрасным лектором, читал лекции вполне понятным и доступным языком, сопровождая их демонстрацией моделей кристаллов и самих кристаллов. Кристаллы он показывал на экране с помощью проекционного фонаря” [3, с. 44].

Покидая в 1908 г. Варшавский университет, Вульф призывал студентов к беззаветному служению науке: “...Стремление к истине только тогда будет плодотворным, когда вы проникнитесь любовью к истине. Наука, как и искусство, требует творчества, творчество же без любви невозможно. ... Любите истину и будьте прежде всего людьми в благородном смысле этого слова...” [4, с. 129, 130].

В своих помыслах и поступках Вульф был истинным патриотом России. И потому он, подобно П.Н. Лебедеву, В.И. Вернадскому, Б.Б. Голицыну и А.А. Эйхенвальду, болезненно ощущал всю неустроенность российской науки, особенно в первые два десятилетия новой власти. В журнале “Природа” за 1922 г. он писал: “Тяжелы были за последние годы условия работы русского учёного, немногим они легче и теперь... Однако... есть и светлые пятна... Как бы ни были велики невзгоды русского учёного, он не отходит от любимой науки и делает, что возможно в его ослабевших силах для её сохранения в своей Родине, столь нуждающейся в просвещении” [4, с. 226].

Первый номер журнала "Природа" с публикацией Г.В. Вульфа

За годы творчества Вульф опубликовал более 150 научных и популярных работ, рецензий, учебных пособий и материалов, около 40 его статей вышли в свет за рубежом. В России его работы, как правило, печатались в “Журнале Русского физико-химического общества”, в “Известиях” тех университетов, где он служил, в журнале “Природа”, с самого начала его создания, и других изданиях.

Кроме дела, которым Георгий Викторович занимался с любовью и энтузиазмом, он увлекался музыкой и театром, вокалом и фотографией.

Осенью 1924 г. от ВСНХ Вульф был направлен в заграничную командировку, в ходе которой побывал в Германии, Англии и Франции. Там он с немалой пользой для себя общался с ведущими кристаллографами М. Лауэ, У.Л. и У.Г. Брэггами, М. Майерсом, Т. Баркером и другими, а в Париже сделал доклад о своих последних научных работах в кристаллофизике.

Вскоре после возвращения в Москву у него стали проявляться признаки болезни, причиной которой явилось возможное облучение от лабораторной рентгеновской установки. 24 декабря 1925 г. Георгий Викторович Вульф скончался и был похоронен в Тарусе Калужской губернии рядом с могилой жены.

Память об этом учёном жива и сегодня. Она — в применении его научных методов, в воспоминаниях учеников, в монографиях и курсах истории науки, в биографиях учёного, особенно в интересной и глубокой по содержанию книге А.С. Сонина [4], объективно раскрывающей творчество Г.В. Вульфа.

*Р.Н. ЩЕРБАКОВ,
доктор педагогических наук*

ЛИТЕРАТУРА

1. Вульф Ю.В. Избранные работы по кристаллофизике и кристаллографии. М.: Гостехтеоретиздат, 1952.
2. Вульф Г.В. Физика и кристаллография // Успехи физ. наук. 1922. Т. III. № 1.
3. Физики о себе. Л.: Наука, 1990.
4. Сонин А.С. Георгий Викторович Вульф. 1863—1925. М.: Наука, 2001.
5. Кюри П. Избранные труды. М.—Л.: Наука, 1966.
6. Научная переписка П.Н. Лебедева. М.: Наука, 1990.
7. Брэгг В. О природе вещей. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
8. Жданов Г.С. 75-летие открытия дифракции рентгеновских лучей // Успехи физ. наук. 1987. Т. 153. № 4.
9. Вульф Г.В. Рентгеновские лучи и кристаллы // Природа. 1913. № 6.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

ПРЕЗИДИУМ РАН РЕШИЛ

(январь 2013 г.)

• Утвердить состав учёного совета ФГБУ науки Научного и издательского центра “Наука” РАН: член-корреспондент РАН **В.И. Васильев** — председатель; кандидат филологических наук **М.А. Ермолаева**, доктор филологических наук **Б.В. Ленский**, доктор педагогических наук **Ю.П. Мелентьева**, доктор философских наук **Е.А. Сайко**, доктор исторических наук **Р.А. Симонов**, доктор педагогических наук **Ю.Н. Столяров** (ФГБУ науки Научный и издательский центр “Наука” РАН); кандидат исторических наук **В.Ю. Афиани** (ФГБУ науки Архив РАН); доктор педагогических наук **В.П. Леонов** (ФГБУ науки Библиотека РАН); член-корреспондент РАН **Л.Э. Миндели**.

• Назначить доктора биологических наук **А.М. Крышени** исполняющим обязанности директора ФГБУ науки Института леса Карельского научного центра РАН до избрания директора института в установленном порядке.

• Утвердить в должности заместителей директора по научной работе ФГБУ науки Всероссийского института научной и технической информации РАН, избранных учёным советом института сроком на пять лет: кандидата технических

наук **В.А. Быкова** (на новый срок); доктора технических наук **И.Ю. Никольскую**.

• Утвердить академика **А.Г. Куликовского** главным редактором журнала “Известия РАН. Механика жидкости и газа” сроком на пять лет.

• Утвердить академика **Б.С. Кашина** главным редактором журнала “Математический сборник” РАН сроком на пять лет.

• Освободить академика **Ю.В. Наточина** от обязанностей главного редактора “Российского физиологического журнала им. И.М. Сеченова” по личной просьбе. За многолетнюю плодотворную работу объявить Юрию Викторовичу Наточину благодарность.

Утвердить академика **Н.П. Весёлкина** главным редактором “Российского физиологического журнала им. И.М. Сеченова” РАН сроком на пять лет.

• Утвердить постановление Общего собрания Отделения энергетики, машиностроения, механики и процессов управления РАН от 17 декабря 2012 г. о присуждении учёной степени доктора *honoris causa* иностранному учёному **Марио Капители** (Италия).

ЮБИЛЕИ

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС АКАДЕМИКУ И.П. БЕЛЕЦКОЙ

Ирина Петровна БЕЛЕЦКАЯ — крупный учёный в области теоретической органической химии, химии металлоорганических соединений и металлокомплексного катализа, автор более 1000 научных публикаций, в том числе 4 монографий. Ею установлены основные закономерности протекания реакций

электрофильного замещения у насыщенного атома углерода; создана электрохимическая шкала С—Н кислотности; выполнены исследования реакционной способности карбанионов и роли ионных пар в этих реакциях, механизмов реакций нуклеофильного ароматического замещения и замещения в винилгалогенидах. Эти работы стали классикой органической химии, вошли в учебники.

Ирина Петровна впервые синтезировала соединения со связью лантанид—переходный металл и органические производные двухвалентных лантанидов. Она была одной из первых, кто показал возможность применения производных редкоземельных элементов в органическом синтезе, в том числе в качестве катализаторов гидрирования и гидросилилирования олефинов.

Учёным внесён большой вклад в развитие методов синтеза органических соединений с использованием катализаторов на основе комплек-

сов переходных металлов. Исследования реакций, катализируемых палладием, привели к идее использования так называемого безлигандного палладия для выяснения роли наночастиц палладия в катализе и разработке нанодисперсных каталитических систем, сочетающих достоинства гомогенных и гетерогенных катализаторов.

И.П. Белецкая была президентом Отделения органической химии Международного союза по теоретической и прикладной химии (IUPAC); в настоящее время заведующая лабораторией элементоорганических соединений кафедры органической химии химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ, почётный академик АН Республики Башкортостан, почётный профессор Санкт-Петербургского химико-технологического университета, почётный доктор Королевского технологического института Швеции, почётный профессор Национального университета Кордовы (Аргентина), главный редактор “Журнала органической химии”, член редколлегии многих отечественных и зарубежных научных журналов.

И.П. Белецкая — лауреат Государственной премии РФ, премий им. А.Н. Несмеянова и А.А. Баландина РАН, Демидовской премии, международной Арбузовской премии, премии им. П.Л. Капицы Королевского научного общества Великобритании, премии “Женщины в инженерных науках” (Швеция), награждена орденом Трудового Красного Знамени.

АКАДЕМИКУ А.И. ГРИГОРЬЕВУ — 70 ЛЕТ

Анатолий Иванович ГРИГОРЬЕВ — выдающийся учёный-физиолог, специалист в области физиологии экстремальных состояний и космической медицины, автор более 400 научных публикаций, в том числе 16 монографий. Им выполнены фундаментальные исследования механизмов перестройки физиологических

систем в условиях невесомости, разработана система коррекции нарушений функций при микрогравитации и гипокинезии.

Учёным внесён значительный вклад в решение фундаментальных и прикладных проблем косми-

ческой биологии и медицины, обусловивших возможность осуществления самых продолжительных в практике мировой космонавтики пилотируемых полётов на орбитальных космических станциях. Под его руководством реализованы программы изучения функций сердечно-сосудистой системы и обмена веществ в серии продолжительных пилотируемых полётов; установлены механизмы изменения функций физиологических систем и эндокринной регуляции метаболизма в условиях микрогравитации; изучены процессы адаптации живых систем различного эволюционного уровня организации к воздействию гравитации.

Анатолий Иванович провёл уникальные наземные имитационные эксперименты, раскрывающие закономерности изменения функций висцеральных систем и их взаимосвязей при дей-

ствии экстремальных факторов. Им обоснован новый подход к пониманию здоровья как способности организма адаптироваться к условиям окружающей среды; показано значение донозологической диагностики, направленной на распознавание состояний, пограничных между нормой и патологией.

Большой вклад учёный внёс в становление и развитие отечественной телемедицины, в обоснование медицинских и информационных подходов её реализации в различных областях применения.

А.И. Григорьев был академиком-секретарём Отделения биологических наук РАН (2002–2009), директором Института медико-биологических проблем (1988–2008); в настоящее время он вице-президент РАН, научный руководитель Института медико-биологических проблем РАН, координатор

программы Президиума РАН “Фундаментальные науки — медицине”, председатель Научно-издательского совета РАН, председатель Секции космической биологии и физиологии Совета РАН по космосу, заместитель председателя Координационного научно-технического совета Росавиакосмоса и РАН, заведующий кафедрой экологической и экспериментальной медицины МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор журналов “Физиология человека” и “Технологии живых систем”. Среди его учеников 8 докторов и 12 кандидатов наук.

А.И. Григорьев — лауреат Государственных премий СССР и РФ, премии Правительства РФ, Демидовской премии, премии им. А.А. Ухтомского РАН, офицер Ордена Почётного Легиона (Франция), награждён многими орденами и медалями, в том числе золотой медалью НАСА.

АКАДЕМИКУ Г.А. ТОЛСТИКОВУ — 80 ЛЕТ

Генрих Александрович ТОЛСТИКОВ — крупный учёный в области органической химии, организатор науки, автор и соавтор более 1500 научных публикаций. Он внёс значительный вклад в химию металлоорганических соединений, металлокомплексный катализ, асимметрический синтез, химию природных соединений, фотохимию и медицинскую химию.

В химии алюминийорганических соединений учёным открыт ряд новых важных препаративных реакций и молекулярных структур с атомом алюминия в цикле. Под руководством Г.А. Толстикова была развёрнута первая в стране программа, направленная на применение металлокомплексного катализа и металлоорганических реагентов в тонком и крупнотоннажном органическом синтезе.

Учёным выполнен цикл исследований по полному синтезу низкомолекулярных биорегуляторов — простагландинов, феромонов, ювеноидов, ацетогенинов и пиретроидов. На основе этих работ было организовано первое в нашей стране производство ветеринарных простагландинов и экологически безвредных природных инсектицидов пиретроидного ряда. Созданная учёным научная школа — единственная в стране, в совершенстве осуществляющая полный синтез сложных и важных биологически активных соединений и доводящая лабораторные результаты до промышленного производства.

Генрих Александрович является автором уникальных, внедрённых в промышленное производство технологий получения энергонасыщенных каркасных углеводов высокой плотно-

сти, катализаторов полимеризации изопрена, фенольных антиоксидантов и стабилизаторов.

Активно развивая исследования в области медицинской химии, Г.А. Толстиков является лидером такого важного научного направления в РАН, как синтетические трансформации низкомолекулярных растительных метаболитов. На основе превращений метаболитов, а также веществ чисто синтетических под руководством учёного созданы и разрабатываются оригинальные отечественные препараты для лечения социально значимых заболеваний и для борьбы с опасными вирусными инфекциями.

Г.А. Толстиков работал директором Института химии Башкирского филиала АН СССР, Института органической химии Башкирского научного центра УрО РАН и Новосибирского института органической химии им. Н.Н. Ворожцова СО РАН, был председателем Президиума Башкирского филиала АН СССР и Башкирского НЦ УрО РАН, членом Президиума СО РАН, первым заместителем председателей УрО РАН и СО РАН, одним из организаторов Уральского отделения АН СССР; в настоящее время он советник РАН, научный руководитель Отдела химии природных и биологически активных соединений Новосибирского института органической химии СО РАН. Среди его учеников 4 члена-корреспондента РАН, 5 членов-корреспондентов АН Республики Башкортостан, 38 докторов и около 100 кандидатов наук.

Г.А. Толстиков — лауреат Государственных премий АН СССР и РФ, Демидовской премии, Российской независимой премии “Триумф”, премии им. А.Н. Несмеянова РАН, премии им. В.А. Коптюга НАН Беларуси и СО РАН, награждён орденами “За заслуги перед Отечеством” IV степени, “Знак почёта”, Почёта, Дружбы народов, медалью “За трудовую доблесть”.

АКАДЕМИКУ К.Н. ТРУБЕЦКОМУ — 80 ЛЕТ

Климент Николаевич ТРУБЕЦКОЙ — выдающийся учёный в области горных наук, комплексного освоения недр Земли и горной экологии, руководитель ведущей научной школы в области комплексного освоения и сохранения недр Земли, автор и соавтор свыше 850 научных публикаций, в том числе 57 монографий,

автор раздела “Технология исследования и управления природными ресурсами” в написанной выдающимися специалистами мира “Энциклопедии систем жизнеобеспечения” (2002 г., Оксфорд, Великобритания). Им заложены научные основы комплексного освоения георесурсов, формирования и применения техники и технологии при комбинированных открыто-подземных способах разработки месторождений полезных ископаемых; разработана теория формирования техногенных месторождений с заданными параметрами и характеристиками вскрышных пород и забалансовых запасов минерального сырья для последующего извлечения всех георесурсов.

Учёным создано новое научное направление в комплексном освоении недр Земли — ресурсовоспроизводство; разработана концепция управляемого ресурсовоспроизводства и классификация его методов, применение которых расширяет минерально-сырьевую базу; рассмотрены возможности изменения существующей парадигмы освоения недр в перспективе путём разработки

месторождений с заданными параметрами, созданными в литосфере Земли; разработаны принципы создания методов расчёта параметров и условий применения на карьерах принципиально новых, прогрессивных ресурсосберегающих и малоотходных технологий; выдвинуто и обосновано представление о естественно-научном содержании и классификации горных наук как о системе знаний о закономерностях и методах управляемого техногенного преобразования недр Земли.

К.Н. Трубецкой 16 лет работал директором Института проблем комплексного освоения недр РАН, был заведующим кафедрой разработки руд цветных, редких и радиоактивных металлов Российского государственного геолого-разведочного университета, членом Президиума РАН; в настоящее время он советник РАН, главный научный сотрудник ИПКОН РАН, член бюро Отделения наук о Земле РАН, председатель Научного совета РАН по проблемам горных наук, председатель Экспертного совета ВАК по проблемам разработки месторождений твёрдых полезных ископаемых, главный редактор журнала “Горное дело” и научно-технического сборника “Взрывное дело”. Среди его учеников члены РАН и Академии горных наук, более 35 докторов и кандидатов наук.

К.Н. Трубецкой — лауреат Государственных премий СССР и РФ, премии Президента РФ и трёх премий Правительства РФ, премии им. Н.В. Мельникова РАН, награждён орденами “За заслуги перед Отечеством” III и IV степеней, Дружбы народов, многими медалями, в том числе золотой медалью им. Н.В. Мельникова с премией АН СССР.

О КОНКУРСАХ НА СОИСКАНИЕ ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЕЙ И ПРЕМИЙ ИМЕНИ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЁНЫХ, ПРОВОДИМЫХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК В 2014 ГОДУ

Российская академия наук объявляет конкурсы на соискание следующих золотых медалей и премий имени выдающихся учёных, каждая из которых присуждается в знаменательную дату, связанную с жизнью и деятельностью учёного, именем которого названа медаль или премия.

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ

1. Золотая медаль им. **С.М. Соловьёва** присуждается отечественным учёным за выдающийся вклад в изучение истории.

Срок представления работ — до 5 февраля 2014 г.

2. Золотая медаль им. **П.Л. Капицы** присуждается отечественным и зарубежным учёным за выдающиеся работы по физике.

Срок представления работ — до 8 апреля 2014 г.

3. Золотая медаль им. **И.М. Сеченова** присуждается отечественным учёным за крупные теоретические работы в области физиологии.

Срок представления работ — до 13 мая 2014 г.

4. Золотая медаль им. **Н.Н. Боголюбова** присуждается отечественным и зарубежным учёным за выдающиеся работы в области математики, теоретической физики и механики.

Срок представления работ — до 21 мая 2014 г.

5. Золотая медаль им. **Д.К. Чернова** присуждается отечественным учёным за выдающиеся тру-

ды в области физикохимии металлургических процессов и металловедения.

Срок представления работ — до 1 августа 2014 г.

6. Золотая медаль им. **В.И. Даля** присуждается отечественным учёным

за выдающиеся работы в области русского языка, лексикографии, литературы и фольклора.

Срок представления работ — до 10 августа 2014 г.

7. Золотая медаль им. **Д.В. Скобельцына** присуждается отечественным учёным за выдающиеся работы в области физики элементарных частиц и космических лучей.

Срок представления работ — до 24 августа 2014 г.

8. Золотая медаль им. **В.А. Энгельгардта** присуждается отечественным учёным за выдающиеся работы в области молекулярной биологии.

Срок представления работ — до 4 сентября 2014 г.

ПРЕМИИ

(присуждаются отечественным учёным)

1. Премия им. **А.В. Чаянова** — за выдающиеся работы в области аграрной экономики.

Срок представления работ — до 1 октября 2013 г.

2. Премия им. **В.С. Немчинова** — за выдающиеся работы в области экономико-математических моделей и методов.

Срок представления работ — до 14 октября 2013 г.

3. Премия им. **Л.В. Канторовича** — за выдающиеся работы по теории экономико-математических методов.

Срок представления работ — до 19 октября 2013 г.

4. Премия им. **В.А. Каргина** — за выдающиеся работы в области высокомолекулярных соединений.

Срок представления работ — до 23 октября 2013 г.

5. Премия им. **Н.Д. Зелинского** — за выдающиеся работы в области органической химии и химии нефти.

Срок представления работ — до 6 ноября 2013 г.

6. Премия им. **Е.Н. Павловского** — за выдающиеся работы в области зоологии и паразитологии.

Срок представления работ — до 5 декабря 2013 г.

7. Премия им. **А.Н. Баха** — за выдающиеся работы по биохимии.

Срок представления работ — до 29 декабря 2013 г.

8. Премия им. **И.И. Мечникова** — за выдающиеся научные труды в области иммунологии, сравнительной и экспериментальной патологии и крупные научные достижения в области биологии и биомедицины.

Срок представления работ — до 15 февраля 2014 г.

9. Премия им. **В.А. Коптюга** — за выдающиеся работы по химии в интересах сохранения окружающей среды и развития.

Срок представления работ — до 9 марта 2014 г.

10. Премия им. **А.А. Фридмана** — за выдающиеся работы по космологии и гравитации.

Срок представления работ — до 17 марта 2014 г.

11. Премия им. **С.Л. Рубинштейна** — за выдающиеся научные работы в области психологии.

Срок представления работ — до 18 марта 2014 г.

12. Премия им. **А.Н. Веселовского** — за выдающиеся работы в области теории литературы и сравнительного литературоведения и фольклористики.

Срок представления работ — до 27 марта 2014 г.

13. Премия им. **А.А. Белопольского** — за выдающиеся работы по астрофизике.

Срок представления работ — до 13 апреля 2014 г.

14. Премия им. **П.П. Аносова** — за выдающиеся научные работы в области металлургии, металловедения и термической обработки металлов и сплавов.

Срок представления работ — до 16 апреля 2014 г.

15. Премия им. **Н.Н. Миклухо-Маклая** — за выдающийся вклад в изучение проблем этнологии и антропологии.

Срок представления работ — до 17 апреля 2014 г.

16. Премия им. **П.А. Черенкова** — за выдающиеся достижения в области экспериментальной физики высоких энергий.

Срок представления работ — до 28 апреля 2014 г.

17. Премия им. **А.А. Бочвара** — за выдающиеся работы в области металлургии, общего и радиационного материаловедения цветных, радиоактивных материалов и сталей.

Срок представления работ — до 8 мая 2014 г.

18. Премия им. **А.Г. Столетова** — за выдающиеся работы по физике.

Срок представления работ — до 10 мая 2014 г.

19. Премия им. **А.П. Виноградова** — за выдающиеся работы по геохимии, биогеохимии и космохимии.

Срок представления работ — до 21 мая 2014 г.

20. Премия им. **Ф.А. Цандера** — за выдающиеся теоретические работы в области ракетно-космической науки.

Срок представления работ — до 23 мая 2014 г.

21. Премия им. **А.Н. Северцова** — за выдающиеся работы в области эволюционной морфологии.

Срок представления работ — до 17 июня 2014 г.

22. Премия им. **К.Э. Циолковского** — за выдающиеся работы в области межпланетных сообщений и использования космического пространства.

Срок представления работ — до 17 июня 2014 г.

23. Премия им. **В.А. Обручева** — за выдающиеся научные работы по геологии Азии.

Срок представления работ — до 10 июля 2014 г.

24. Премия им. **В.Л. Комарова** — за выдающиеся работы в области ботаники, систематики, анатомии и морфологии растений, ботанической географии и палеоботаники.

Срок представления работ — до 13 июля 2014 г.

25. Премия им. **Д.Н. Прянишникова** — за выдающиеся работы в области питания растений и применения удобрений.

Срок представления работ — до 7 августа 2014 г.

26. Премия им. **А.Ф. Иоффе** — за выдающиеся работы в области физики.

Срок представления работ — до 11 августа 2014 г.

27. Премия им. **Н.И. Лобачевского** — за выдающиеся результаты в области геометрии.

Срок представления работ — до 1 сентября 2014 г.

28. Премия им. **К.И. Скрябина** — за выдающиеся исследования в области гельминтологии и паразитологии.

Срок представления работ — до 7 сентября 2014 г.

29. Премия им. **А.Д. Архангельского** — за выдающиеся научные работы по региональной геологии.

Срок представления работ — до 8 сентября 2014 г.

30. Премия им. **Г.М. Кржижановского** — за выдающиеся исследования в области комплексных проблем энергетики.

Срок представления работ — до 22 сентября 2014 г.

31. Премия им. **С.О. Макарова** — за выдающиеся научные труды, открытия и изобретения в области океанологии.

Срок представления работ — до 27 сентября 2014 г.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В целях поощрения учёных за научные труды, научные открытия и изобретения, имеющие важное значение для науки и практики, Российская академия наук присуждает золотые медали и премии имени выдающихся учёных.

Золотые медали присуждаются за выдающиеся научные работы, открытия и изобретения или по

совокупности работ большого научного и практического значения.

В конкурсах на соискание золотых медалей могут участвовать лишь отдельные лица персонально.

Премии присуждаются за отдельные выдающиеся научные работы, открытия, изобретения, а также за серии научных работ по единой тематике.

На соискание премий могут быть представлены работы или серии работ единой тематики, как правило, отдельных авторов. При представлении работ выдвигаются лишь ведущие авторы, причём не более трёх человек.

Право выдвижения кандидатов на соискание золотых медалей и премий предоставляется:

а) академикам и членам-корреспондентам Российской академии наук;

б) научным учреждениям, высшим учебным заведениям;

в) научным и инженерно-техническим обществам;

г) научным советам Российской академии наук и других ведомств по важнейшим проблемам науки;

д) научно-техническим советам государственных комитетов, министерств, ведомств; техническим советам промышленных предприятий; конструкторским бюро.

Организации или отдельные лица, выдвинувшие кандидата на соискание золотой медали или премии, обязаны представить в Российскую академию наук (119991, Москва, Ленинский проспект, 14, корп. 2, Экспедиция) с надписью “На соискание золотой медали (премии) имени...”:

а) мотивированное представление, включающее научную характеристику работы, её значение для развития науки и народного хозяйства;

б) при выдвижении работ на соискание премии — опубликованную научную работу (серию работ), материалы научного открытия или изобретения — в трёх экземплярах (при выдвижении закрытых работ допускается представление рукописных материалов в одном экземпляре).

Примечание: При выдвижении кандидата на соискание золотой медали представление опубликованных научных работ (серий работ), мате-

риалов научного открытия или изобретения не обязательно;

в) сведения об авторе (перечень основных научных работ, открытий, изобретений, место работы и занимаемая должность, домашний адрес, номера служебного и домашнего телефонов);

г) справку о том, что представляемая на конкурс работа ранее не была удостоена Государственной премии, а также именных государственных премий.

Работы, удостоенные Государственной премии, а также именных государственных премий, на соискание золотых медалей и премий имени выдающихся учёных не принимаются.

Учёным, удостоенным золотых медалей или премий, предоставляется право при печатании работ отмечать в заголовке “Удостоена золотой медали (премии) имени ... Российской академии наук за ... год”.

Решения Президиума РАН о присуждении золотых медалей и премий, а также краткие аннотации о работах, удостоенных золотых медалей или премий, публикуются в “Вестнике Российской академии наук”, в “Известиях Российской академии наук” соответствующей серии и в газете “Политический”. В “Вестнике Российской академии наук” помещаются портреты учёных, удостоенных золотых медалей и премий.

Рассмотренные на заседании Президиума РАН печатные научные работы, за которые присуждены золотые медали или премии, передаются в Библиотеку Российской академии наук на хранение.

Золотые медали, а также дипломы о присуждении золотых медалей вручаются удостоенным их лицам на годичном Общем собрании Российской академии наук. Дипломы о присуждении премий вручаются удостоенным их лицам на заседании Президиума РАН.

Справки по телефону: (499) 237-99-33

Сдано в набор 20.03.2013 г.	Подписано к печати 24.04.2013 г.	Дата выхода в свет 23 ежем.	Формат 60 × 88 ¹ / ₈
Офсетная печать	Усл. печ. л. 12.0	Усл. кр.-отт. 25.0 тыс.	Уч.-изд. л. 12.5
	Тираж 2010 экз.	Зак. 1187	Цена свободная

Свидетельство о регистрации № 0110150 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6